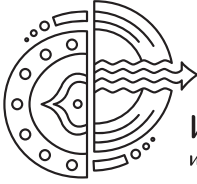

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2022. Том 12, №1

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2022, vol. 12, no. 1

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution “Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database.
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2022

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2022

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Радик Исхаков**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Алсу Ахтямова**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Ильшат Файзрахманов**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Эмиль Шарафиев**, младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Халида Багаутдинова**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Радик Салихов, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Ананий Иванов, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Вадим Трепавлов, д.и.н., руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Гаяз Самигулов, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Геннадий Николаев, к.и.н., зам. директора по науке, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари (István Vásáry), Dr.Sci. (история), профессор, Университет им. Этвеша Лоранда – Eötvös Loránd University (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер (Michael Kemper), Dr.Sci. (история), профессор, Университет Амстердама – University of Amsterdam (Амстердам, Голландия)

Олег Марискин, д.и.н., профессор, Саранский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Петр Кабытов, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт (Paul W. Werth), Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета, Университет Невады – University of Nevada, Las Vegas (UNLV) (Лас Вегас, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

Статьи

Карташева Е.И. Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX в.	9
Кореева Н.А. Благотворительная деятельность купечества в чрезвычайных ситуациях первой половины XIX в. (по материалам Казанской губернии)	28
Мироненко С.В. Бумаги последнего российского императора Николая II в Государственном архиве Российской Федерации (к истории формирования коллекции)	40
Миронова Е.В. Благотворительность дворян Казанской губернии в середине XIX – начале XX в.	55
Михайлов А.Ю. «Многоуважаемые гостеприимцы»: благотворительность профессоров Казанской духовной академии	64
Свердлова Л.М. Благотворительные инициативы казанского купечества и их реализация в XIX в.	76
Ульянова Г.Н. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в. как кредитные учреждения: финансовый механизм выдачи ссуд и порядок залога имений и крестьян	86
Хайруллина А.Д. Деяния, обессмертившие имена. Казанские меценаты XIX – начала XX в. (по материалам Национального музея Республики Татарстан)	97
Хитров А.А. Благотворительные ведомства и учреждения под покровительством дома Романовых как институты образования в императорской России XIX – начала XX в. (на примере Ведомства учреждений императрицы Марии)	103

Публикация источника

- Багаутдинова Х.З., Исхаков Р.Р.** Одно из неизданных исследований историка и этнографа Н.В. Никольского – «Марийский фольклор как исторический источник» 117
- Файзрахманов И.З.** Новые источники по истории татарского дворянского рода Яушевых 125

Новые книги, рецензии

- Ахтямова А.В., Файзрахманов И.З.** Рецензия на книгу: Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.): монография (Казань, 2021) 137

ПРЕДИСЛОВИЕ

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В первом номере журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» за 2022 г. публикуются материалы научного форума – XXIV Елисаветинско-Сергиевские чтения «Российская благотворительность. Традиции и современность», состоявшегося 2 ноября 2021 г. в г.Казани. Форум был приурочен ко дню рождения святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны и организован Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» при поддержке Правительства и Министерства культуры Республики Татарстан, Института всеобщей истории Российской академии наук, Казанского федерального университета.

Участие в работе научного мероприятия приняли эксперты, реализующие программы в области просвещения и благотворительности, поддержки отечественной культуры, изучения исторического наследия, а также историки, архивисты, краеведы, представители общественных и церковных организаций, специалисты научного и музейного сообщества Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда и Перми. Главной темой чтений стало развитие благотворительности в России в первой половине XIX – начале XX в.

В журнал включены статьи участников конференции по следующим научным проблемам. Работа *Е.И. Карташевой* посвящена историческим аспектам благотворительной деятельности купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начала XX в. В ней рассматриваются направления и организационные формы благотворительной деятельности в контексте религиозных ценностей и традиций старообрядчества, юридических прав старообрядческих общин, а также в соотношении с аналогичными типичными практиками в России того периода в целом. В публикации *Н.А. Кореевой* рассмотрены некоторые аспекты благотворительности купечества в условиях чрезвычайных ситуаций – во время Отечественной войны 1812 г., эпидемий холеры 1830, 1831 гг., голода, казанских пожаров. В освещении этой темы имеются существенные пробелы, несмотря на многочисленные исследования по истории благотворительной деятельности. Наряду с организацией добровольных пожертвований власть практиковала разные методы административного нажима для пополнения казны. За проявление актов милосердия к нуждающимся соотечественникам купцы поощрялись медалями, присвоением званий. В статье

С.В. Мироненко проанализирована история формирования коллекции материалов последнего российского императора Николая II (ф. 601) Государственного архива Российской Федерации. Автор подробно показывает, на основе каких документов и материалов был образован архивный фонд, оценивает их значение для изучения истории царской семьи. *Е.В. Миронова* посвятила свое исследование филантропической деятельности дворян Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Были рассмотрены основные направления благотворительной активности представителей высшего сословия, осуществляемой через организации и в частном порядке. Показано участие дворян в обществах, оказывавших финансовую поддержку учащейся молодежи различных сословий. Изучены благотворительные инициативы дворян во время военных кампаний. Отдельный сюжет посвящен благотворительности в пользу «недостаточных» дворян. Сделан вывод о том, что трудности пореформенного периода не остановили помещиков в оказании помощи представителям всех слоев населения, а также актуализировали вопросы организации взаимной поддержки внутри дворянского сословия. В статье *А.Ю. Михайлова* рассмотрен феномен благотворительности среди профессоров Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX в. В ней классифицированы и выделены подходы и направления в благотворительности: участие в работе благотворительных обществ, учреждение стипендий для поддержки бедных студентов, завещание денег (ренты) учебному заведению, поселение к себе в дом (для бесплатного проживания). Рассмотрено это на примере деятельности П.В. Знаменского, И.М. Покровского, А.В. Вадковского, С.А. Терновского и других профессоров Академии. *Л.М. Свердлова* оценивает реализацию благотворительных инициатив как показателя социальной зрелости купеческого сословия административного центра Казанской губернии. Г.Н. Ульянова в своей статье рассматривает приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в. как кредитные учреждения, прослеживает эволюцию законодательства о ссудах и финансовый механизм залога имений и выдачи ссуд. В статье *А.Д. Хайруллиной* освещается участие казанского купечества в благотворительной деятельности XIX – начала XX в. по материалам фондов Национального музея РТ. В рамках этой темы затрагивается деятельность как татарского, так и русского купечества. Рассматриваются побуждающие мотивы к благотворительности, в том числе обусловленные религиозными традициями. Показаны основные направления филантропической деятельности казанского купечества. Статья *А.А. Хитрова* посвящена благотворительным организациям под покровительством императорской фамилии, действовавшим в России в XIX – начале XX в. Автор рассматривает роль указанных организаций в развитии образования в императорской России. Научный вопрос исследуется на примере Ведомства учреждений императрицы Марии.

Раздел «Публикация источника» включает две работы. Публикация *Х.З. Багаутдиновой, Р.Р. Исхакова*, в которой представлена неизданное исследование видного казанского историка, этнографа и фольклориста Н.В. Никольского (1878–1961), посвящена марийским историческим преданиям. Вводится в научный оборот текст предания о возникновении и исчезновении марийской деревни Актаял. Дана краткая характеристика труду Н.В. Никольского, в котором содержатся интересные этнографические сведения о жизни и быте мари в дореволюционный период. В публикации И.З. Файзрахманова «Новые источники по истории татарского дворянского рода Яушевых» приведены документы о дворянском достоинстве Баязита Яушева из д.Верхние Ерыклы Мензелинского уезда Оренбургской губернии, представленные Яушевым для доказательства своего именитого происхождения в 1832 г.

В разделе «Новые книги, рецензии» представлен отзыв *А.В. Ахтямовой, И.З. Файзрахманова* на монографию: Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.) (Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 324 с.). Рецензия характеризует содержание монографии, посвященной изучению демографического и социального развития татар Волго-Уральского региона на основе комплексного анализа статистической информации второй половины XVI – начала XX в., главным образом, по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В ней подчеркивается высокая актуальность, большая научная и практическая значимость рецензируемой монографии.

СТАТЬИ

УДК 94+281.93(47).083

Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX в.

Е.И. Карташева

*Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск»
Свияжск, Российская Федерация*

Статья посвящена историческим аспектам благотворительной деятельности купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани, выделен период ее расцвета и активной реализации в конце XIX – начала XX в., особенно в период легального существования старообрядчества в России после 1905 г. Рассматриваются направления и организационные формы благотворительной деятельности в контексте религиозных ценностей и традиций старообрядчества, юридических прав старообрядческих общин, а также в соотношении с аналогичными типичными практиками в России того периода в целом; раскрывается роль купцов как ведущих субъектов и организаторов социальной деятельности старообрядцев.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительная деятельность, купцы, старообрядцы, старообрядческие общины, Казань.

Для цитирования: Карташева Е.И. Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 9–27.

Феномен благотворительности в том виде, в каком это явление существовало в России на рубеже XIX–XX столетий, заключался в органичном соединении духовно-религиозных ценностей, личностной реализации, общественной деятельности, государственной политики.

Благотворительная деятельность в Казани развивалась в общероссийском русле. Как и везде в крупных городах, в Казани существовала развитая сфера благотворительности, ставшая значимым, активно действующим социально-государственным явлением в городе и Казанской губернии.

Однако благотворительная деятельность старообрядцев во многом определялась их правовым положением. Их конфессиональная и социальная реализация до начала XX в. была значительно затруднена. Только после принятия известных законоположений 1905–1906 гг. («Об укреплении начал веротерпимости», «О порядке образования и действия старообряд-

ческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов») запреты были окончательно сняты, а социально-конфессиональные и юридические права старообрядцев и старообрядческих общин обеспечены.

В рассматриваемый период старообрядцы были представлены в Казани как стабильный и вполне сложившийся этноконфессиональный слой населения. Самой крупной являлась община старообрядцев, приемлющих священство (Белокриницкого согласия). Довольно многочисленным было Поморское согласие, разделенное по вопросам о браке и молитвы за царя. Кроме того, в конце XIX в. в городе существовала небольшая община старообрядцев Спасова согласия. Имелись представители других беспоповских толков – филипповцы, странники и др. После 1906 г. были зарегистрированы следующие старообрядческие общины: Община старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии; Община христиан древлеправославного католического вероисповедания и благочестия Старопоморского согласия (федосеевцы); Община старообрядцев Поморского согласия, приемлющих брак и молящихся за царя (с 1917 г. – за российский народ), так называемое Новопоморское согласие.

Социально-сословное большинство в старообрядческих общинах Казани составляли купцы и мещане (более двух третей). Купцов было меньше, чем мещан, но они играли ведущую роль в материальной поддержке и общественной представительности общин, способствовали упрочению их положения, развитию и социальному продвижению. Наиболее заметно выделялись представители старообрядцев, приемлющих священство, и члены Старопоморской общины. Среди них были казанские старожилы (в нескольких поколениях), потомственные почетные граждане, купцы первой и второй гильдий, коммерции-советники. «Яркими» старообрядческими фамилиями этого периода в Казани являлись Романовы, Барабановы, Свечниковы, Четверговы, Афанасьевы (Белокриницкая община), Окошниковы, Я.Ф. Шапов, Гордеевы (Старопоморская), В.Г. Шабанов (Новопоморская). Традиционной сферой предпринимательства было производство муки, оптовая торговля хлебом и крупчатыми товарами, где старообрядцы занимали ключевые позиции. На гастрономическом рынке (в пищевом производстве и торговле) присутствовало немало крупных и средних предпринимателей-старообрядцев, действовавших в основном на территории губернии. Было представлено старообрядческое купечество и на Волге, среди пароходовладельцев.

Фундамент старообрядческой благотворительности зиждился на духовно-нравственной потребности и обязанности, заложенной христианскими заповедями, среди которых традиция подаяния и благих дел относилась к наиболее прочным. На этой почве складывалась как личная, так и социальная благотворительность. Не будем утверждать, что религиозно-духовная основа этой деятельности кардинально отличала старообрядцев

от последователей официального православия и других конфессий. Однако можно выдвинуть гипотезу, что в старообрядческой среде христианская «составляющая» мотивации благотворительности была более осмысленной и преобладающей, чем ее усиливавшийся социально-сословный и общественно-государственный компонент. В этой сфере (как и в других аспектах жизненного уклада) старообрядцы стремились сохранить и продолжить исконные традиции русского средневекового православия.

В общей картине благотворительной деятельности старообрядцев можно выделить ряд направлений и форм.

Личная (лично-семейная) благотворительность в частной жизни.

Это направление было наиболее традиционным и относилось к повседневной жизни христианина, проявлялось в подаяниях нищим (особо почиталась «тайная милостыня»), в различных формах покровительства собратьям по вере и помощи неимущим, сиротам, престарелым, странникам, попавшим в заключение и пр. Даже если эти действия были публичными, они не сопровождалась какой-либо документальной фиксацией. Соответственно имеющиеся сведения немногочисленны, разрозненны и вместе с тем типичны.

О частной благотворительности состоятельных старообрядцев Казани свидетельствуют устные предания, воспоминания, передающиеся из поколения в поколение. Старожилы вспоминали, как по субботам в доме Шамовых устраивались бесплатные обеды для неимущих, с раздачей милостыни, а А.Х.Шамова привозила в дар бедным семьям хлеб с запеченными серебряными монетами. Щедрой подачей милостыни запечатлелись в памяти горожан купец Остерман и его супруга (Белокриницкая община). Зажиточные мещане-старообрядцы, занимавшиеся огородничеством, по церковным праздникам доставляли провизию семьям заводских рабочих.

Благотворительность, направленная на поддержание существования общин и храмов, моленных. В этой сфере также продолжались древние традиции: «храмоздательство», пожертвования в церковь и «попечение о священниках». Для купцов-старообрядцев это было непреложной обязанностью в условиях постоянных гонений, полного отсутствия юридического признания, государственной поддержки и обеспечения общин и молитвенных зданий, а также священнослужителей, за которыми до начала XX в. закон не признавал их духовных званий.

Эта обязанность до 1905–1906 гг. осуществлялась полулегально, хотя в официальных сведениях по старообрядческим общинам их главные представители именовались именно попечителями, через них осуществлялось представительство и подавались установленные законодательством документы.

Роль купцов в поддержании и строительстве молитвенных зданий, «механизм» и особенности этих действий можно проследить на примере Белокриницкой общины. Часовня общины с 1850-х или 1860-х гг. находилась в жилом доме ее попечителя, купца И.П. Карпова на Большой Про-

ломной, главной торговой улице города. Помещение часовни не было большим и не имело богатого убранства. В этом же доме жили двое старообрядческих священников, останавливался во время посещений Казани старообрядческий епископ Пафнутий.

В 1880-е гг. была сделана попытка построить отдельный храм, собрана значительная сумма денег, откуплено место в начале улицы Первая Гора, почти полностью устроено кирпичное здание. Однако преодолеть сопротивление властей и открыть храм не удалось.

После смерти И.П. Карпова (1891 г.) образовалось попечительство, включавшее купцов – братьев М.Л. и В.Л. Свечниковых, П.С. Барабанова, А.В. Афанасьева, мещанина Ф.Т. Васильева. В их обязанности входило: сохранять общественные суммы; следить за храмом, платить жалованье псаломщикам и иметь за ними надзор; представлять по делам общины; проводить общие собрания для обсуждения церковно-общественных вопросов. Касса с денежными суммами, в том числе пожертвованными, по свидетельству известного старообрядческого деятеля И.К. Перетрухина, хранилась в доме священника о. Алексея Калягина «без всяких нотариальных бумаг, ибо правительство все равно не признавало никаких попечительств в старообрядческих общинах» [11]. Попечительством был куплен дом И.П. Карпова (после его кончины), часовня в нем расширена и украшена новыми иконами.

Когда строительство белокрыницкого храма стало, наконец, осуществимым легально, в ноябре 1906 г. был открыт подписной лист пожертвований. Наследниками благотворительницы-старообрядки Е.И. Новиковой было пожертвовано домовладение для церковного причта. В сентябре 1909 г. собор был освящен во имя Пресвятой Богородицы в честь явления Ее иконы во граде Казани.

В беспоповских общинах участие купцов-попечителей в рассматриваемый период было не менее заметным: в Старопоморской общине моленные содержались Шашабриными, И.П. Оконишниковым, Я.Ф. Шамовым и др., в Новопоморской – И.С. Гребенщиковым, В.Г. Шабановым и др. В начале XX в. у Старопоморской общины была восстановлена Прилуцкая моленная на так называемом «стекольном заводе», где крупный скит существовал в первой половине XIX в., открыта общественная моленная на углу Большой Варламовской и 3-й Ямской улиц, несколько оставались в частных купеческих домах.

Община старообрядцев Поморского согласия, приемлющих брак и молящихся за царя (Новопоморская), возвела на Вознесенской улице, в домовладении своего члена купца В.Ф. Максимова молитвенное здание в виде древнерусского храма с новгородско-псковскими мотивами, с жилыми и служебными строениями при нем.

Постепенно в старообрядческих общинах осуществлялся переход домовладений и другого имущества от попечителей к самим общинам, но во многих случаях он не был завершен к 1917 г.

Благотворительные общества и заведения самих общин. Незапамятным обычаем была и благотворительность, оказываемая через сами церкви и общины, выражалась она, главным образом, в бесплатной раздаче пищи и милостыни бедным, в устройстве келий при храмах для призрения немощных, убогих, престарелых.

Новым явлением в России в конце XIX – начале XX в. стало оформление этого вида деятельности в общества и благотворительные заведения. Подобные процессы были характерны для этноконфессиональных сообществ Казани, но старообрядческие общины в этом плане не отличались особой активностью, их благотворительность в основном осуществлялась по традиционной «неформальной» модели. Небольшие богадельни содержались в единоверческом приходе, у старопоморцев, в домовладении Белокриницкой общины.

На общем собрании Белокриницкой общины 1 октября 1914 г. было доложено, что «отказанные скончавшимся боровским мещанином Ф.Т. Васильевым Казанской общине 1000 руб. для присовокупления к имеющемуся капиталу на предмет постройки дома для престарелых немощных членов общины, школы пения и грамотности получены 26 августа с.г. и внесены в 1-е Казанское Общество взаимного кредита под билет №3830 Лит. Б. из 5% годовых» [2, л.27–28]. На этом же заседании рассматривался вопрос по прошению семьи умершего диакона В.М. Талалина о вспомоществовании по причине «тяжкого материального существования». Постановили: «принять меры по определению Агафона Талалина на Рогожское кладбище, а пока уплачивать за квартиру для семьи Талалина не свыше 6 руб. в месяц через кассира Совета, но помощь оказывать лишь при непременно условии аккуратного несения службы в храме Агафоном. Петром и Осипом Талалиными и подчинении их старшим певцам» [2, л.27–28].

Единственным зарегистрированным благотворительным заведением являлась Бесплатная столовая имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных при Белокриницкой общине. Она была учреждена на средства жительницы Самары, потомственной почетной гражданки Марии Кондратьевны Саниной.

М.К. Санина происходила из казанской купеческой семьи Подуруевых (отец – купец 2-й гильдии Кондратий Ермолаевич Подуруев, мать Агафья Мартыновна, имели дом на Вознесенской улице; брат – Арсений Кондратьевич, купец 1-й гильдии, в 1858 г. был избран городским головой).

Выйдя замуж, Мария Кондратьевна переехала в Самару, вошла в семью богатых купцов-старообрядцев Саниных, владельцев крупных бакалейных магазинов. Ее муж, Иван Львович, был старшим и наиболее известным из троих братьев, с конца 1860-х гг. почти сорок лет избирался гласным Самарской городской думы, являлся гласным уездного земского собрания, почетным мировым судьей, бессменным действительным чле-

ном Губернского статистического комитета. Был награжден орденами Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 3-й степени.

Супруги Санины деятельно занимались благотворительностью. Иван Санин состоял почетным членом Самарского Губернского попечительства детских приютов, Самарского управления Российского Общества Красного Креста и др. Мария Санина состояла попечительницей Мариинского приюта для детей воинов, Самарского общества попечения о бедных, членом местного комитета Общества Красного Креста. Санины жертвовали немалые суммы на содержание и благоустройство самарской белокрыницкой моленной. В 1907 г. потомственным почетным гражданином И.Л. Саниным была учреждена Бесплатная столовая при Самарской общине старообрядцев, приемлющих священство Белокрыницкой иерархии.

В 1910 г. Иван Львович скончался. Мария Кондратьевна, которой было уже семьдесят пять лет, продолжила благотворительную деятельность, с полным пониманием ее духовной сущности: «Так как он (И.Л. Санин – Е.К.) не успел при жизни оформить свои благие намерения, то я считаю своей святой обязанностью привести в исполнение его благотворительные цели, каковые были и моими целями, так как по этим вопросам мы действовали сообща. Я приступила уже к исполнению наших общих христианских намерений и единственное теперь мое желание – при жизни своей выполнить их. Для этого и завещано им мне все имущество, и хотя о способе употребления его ничего в завещании и не сказано, но я сама в преклонных годах стою уже пред Судом Божьим и ни одной крохи из завещанного не выроню за пределы благотворительности» [1].

В память о муже Мария Кондратьевна открыла в Самаре еще две бесплатные столовые, в 1912 г. выделила часть своей усадьбы под постройку старообрядческого храма.

Устройство бесплатной столовой в Казани было связано с желанием Марии Кондратьевны почтить память своих родителей.

В Государственном архиве РТ сохранилось дело по учреждению и деятельности Бесплатной столовой имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных в Казани [2]. Комплекс документов открывается прошением М.К. Саниной на имя казанского губернатора, направленным из Самары в июне 1912 г. Оно гласит: «Желая, как уроженка Казани, придти на помощь беднейшему населению родного города, я поставила себе целью устроить в г. Казани на принадлежащем мне дворовом месте по Георгиевской улице Бесплатную столовую имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных. Существование столовой я обеспечиваю капиталом в сумме 170000 руб. и заведование ее делами, имуществом и капиталом я поручаю Казанской общине старообрядцев, приемлющих Белокрыницкое священство, на условиях, в уставе изложенных» [2, л.3].

К прошению был приложен проект устава и копия журнального постановления общины (от 25 июля 1912 г.), свидетельствующая о единодушном согласии. Губернатор М.В. Стрижевский со своей стороны отме-

чал: «Я считал бы устройство подобной столовой для нуждающихся всех вероисповеданий мерой крайне полезной и желательной для такого большого города, как Казань, где насчитывается около 200 тыс. населения» [2, л.8]. Устав Бесплатной столовой в г. Казани имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных был утвержден 16 ноября 1912 г. [13]. Деятельность столовой открылась в начале 1913 г.

Для столовой М.К. Санина передала специально приобретенное домовладение напротив белокрыницкого собора (Георгиевская, 126; позднее – Свердлова, 46; ныне – ул. Петербургская, здание утрачено в 2008–2009 гг.) – дом полукаменный, усадебной земли 341,5 кв. саж. По уставу недвижимое имение не могло быть отчуждаемо для какой-либо иной цели. Существование столовой обеспечивалось жертвователем «на вечное время» капиталом 170 тыс. руб., который должен был быть неприкосновенным и заключаться в государственных процентных бумагах. На содержание столовой поступали проценты с капитала и доходы с домов и других построек на дворовом месте, где помещалась столовая.

Столовая должна была предоставлять не менее ста обедов ежедневно для приходящих обоюбого пола, без различия вероисповедания, лишенных возможности давать себе пропитание обычным трудом. Нижний этаж дома предназначался для содержания неимущих старух, также без различия вероисповедания, не менее 12 человек, с обеспечением бесплатным отоплением, освещением и обедами, но к 1915 г. это еще не было сделано. Остаток доходов столовой полагалось расходовать на увеличение числа обедов, на пострадавших от стихийных бедствий, на другие благотворительные цели общины. Казанская столовая устраивалась подобно самарскому заведению (та же сумма капитала, количество обедов, число престарелых женщин), но в Самаре еще делалось отчисление процентов на школьный капитал, с последующей целью открытия школы.

Столовая находилась в ведомстве Министерства внутренних дел. По уставу 1912 г. заведование столовой, ее капиталами и имуществом принадлежало М.К. Саниной. Для ведения хозяйства и наблюдения над имуществом община избирала из своей среды Попечительный совет (в составе пяти человек), который должен был нанимать особого смотрителя. Совет обязывался вести приходно-расходную книгу, перед началом каждого года составлять смету доходов с имущества и капиталов столовой, по окончании года – предоставлять сведения о числе лиц, получивших бесплатные обеды, отчет о движении сумм и наличном капитале. Ежегодные отчеты передавались общине, она, в свою очередь, должна была направлять их губернатору. Полагалось печатать отчеты в местных газетах. Столовая могла принимать пожертвования деньгами, вещами, съестными припасами. Для записи пожертвований планировалось ведение отдельной книги.

В начале августа 1914 г. М.К. Санина обратилась с заявлением в общину: «Не живя в Казани, я не могу управлять столовой лично, и потому тогда же передаю ее в заведование общине. Капитал [...] будет переведен

мною из Самарского отделения Государственного банка в Казанское отделение. Ввиду изложенного [...] прошу согласно п. 9 устава избрать Попечительный совет» [2, л.26].

1 октября 1914 г. состоялось заседание Совета и собрание общины, на котором было принято постановление о включении столовой в ведение общины и избран Попечительный совет. Единогласно почетными попечителями были избраны старообрядческий епископ Казанской и Вятской епархии Филарет (Паршиков) и М.К. Санина (пожизненно). В том же 1914 г. по постановлению Городской думы недвижимое имущество столовой было освобождено от оценочного сбора. В 1916 г. был утвержден новый устав столовой, с поправками. В соответствии с ним Белокриницкая община и ее Совет являлись распорядителями дел столовой.

Сохранились ценные документы из архива общины – «Книга Казанской общины старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии для записи постановлений по заведованию Бесплатной столовой имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных с 1 октября 1914 г.» (на форзаце подписи членов Совета общины, но сам листовой блок, к сожалению, не дошел до нас); расчетная книжка столовой в Волжско-Камском коммерческом банке по текущему счету №3568 (записи о принятии и выдаче сумм датируются февралем 1915 г. – октябрём 1917 г.). Личные сведения содержит рукописный лист с заглавием «Синодик потомственной почетной гражданки М.К. Саниной». Включены записи за упокой родителей Кондрата и Агафии, сестры Ирины, мужа Иоанна, а затем и самой Марии Саниной – она скончалась в феврале 1917 г. Здесь же дано извлечение из письма благодетельницы священнику о. Алексею Калягину: «Самара. 1907 г. Ноября 10. Глубокоуважаемый о. иерей Алексей Иванович! Сегодня, призывая благословение Божие, я посылаю в Совет Казанской общины пять тысяч руб. (вечно неприкоснов.). Назначение объяснено Совету. Теперь обращаюсь с покорн. просьбой распределить порядок поминовения. Я прошу вас написать для памяти на листе бумаги, который и хранить при церкви. В дни памяти моих родных (вышеозначенных) прошу вас в эти дни служить заупокойные обедни, а также и о здравии Иоанна и Марии». Запись дополнена примечанием: «Кроме нарочитых литургий, иерей А. Калягин предложил: чтобы и во все дни при совершении литургий творить поминовение на божественной проскомидии и на заупокойных литиях, что Советом одобрено. О таком порядке поминовения сообщено и жертвователнице».

После революции 1917 г. столовая была закрыта, в 1920-е гг. в ее помещении располагалась школа для ликвидации безграмотности среди взрослого населения, затем детский сад.

Социальная и социально-сословная благотворительность в рамках официально действовавших благотворительных организаций. В этой сфере деятельности купцы-старообрядцы постоянно взаимодействовали с представителями других этноконфессиональных слоев, прежде всего с официально-православными и мусульманами.

Казанские старообрядцы, как приемлющие священство, так и беспоповцы, участвовали в работе выборных органов городского управления в пределах возможностей, устанавливаемых российским законодательством. Представители старообрядчества выражали интересы купеческого (в первую очередь) и мещанского сословий, а опосредованно – старообрядческих общин. Старообрядцы, являвшиеся членами Казанской городской думы, участвовали в решении различных вопросов, связанных с благотворительностью.

В течение многих лет купцы-старообрядцы были наиболее деятельными и постоянными благотворителями городской Александровской больницы, открытой на средства ремесленного и городского общества в 1866 г. для бесплатного лечения ремесленников и чернорабочих Казани. Название было дано в ознаменование посещения города в августе того же года наследником престола Александром Александровичем. Больница имела три отделения: терапевтическое, хирургическое и гинекологическое, первоначально была рассчитана на 50 коек, к 1870 г. их количество увеличилось до 90, к началу XX в. сократилось до 75 коек.

Больница помещалась в приобретенном доме на Ново-Горшечной улице, который нуждался в перестройке и расширении, необходимы были дополнительные помещения. При лечебнице был создан Попечительный совет, попечители по хозяйственной части избирались Городской думой, занимались многими организационно-финансовыми вопросами, в том числе учреждением и приумножением собственного капитала больницы.

На первом этапе существования Александровской больницы (1868–1869 гг.) самые значительные преобразования были сделаны на пожертвование купца Василия Ивановича Романова, который по духовному завещанию уполномочил своих душеприказчиков, жену и брата, упомянутого ранее К.И. Романова – использовать 15 тыс. руб. на нужды больницы [9, с.10]. В связи с этим пожертвованием учредили комиссию, на ее заседаниях было решено построить каменные службы, два отдельных летних деревянных барака (в саду); перестроить флигель в жилое помещение. Подряд на работу получил купец-старообрядец Лисицын. Произведенное расширение позволило устроить в больнице с 1870 г. женское отделение, которое, по мнению медиков, своим открытием и существованием всецело было обязано жертвователю В.И. Романову и заслуживало его имени.

В 1869 г. попечителем больницы был избран К.И. Романов, он состоял в этой должности почти двадцать лет, с апреля 1886 г. являлся почетным попечителем пожизненно. Им регулярно вносились солидные суммы на ремонты, передавалось необходимое имущество (в 1871 г. – для женского отделения на 25 кроватей). К.И. Романов – купец 1-й гильдии, коммерции-советник, являлся в то время богатейшим предпринимателем региона. Торговал хлебом в Казани, Москве, Петербурге и по всему Поволжью.

В последующие годы попечителями состояли старообрядцы А.И. Корольков (одновременно с К.И. Романовым), Я.Ф. Шамов и А.П. Гордеев. Немало сделал для больницы Афанасий Иванович Корольков (Белокриничская община): им был замощен весь двор, место обведено оградой, несколько раз он производил на свой счет ремонт зданий и т.д.

В 1887 г. попечителями больницы были избраны Я.Ф. Шамов и А.П. Гордеев. В 1890 г. они пожертвовали на все 90 кроватей, ножи, вилки, ложки, металлические кружки и миски. В 1891 г., при расширении женского отделения, Я.Ф. Шамов внес 500 руб. на кирпич, его супруга А.Х. Шамова пожертвовала сотню металлических кружек [3, л.5]. В 1894 г. Я.Ф. Шамов и А.П. Гордеев приняли на свой счет ремонт пристройки к женскому отделению [4, л.4]. Особо отмечалась современниками деятельность Я.Ф. Шамова, он часто посещал больницу, вникал в ее нужды, передавал значительные средства на оборудование и лекарства. В 1898 г. был избран председателем Попечительного совета больницы. Помощь Александровской больнице также оказывали купцы-старообрядцы А.И. Володин, П. Гордеев, В.Л. Чельшев и др.

Роль благотворителей нашла благодарное признание, что было высказано М.Ф. Кандаратским, ординатором больницы, заведующим хирургическим отделением: «Писать историю расширения Александровской больницы – значит писать почти исключительно историю жертвователей или лучше сказать историю попечителей больницы, трудами, стараниями и жертвованиями коих она приняла хоть какой-нибудь вид больничного учреждения и не имеет вида простого старого обывательского дома» [9, с.15].

Старообрядцы также участвовали в попечительстве больницы Казанского губернского земства, состояли в Благотворительном обществе для вспомоществования нуждающимся больным. В 1907–1909 гг. среди почетных членов (т.е. сделавших крупные пожертвования или оказавших выдающиеся услуги) значилась купчиха-старообрядка О.П. Карпова.

Среди приоритетных направлений социальной деятельности старообрядцев были детские благотворительные учреждения и общества.

К.И. Окопишников, член одной из самых влиятельных семей старообрядцев-хлебопромышленников конца XIX – начала XX в. (Торговый дом «Иван Окопишников с сыновьями»), видный общественный деятель Казани, являлся членом Губернского попечительства детских приютов. Я.Ф. Шамов избирался попечителем бесплатной школы рисования.

Особенно отмечено благотворительными заботами старообрядцев было Казанское общество призрения и образования глухонемых детей (учреждено в 1887 г.). В нем в разные годы состояли Я.Ф. Шамов (член правления и казначей), П.С. Барабанов (те же обязанности), У.Ф. Бочаров (член ревизионного комитета правления), К.И. Окопишников (товарищ председателя, председатель правления) и др. В 1897 г. Я.Ф. Шамов и К.И. Окопишников взяли на себя расходы по содержанию в Казани быв-

шего воспитанника училища глухонемых Максимова, поступившего в Казанскую художественную школу. В 1902 г. Я.Ф. Шамов «на подписном листе, предложенном председателем, вписал от себя пожертвование на постройку училищного здания в размере 5 тысяч рублей» [7, л.52 об.–53 об.].

Поддерживались и новые начинания. Казанскому обществу во имя Всемилоостивого Спаса призрения детей слабоумных и калек (учреждено в 1912 г.) в первый год существования пожертвования были сделаны М.И. Подуруевой, М.И. Оконишниковым, М.К. Саниной и другими, благодаря чему общество приобрело финансовую основу для своей деятельности.

Делались пожертвования и в форме безвозмездной передачи недвижимого имущества. В ноябре 1893 г. Е.И. Новикова (Белокриницкая община) подарила Казанской школе детского трудолюбия (приют для 120 детей об. п.) дом стоимостью 1000 руб. Школа не имела средств для приспособления здания, но доход от сдачи его в наем позволил покрывать расходы на аренду другого помещения.

Старообрядцы участвовали в развитии нескольких образовательных учреждений Казани, главным образом реальных и Коммерческого училищ, в деятельности их попечительных советов и благотворительных обществ. Это вполне закономерно, так как указанные учебные заведения были связаны с торгово-промышленной сферой, в них обучались мальчики из многих купеческих семей.

В 1881 г. было учреждено Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского Первого реального училища. Ежегодный взнос составлял не менее 3 руб. Лица, внесшие единовременно 50 руб. или оказавшие особые услуги, считались почетными членами общества и освобождались от ежегодных взносов. В 1910-е гг. в состав почетных членов входили старообрядцы П.С. Барабанов, В.О. Бердников, А.П. Гордеев, К.И. и М.И. Оконишников, А.К. Романов, М.Л. Свечников, П.М. Шашин; также женщины – С.А. Бердникова, М.М. Романова, А.Х. Шамова [10]. Благотворительность старообрядцев распространялась и на Второе реальное училище.

Большой вклад был внесен купцами-старообрядцами в организацию и становление Коммерческого училища в Казани (основано в 1905 г.). Первоначально училище не имело собственного здания. Для его постройки Я.Ф. Шамов в 1907 г. пожертвовал 25 тыс. руб., состоял в должности заместителя председателя и казначеем Попечительного совета [6, л.5]. В доме Я.Ф. Шамова и под его председательством рассматривались многие вопросы, относящиеся к училищу. Также членами Попечительного совета избирались Е.Н. Печников (Белокриницкая община), братья Оконишниковы, С.И. Четвергов и другие – от Казанского Биржевого комитета и Купеческого общества, которое выделяло ежегодную субсидию училищу в ты-

сячу рублей. Вносились пожертвования и в пользу Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище.

Купцы-старообрядцы участвовали в создании в 1906 г. Общества распространения образования (П.С. Барабанов являлся членом-учредителем), ставившего широкие задачи – проведение лекций, открытие школ всех типов, создание образовательных и просветительных учреждений (библиотек, читален, книжных складов). Обществом была основана Торговая школа – четырехклассное училище для подготовки учащихся к службе в торговых и промышленных учреждениях (приказчиками, конторщиками, бухгалтерами). В состав действительных членов Общества вспомоществования нуждающимся (основано в 1913 г.) этого учебного заведения входили П.А. Афанасьев, С.А. Гордеев – сыновья уже упоминавшихся благотворителей А.В. Афанасьева и А.П. Гордеева.

Благотворительная деятельность казанских купцов-старообрядцев осуществлялась и в отношении начальных училищ, в том числе за пределами города, в селах, где эти лица имели промышленные заведения. Так, А.П. Гордеев, казанский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин, состоял попечителем 21-го начального городского училища в Казани (с 1887 г.), Печищенского земского училища (с 1891 г.). К.И. Романов в деревне Кульсеитово открыл фабрично-заводское училище. К.И. Оконишников был попечителем 4-го городского приходского мужского училища и т.д.

Старообрядцы в определенной мере оказывали поддержку различным обществам. Среди них – Казанское общество трезвости (1892–1917) – крупная авторитетная организация, содержавшая безалкогольные чайные, ночлежный дом, библиотеку-читальню, приюты, первую в России больницу для больных алкоголизмом. В состав этого общества входили люди разных сословий и занятий – чиновники, ученые, купцы, дворяне, священнослужители и пр. Чайная Общества трезвости была открыта в домовладении единоверца У.Ф. Бочарова, в народе называемом Бочаровкой, на углу Правобулачной и Кузнечной улиц близ весенней ярмарки. Среди почетных членов Общества значилась А.Ф. Шамова.

Не были обойдены участием старообрядцев и сословные органы, направленные на оказание благотворительной и финансовой помощи. Среди учредителей и руководителей Казанского купеческого общества взаимной помощи, созданного в 1898 г. с целью оказания материальной и медицинской поддержки, призрения престарелых и обедневших членов, малолетних сирот, были М.Л. Свечников, К.И. Оконишников и др. Виды помощи включали: материальные средства к содержанию членов и их семейств, выдача единовременных или ежемесячных пособий, призрение престарелых и сирот в богадельнях и приютах, способствование помещению сирот и детей обедневших членов в учебные заведения, внесение платы за учебу, пособия на получение высшего коммерческого и техническо-

го образования, пособия дочерям обедневших членов при выходе их замуж и др.

Проявилась благотворительная деятельность старообрядцев и в области культуры, а именно участием в создании Казанского городского научно-промышленного музея (ныне – Национальный музей Республики Татарстан). На собрании по случаю торжественного закрытия Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., по инициативе городского головы С.В. Дьяченко была начата подписка в поддержку открытия музея, которая дала более 5 тыс. руб. Наряду с другими купцами и промышленниками свои средства вложили Я.Ф. Шамов, М.С. Королькова.

Ф.Т. Васильев стал одним из самых щедрых дарителей в первые годы существования музея: жертвовал книги, исторические документы, монеты, медали, естественнонаучные экспонаты, предметы старинного быта. Федор Тихонович Васильев, мещанин из города Боровска, поселился в Казани с 1890-х гг., относился к временным купцам, вел торговлю бакалейно-винно-колонияльными товарами. Входил в Совет Казанской Общины старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии. Он являлся увлеченным коллекционером, с 1898 г. был действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, также состоял в Церковном историко-археологическом обществе Казанской епархии, опубликовал несколько статей в их изданиях. Собрание Ф.Т. Васильева включало библиотеку, собрание рукописей, икон, нумизматические коллекции.

Отдельно следует остановиться на том вкладе, который внес в благотворительную деятельность Казани Я.Ф. Шамов. Он принадлежал к избранному числу самых щедрых благотворителей в истории Казани и занимал первую позицию в этой сфере среди старообрядцев. Его благотворительность была непрерывной (в статье уже неоднократно отмечались его пожертвования), крупномасштабной, а завершилась поистине выдающимся деянием, оставившим незабываемый след в культурно-исторической памяти Казани.

Яков Филиппович Шамов родился в г. Орлове Вятской губернии в небогатой мещанской семье в 1839 г. (по другим версиям – в 1837 или 1838 гг.), окончил курс в местном уездном училище. Впоследствии он был благотворителем родного города, устроил за свой счет водопровод и содействовал учреждению Общественного банка. Яков Шамов приехал в Казань в 1863 г. и поступил на службу к купцу-старообрядцу Х.Ф. Фоминову, который вел крупную торговлю мукой, хлебными изделиями и скобяным товаром. За десять лет приказчик Шамов стал купцом 2-й гильдии, женился на дочери хозяина Агриппине Хрисанфовне, их дети (два сына) умерли в младенчестве.

После смерти тестя Яков Филиппович унаследовал и увеличил его дело по торговле крупчатыми товарами, с 1877 г. неизменно принадлежал к 1-й гильдии, был видным предпринимателем. Шамовы имели в Казани не-

движимое имущество, основное домовладение находилось в центре города, на Вознесенской улице (ныне на доме находится мемориальная доска).

Я.Ф. Шамов энергично участвовал в общественной и финансовой деятельности, был гласным Городской думы (с 1879 г. и до конца жизни), председателем Совета Казанского купеческого банка, членом учетного комитета Казанского отделения Государственного банка. Имел награды: знак Красного Креста (по постановлению Общества попечения о раненых и больных воинах, 1879 г.), золотые медали на Станиславской, Анненской и Владимирской лентах за усердие на общественно-почетных должностях, две серебряные медали в память царствования императоров Александра III и коронавания Николая II.

В 1907 г. Я.Ф. Шамов осуществил регистрацию Общины христиан древлеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия Старопоморского согласия, являлся председателем ее Совета [14, с.27].

17 января 1908 г. на заседании Казанской городской думы было заслушано заявление Я.Ф. Шамова о желании построить за свой счет новое каменное здание для городской больницы, на что он решил ассигновать 100 тыс. руб. Желание Якова Филипповича было обосновано многолетним знанием нужд городской Александровской больницы. Дума единогласно приняла предложение и выразила благодарность за столь щедрое пожертвование.

Я.Ф. Шамов выдвинул условие – отвести для строительства больницы открытое возвышенное место (Осокинскую рошу), с обширным участком земли, что, по его мнению, было необходимым для размещения часовни, надворных построек и летних барачков, которые должны быть удалены от основного здания и возведены на площади с лесонасаждением [14, с.44]. Основное здание проектировалось (архитектор К.С. Олешкевич) кирпичным на каменном фундаменте, в три этажа с полуподвалом, с устройством центрального парового отопления. Больница была рассчитана на 75 больных в стационаре, с тремя отделениями (терапевтическим, хирургическим, гинекологическим) и амбулаторией на 120–150 человек.

Однако Я.Ф. Шамов не имел уже времени завершить дело – он скончался в ходе строительства, 31 ноября 1908 г. Прочувствованным некрологом откликнулось Казанское Коммерческое училище, многим обязанное благотворителю. Некролог заключался «обязательными» в подобных случаях, но, очевидно, искренними словами: «Своими средствами Яков Филиппович стремился помочь каждому. Его благотворительность в Казани была общеизвестна, и многие шли к Якову Филипповичу и получали от него помощь. Многочисленная публика без различия общественного положения, имущественного состояния, национальности и религии, собралась проводить прах Я.Ф. Шамова в место вечного упокоения» [14, с.34–37].

Яков Шамов был похоронен на городском Арском кладбище, в старообрядческой части. Были сооружены склеп и часовня, сохранившиеся

до нашего времени, являющиеся почитаемым местом для современной Старопоморской общины старообрядцев и горожан – любителей казанской старины.

Воля благотворителя была выполнена его вдовой Агриппиной Хрисанфовной. Она приняла непосредственное участие в продолжении работы, стала председательницей строительного комитета больницы, будучи уже пожилой женщиной (ей шел 65-й год). 6 марта 1909 г. А.Ф. Шамова обратилась в Городскую думу с заявлением, где высказала намерение достроить начатое здание и передать его Казанскому городскому обществу в полную собственность вполне готовым и оборудованным, с медицинским и прочим инвентарем. Ею – со ссылкой на желания покойного мужа – были поставлены несколько условий: выделить две палаты (мужскую и женскую) на две койки для помещения в них больных с согласия или по указанию жертвователя, в усыпальнице отвести помещение для старообрядцев, построить отдельную усыпальницу для мусульман.

В конце апреля 1910 г., на Пасхальной неделе, состоялось торжественное открытие больницы и передача в ведение города. Документальный акт с литографированным изображением больницы сохранился в фондах Национального музея Республики Татарстан. Обращаясь незадолго до открытия к городскому голове С.А. Бекетову, А.Х. Шамова выразила благодарность участникам строительства и оборудования больницы, медикам-консультантам, а также высказывала конкретные, продуманные пожелания о будущем больницы: «Передавая городу ценное здание с полным инвентарем, медицинскими инструментами и аппаратами, я искренне желаю, чтобы эта больница процветала. Я всегда по своей доброй воле, поддерживаю это дело. [...] До сдачи больницы городу я желала бы, чтобы смета ее была утверждена думою, далее, чтобы был выбран попечитель по хозяйственной части, вместо моего покойного супруга Я.Ф. Шамова, который позаботился бы о сохранности имущества и здания. До приема больницы городом, я желаю, чтобы было выяснено еще следующее: приобретя для города ценные медицинские инструменты и аппараты для исследования и лечения больных, требующие постоянного наблюдения, я желаю, чтобы они были переданы в постоянное заведование одному врачу. Студенты университета с разрешения города и совета больницы могут заниматься в больнице, и для них оборудована аудитория. Читающие лекции должны подчиняться требованиям города, а не вести дело по своему усмотрению самостоятельно, чтобы не нанести городу материального ущерба. Городская больница должна всецело принадлежать городу, и я желала бы, чтобы председатель попечительного совета был городской голова, чтобы ему все нужды больницы были известны. Город со своей стороны обязуется соблюдать все условия мои, изложенные в моем заявлении, поданном в городскую думу 6 марта 1909 г. Подавая это заявление через Вас, как городского голову в городскую думу, надеюсь, что все мои желания будут исполнены» [5, л.142 об.–143 об.].

Общая стоимость больницы составила 500 тыс. руб. Казань получила образцовое лечебное учреждение, здание впечатляло (и впечатляет по сей день) своей величественной архитектурой в стиле модерн, масштабами, градостроительным значением. Городской голова предложил достойным образом отметить заслуги Шамовых: установить в больнице их портреты и мраморные доски с соответствующими надписями, то же сделать в зале Казанской городской думы. Агриппина Хрисанфовна была избрана почетной гражданкой г. Казани и почетной попечительницей больницы. Также Дума приняла решение о названии учреждения: городская больница имени Я.Ф. и А.Х. Шамовых. В октябре 1911 г. был принят устав больницы. Она стала основным лечебным учреждением Казани. В 1912 г. в стационар поступили 1886 больных, амбулаторную помощь получили 23450 человек.

Агриппина Хрисанфовна и в последующее время сохраняла неразрывную связь с больницей, которую воспринимала как семейное детище, заняла твердую позицию в связи с намерением Казанского университета расширить в ней свое присутствие и влияние. Свое мнение она выразила в заявлении в Городскую управу от 6 ноября 1912 г.: «До сведения моего дошло, что ректор Казанского университета вошел в управу с ходатайством о том, чтобы университетскому персоналу в больнице было предоставлено право самостоятельно вести три раза в неделю амбулатории и иметь (всего 25 коек) для самостоятельного ведения в целях преподавания, за что университет обязывается выплачивать городу 600 руб. ежегодно. [...] И я, и мой покойный муж при устройстве больницы считали своим нравственным долгом оказать должную дань университетской науке. В этих видах мы оборудовали при больнице особую аудиторию, дабы дать профессорам университета возможность демонстрировать больничные материалы при чтении лекций студентам. Но при этом мы не допускали и мысли, что такое отношение профессоров университета к больнице могло в чем-либо парализовать права города как хозяина и обратить эту больницу в целом или в какой-либо части ее во вспомогательное учреждение ун-та. [...] Мы не допускали возможности того, что устроенная нами для бедного населения Казани больница могла быть в целом или по частям отдана в чье-либо стороннее пользование. [...] Преклоняясь перед светом университетской науки, я нахожу, однако, что больница как общественное учреждение имеет свои особые цели и задачи, не всегда совпадающие с целями и задачами науки. Отдача в распоряжение профессоров университета того или другого числа коек в больнице в некоторых случаях была бы равносильна лишению бедных граждан г. Казани, страдающих болезнями, не представляющих интереса с клинической точки зрения, права на убежище в нашей больнице, тогда как именно для этих больных эта больница и существует. (...) Ввиду этого я очень просила бы больницу, устроенную мной и моим покойным мужем, оставить исключительно в заведывании города и его больничного персонала. Почетная гражданка г. Казани А.» [8, с.14–16].

Агриппина Хрисанфовна как душеприказчица и наследница занималась исполнением и других пунктов духовного завещания мужа. Я.Ф. Шамо́в оставил крупные денежные суммы сиротскому дому, Ложкинской богадельне, Обществам: трезвости, призрения бедных и больных детей, Александровской больнице, средства на устройство детской больницы и др. Своей общине он завещал 35 тыс. руб. и собственный дом под богадельню для женщин-старообрядок Старопоморского согласия Казанской губернии.

После 1917 г. название знаменитой больницы было упразднено, в 1969 г. ей присвоили новое имя (выдающегося медика), она именовалась Городской клинической больнице №1 им. А.Г. Терегулова. Однако горожане продолжали называть больницу Шамо́вской, хотя далеко не каждый уже знал, с чем это было связано. Современный период внес свою отрицательную «лепту» в стирание памяти о великом и поучительном даре Шамо́вых – ныне в отреставрированном и реконструированном здании находится фешенебельный отель. Архитектура величественного сооружения в значительной степени сохранена, но социальный смысл памятника абсолютно извращен и утрачен.

Предреволюционный период благотворительной деятельности был связан с событиями Первой мировой войны. В Казани появились благотворительные организации, оказывающие помощь солдатам и офицерам, имелись общества, направленные на помощь беженцам из западных областей Российской империи и др. К.И. Оконишников с 1914 г. был членом Казанского общества трудовой помощи семьям запасных и ратников ополчения и призрения детей, вел организационную деятельность в этом плане в качестве председателя Биржевого комитета. В том же 1914 г. он участвовал в работе комитета оказания помощи погорельцам г. Казани. Членом Казанского городского комитета по призрению семейств призванных на войну и помощи больным и раненым воинам был гласный Казанской городской думы А.С. Четвергов. Практически все состоятельные казанцы, и среди них старообрядцы, в годы войны вносили денежные, продуктовые, вещевые пожертвования; участвовали в кружечных сборах, лотереях, отчислении процентов с заработной платы, предоставлении помещений, транспорта и пр. В 1916 – начале 1917 г., накануне революционного разлома, отмечаем участие старообрядцев в пожертвованиях на строительство санатория для туберкулезных больных при с. Высокая Гора недалеко от Казани. Профессор А. Казем-Бек через газету «Камско-Волжская Речь» от 31 января 1917 г. выразил благодарность жертвователям, в том числе В.Г. Шабанову, А.В. Афанасьеву, А.П. Полянину. Всего было собрано 8085 руб. [12, с.164–165].

Следует признать, что сведения по благотворительной деятельности казанских купцов-старообрядцев и старообрядческих общин пока еще имеют лакуны, вследствие обширности всей сферы казанской благотворительности, большого количества разрозненных источников. Но выявлен-

ные, уже немалые материалы позволяют определить и осмыслить основные закономерности и особенности рассматриваемого явления.

Сохраняя патриархальные подходы к благотворительности, казанские старообрядцы всех согласий входили в общие социальные процессы как равноправные и активные члены городского общества, были достойно представлены в деятельности благотворительных организаций. С точки зрения оценки персонального участия вполне отчетливо выделяется ряд лиц и семей, благотворительная деятельность которых была постоянной и масштабной, являлась неотъемлемой частью уклада жизни. Особо обращают на себя внимание женщины-благотворительницы, которые вместе со своими мужьями и самостоятельно осуществляли значительные социальные проекты. Слабое развитие организованной благотворительности старообрядческих общин в значительной мере может быть объяснено длительным периодом законодательного бесправия, несформированностью механизмов взаимодействия с государством.

Источники и литература

1. Будкина И. Санины: самарские благотворители и храмоздатели: [Электронный ресурс] URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/124-1-0-867> (дата обращения: 01.11.2021).

2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.2. Оп.3. Д.4674.

3. ГА РТ. Ф.98. Оп.3. Д.1185.

4. ГА РТ. Ф.98. Оп.3. Д.1487.

5. ГА РТ. Ф.98. Оп.6. Д.810.

6. ГА РТ. Ф.120. Оп.1. Д.7.

7. ГА РТ. Ф.996. Оп.1. Д.21.

8. Журналы Казанской городской думы и доклады Управы за январь 1912 года. Казань, 1912.

9. Кандаратский М.Ф. Историческая записка Казанской городской Александровской больницы. Казань: тип. Губ. правления, 1893. 19 с.

10. Отчеты Правление Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского 1-го реального училища за 1909–1914 гг. Казань, 1910–1915.

11. Петрухин И.К. Казанская община старообрядцев, приемлющих Белокриницкое священство // Старообрядец. 1907. №1: [Электронный ресурс] URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-96> (дата обращения: 01.11.2021).

12. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. Казань, 2003. 208 с.

13. Устав бесплатной столовой в г. Казани имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных. Самара, 1912.

14. Яков Филиппович Шамов: дар жителям Казани (к 100-летию Шамовской больницы). Сб. документов и материалов / отв. сост. Л.В. Горохова. Казань: Га-сыр, 2008. 160 с.

Charitable activities of the old believer merchants and old believer communities of Kazan in the late 19th – early 20th centuries

E.I. Kartasheva

*State Historical, Architectural and Art
Museum-Reserve “Island-town Sviyazhsk”
Sviyazhsk, Russian Federation*

The article is devoted to the historical aspects of the charitable activities of the Old Believer merchants and the Old Believer communities of Kazan, the period of its heyday and active implementation in the late 19th – early 20th centuries, especially during the legal existence of the Old Believers in Russia after 1905, is highlighted. The directions and organizational forms of charitable activities are considered in the context of the religious values and traditions of the Old Believers, the legal rights of the Old Believer communities, as well as in relation to similar typical practices in Russia of that period as a whole; reveals the role of merchants as the leading subjects and organizers of the social activities of the Old Believers.

Keywords: charity, charitable activity, merchants, Old Believers, Old Believer communities, Kazan.

For citation: Kartasheva E.I. Charitable activities of the old believer merchants and old believer communities of Kazan in the late 19th – early 20th centuries. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 9–27 (In Russian)

Информация об авторе:

Карташева Елена Ивановна – заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Остров-град Свияжск» (Свияжск, Российская Федерация); e-mail: ostrov_grad@mail.ru

Kartasheva Elena Ivanovna – Deputy Director for Research of the State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve “Island-town Sviyazhsk” (Sviyazhsk village, Russian Federation).

Благотворительная деятельность купечества
в чрезвычайных ситуациях первой половины XIX в.
(по материалам Казанской губернии)

Н.А. Кореева

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассмотрены некоторые аспекты благотворительности купечества в условиях чрезвычайных ситуаций – во время Отечественной войны 1812 г., эпидемий холеры 1830, 1831 гг., голода, казанских пожаров. В освещении этой темы имеются существенные пробелы, несмотря на многочисленные исследования по истории благотворительной деятельности. Наряду с организацией добровольных пожертвований власть практиковала разные методы административного нажима для пополнения казны. За проявление актов милосердия к нуждающимся соотечественникам купцы поощрялись медалями, присвоением званий. Исследование содержит впервые вводимые в научный оборот источники.

Ключевые слова: Казанская губерния, Казань, эпидемия, холера, благотворительность, Отечественная война 1812 г., пожар, купцы.

Для цитирования: Кореева Н.А. Благотворительная деятельность купечества в чрезвычайных ситуациях первой половины XIX в. (по материалам Казанской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 28–39.

Российская империя много раз в течение первой половины XIX в. сталкивалась с чрезвычайными событиями – войнами, эпидемиями, голодом, которые влекли за собой человеческие жертвы, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей. В этих условиях власть меняла привычные способы функционирования общества, вводила по отношению к подданным специальные правила, регламентировавшие их повседневную жизнь. Стремясь пополнить государственную казну и уменьшить бремя расходов на преодоление последствий чрезвычайных ситуаций, правительство прибегало к внутренним займам, многочисленным сборам с населения, в частности, с купечества, обладавшего большими капиталами, инициировало пожертвования.

В обычной повседневной жизни, как отмечают ученые, купцы в основной своей массе отнюдь не стремились жертвовать деньги на благотворительные нужды, а само движение благотворительности не было массовым. По подсчетам исследователя Л.М. Свердловой, «за весь XIX в. из более чем трехтысячной армии казанского купечества едва ли наберется и сотня купцов, которая принимала активное участие в благотворительных

акциях» [16, с.264]. Так, например, Приказ общественного призрения несколько раз обращался в Казанскую татарскую ратушу за денежной помощью для находившихся в его ведомстве учреждений, но каждый раз встречал сопротивление подведомственных ратуше татар-мусульман, полагавших для себя неприемлемым оказание поддержки церкви и православному государству, и только благодаря готовности некоторых купцов пойти на компромисс были собраны определенные суммы денег [16, с.274–275]. Филантропическая деятельность части купечества была подчинена их социальным амбициям, с ее помощью они рассчитывали добиться высокого общественного положения [15, с.106]. В повседневной жизни благотворителями на регулярной основе были купцы, являющиеся глубоко верующими людьми, следовавшими канонам религии. О тех, кто хотел совершить милостыню тайно, в архивных документах сохранилась такая запись: «Сверх того, неизвестный благотворитель пожертвовал...».

Центральным событием первой четверти XIX в., вызвавшим особо неблагоприятные и угрожающие факторы для жизнедеятельности общества, стала Отечественная война 1812 г. Практически сразу зазвучали призывы к патриотизму – был напечатан и разослан текст императорского манифеста от 6 июля 1812 г. «О сборе внутри государства земского ополчения» [13, с.388], затем он был переведен на татарский язык и разослан в количестве 200 экземпляров в учреждения, находившиеся в Казани и за ее пределами. По мнению губернатора Б.А. Мансурова, это «сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее поревнование к пользам отечества» [4, с.362–363].

Вторжение армии Наполеона в Россию совпало со временем подготовки купечества к Макарьевской ярмарке и оказало большое влияние на количество ее участников (к началу XIX в. это самое крупное место торга, товарооборот которого достигал 30 млн руб.). В 1812 г. из Казанской губернии на ярмарку выехал 51 торговец (для сравнения: в 1811 г. – 173), приехавшими было занято 78 лавок (в 1811 г. – 256) [7, с.113]. 25 июля в Макарьевском Желтоводском монастыре был заслушан императорский манифест «О воззвании всех сословий на защиту Отечества» и состоялся молебен о даровании победы над врагом.

С 7 по 10 августа был организован сбор средств на нужды ополчения, поступающие суммы фиксировались в «Книге конторы строения Макарьевского гостиного двора». Сбором денег с торговцев татарского и мыльного рядов занимался казанский купец 1-й гильдии Муса Апанаев: ему удалось собрать 5190 руб., а от себя лично он добавил 520 руб.¹ Собранная сумма состояла из добровольных и разных по величине (от 20 до 400 руб.)

¹ Апанаевы – промышленники, торговцы, землевладельцы, происходившие из служилых татар. Муса Измаилович Апанаев щедро жертвовал на нужды немущих, ежегодно вносил по 50 руб. в «Казанский попечительный о бедных комитет ведомства Императорского человеколюбивого общества» [5, с.68].

взносов купцов Арска, Мамадыша, Казани, Астрахани, Ростова и других городов и не зависела от принадлежности торговцев к той или иной гильдии. Казанский мещанин Борис Котелов собрал 1314 руб., от себя добавил 200 руб. [9, с.69–71]. Можно предположить, что инициатива сбора денег принадлежала Нижегородской ярмарочной конторе, в архиве которой и сохранилась указанная книга.

21 августа, после возвращения купечества с ярмарки, в Казанском городском магистрате по предписанию Мансурова состоялось заседание купечества. Из Казанской татарской ратуши туда пришли глава Старой и Новой татарских слобод Ю. Китаев, представители купцов. По результатам заседания был вынесен общественный «приговор»: «...Внести с объявленного всем казанским купечеством на нынешний 1812 год капитала по 2 копейки с рубля, в том числе и с подведомых сей ратуше купцов всех трех гильдий 8360 рублей» [2, л.244].

На заседании Казанской татарской ратуши, состоявшемся 26 августа 1812 г., постановили: «Купцы... единогласно и из доброй воли изъявляют на такое пожертвование особенное согласие их, сверх того, предоставляют от лица каждого желающего от их избытков жертвовать особо и кроме предположенного предвышним правительством» [2, л.247]. В сборщики денег был избран Ахмет Заманов², которому выдали специальную книгу для записи жертвуемых купечеством сумм. Таким образом, независимо от полученного предпринимательского дохода, купец 1-й гильдии должен был в виде пожертвований внести 1000 руб., 2-й гильдии – 400, 3-й гильдии – 160 руб. Данные суммы были значительными, их можно сопоставить с ежегодным взносом за купеческое свидетельство: с 1807 г. купцы 1-й гильдии вносили в казну 625 руб., 2-й гильдии – 250, 3-й гильдии – 100 руб.

Отметим, что подобная ситуация наблюдалась и в других губерниях – так, в Нижегородской городской думе гражданский губернатор А.С. Крюков в июне 1812 г. предложил взимать с объявленных купцами капиталов с каждого рубля по 4%. Всего планировалось собрать до 25000 руб. В дальнейшем сумма «принудительно-добровольных» пожертвований увеличилась – в июле 1812 г. Крюков предложил брать с каждого купца и мещанина по 3 руб. Деньги направлялись ярославскому гражданскому губернатору, за вычетом платы на пересылку денег в Ярославль (0,5%), курьерские посылки, пересылку сумм из некоторых уездных городов в губернский город по почте [8, с.17–35].

---

² Ахмет Заманов – купец 2-й гильдии, имевший в Плетенях мыловаренный завод, размещавшийся в каменном двухэтажном здании стоимостью 15000 руб., на котором производилось до 5000 пудов продукции; купец являлся одним из самых крупных владельцев недвижимости на главном хлебном рынке Казани. За активную предпринимательскую деятельность Ахмет был награжден несколькими наградами, в том числе малой похвальной медалью [17, с.18–19].

Казанский комитет пожертвований надеялся к 5 октября получить с приписанных к Казанской татарской ратуше купцов и мещан 8360 руб., а также деньги по свободной подписке, всего 8808 руб. 90 коп. [2, л.285]. Однако, как свидетельствуют архивные источники, сбор денег затянулся надолго. Современники выделяли несколько причин такого явления: одни купцы жаловались Заманову на отсутствие в наличии денег, другие – на отсутствие продажи товаров (что, кстати, подтверждается всем ходом торговли на Макарьевской ярмарке в 1812 г.), часть – на то, что их должники не возвращают им долги, и все просили «ко исправлению их несколько времени отсрочки».

Характеризуя создавшуюся обстановку, необходимо отметить, что пожертвования на военные нужды в 1812 г. не были единовременными – 3 июля, накануне отъезда купечества на Макарьевскую ярмарку, завершился сбор средств на содержание Костромского 2-го пехотного полка (по 1% с объявленного рубля), тогда с предпринимателей было собрано 4100 руб. На фоне непростой экономической ситуации выплата неоднократных пожертвований могла негативно сказаться на бюджете купцов, ограничить масштабы их коммерческих операций и вызвать перспективу банкротства. Это явилось одной из причин пассивного сопротивления с их стороны.

В течение полутора месяцев сборщики не смогли собрать деньги с 20 семейств купцов всех 3-х гильдий (67% от общего количества семей, приписанных к Казанской татарской ратуше), и с 61 души мещан (57%). На купцах оставалось недоимки 4520 руб., а на мещанах – 163 руб. Чтобы исправить ситуацию, ратуша предписала сборщикам составить реестр должников и представить его в полицию, которая должна была через квартального офицера убедить неплательщиков в том, что «приносимья ими жертва не только послужит в пользу отечества и заменит нужду государственную, но и самих их обезопасит от нападающего врага» [2, л.287].

Полицией в ратушу был доставлен один из неплательщиков пожертвований, купец 3-й гильдии М.Пономарев. С него были взяты письменные показания о том, по какой причине он «пришел в неимущество», «куда объявляемый им ежегодно по 3-й гильдии по совести осмитысячный капитал употребил, в торгопроизводстве ли оный у него обращается или совсем его не имеет, а если в торгах³, то через продажу их непременно и в скором времени выручил бы положенные с семейства его на пожертвование деньги 160 рублей и внес бы их в ратушу, через что себя избавил бы от дальнейшего по законам взыскания» [2, л.307 об.]. Здесь важно отметить, что законодательство не предусматривало проверку достоверности поданных купцами сведений при вступлении в одну из трех гильдий, власть не могла принимать доносы и производить следствия по поводу

---

³ Так в тексте источника. Вероятно, следует: в товарах.

утайки капиталов, поэтому очевидно, что действия ратуши шли вразрез с Городовым положением 1785 г.

После подобного разбирательства купцы стали более активно сдавать деньги. 6 ноября 1812 г. в Комитет пожертвований из ратуши поступило 1480 руб. К 8 ноября 1812 г. купеческие долги перед комитетом составили всего 310 руб. [2, л.319–320].

Поиск должников продолжался и в последующие годы, когда война официально закончилась. В 1815 г. была составлена «Ведомость о пожертвованиях казанских купцов». По «приговору» было положено собрать 74680 руб., собрано 59127 руб. (т.е. 79%). Из этой суммы большая часть была собрана сборщиками, которые лично обходили дома (54598 руб., или 92%), остальная сумма – Городской думой (4529 руб., или 7,7%). Таким образом, мы видим, что в 1812 г. некоторые купцы сразу отдавали свои деньги на нужды ополчения, не желая вступать в конфликт с органами власти, другие, вероятно, под влиянием патриотических чувств – добровольно, прочие выбрали выжидательную тактику, пассивное сопротивление, вследствие чего процесс сбора пожертвований затянулся, и было решено осуществлять его при помощи административного нажима.

Другим экстраординарным событием первой половины XIX в. была эпидемия холеры, вспыхнувшая в сентябре 1829 г. в Оренбургском крае. По мнению современников, она возникла от «злоупотребления плодов и от влияния сырой и холодной погоды», или от проникновения в Оренбург хивинских и бухарских караванов (впоследствии эта версия была отвергнута, так как купцы и приказчики, неоднократно распаковывавшие товары в пути для их реализации, как правило, не заболели) [12, с.25–37].

В октябре 1829 г. группа медицинских чиновников, в том числе статский советник, профессор К. Фукс, приступила к разработке мер против холеры, среди которых важное место занимали следующие проекты: карантинное оцепление мест, где была обнаружена болезнь; ежедневный обход жителей (с целью выявления заболевших и обеспечения их изоляции силами купцов и полицейских чиновников); разделение городов Казанской губернии на кварталы (Чистополь и Лаишев на 2, Казань – на 5 кварталов) [6, с.749]. Эти мероприятия были утверждены министром внутренних дел А.А. Закревским и вписывались в высочайше утвержденный карантинный устав от 21 августа 1818 г. [14, с.514–515].

В первом квартале Казани купцы Алексей Шогин, Антон Кондырин осенью 1830 г. каждый день посещали дома обывателей, «внушая им содержать оные в чистоте и опрятности, и немедленно принимая деятельные меры в рассуждении заболевших». Во втором квартале помощник комиссара купец Иван Орлов также ежедневно навещал жителей «низшего класса, обыкновенно не заботящихся об опрятности и чистоте воздуха в своих жилищах, и настоятельным им внушением употреблять меры предосторожности, предписанные правительством...» [6, с.758].

Во время обходов купцы сталкивались с нежеланием жителей впускать их на свою территорию. В третьем квартале Казани проживали преимущественно татары, которые скрывали своих больных от взоров правительства («по пагубному для них предрассудку»), чуждались больниц и лекарств, предлагаемых русскими медиками. Татарский купец Нугуман Галеев, совершавший обходы с 10 октября по 7 ноября, «особенно был полезен для своих единоверцев», используя «возможные средства и всю силу убеждения принимать лекарства и пособия от медиков, соблюдать в домах чистоту и опрятность, исправлять в оных воздух и исполнять другие, предписанные правительством, меры предосторожности против эпидемии». Помогал ему в этом квартальный надзиратель Ибрагим Зайтов. Галеев и Зайтов, пользуясь доверием своих единоверцев, внушали им откровенно заявлять о заболевших, отправлять их в больницу.

Посещая дома, купцы не могли не столкнуться с ужасающей нищетой местных жителей, не могли не увидеть проблемы глазами бедняков. Это подтолкнуло некоторых из них к актам милосердия. Упомянувшийся выше Иван Орлов, делавший обходы, раздал бедным жителям квартала более 300 руб. [6, с.758].

Купеческий сын Гавриил Чепарин был помощником комиссара по третьему кварталу второй части Казани с 29 сентября по 7 ноября 1830 г., приобретал за свой счет лекарства, которыми пользовались медики Зайцев, Максимов, Пупырев, Фукс, чем «сохранил жизнь многим как заболевшим холерой, так и страждущим другими болезнями» (лекарства для жителей-мусульман третьего квартала также выписывались на его счет); он содержал в комиссарстве собственную лошадь для немедленного отправления лекаря к больным; для предотвращения голода в семействах бедных жителей, следствием чего также могли быть болезни, пожертвовал для них 25 кулей ржаной и 10 кулей пшеничной муки (в каждом куле было по 9 пудов).

В 1831 г. купчиха – вдова Габиды Китаева отдала свой дом, находившийся в Плетенях вблизи собственных мыловаренных заводов, с целью организации больницы для больных холерой, о чем доложила главе обеих татарских слобод, бургомистру Казанской татарской ратуши Баширу Суерову. Содержать больницу вызвались «из усердия и человеколюбия» казанские 1-й гильдии купеческие дети Валей Баширов Аитов⁴ и Ибрагим Губайдуллин Юнусов, подведомственные ратуше.

---

⁴ Башир Аитов – купец 1-й гильдии, имел «завод» в Новой татарской слободе, который в 1818 г. перерабатывал до 15 тысяч кож; в Казани он торговал в трех лавках на Сенной площади, выезжал с товаром на все крупные ярмарки Поволжья, Урала и Сибири; жил в каменном доме вблизи оз. Кабан, оцененного в 7 тыс. руб. Ежегодно делал пожертвования в «Казанский попечительный о бедных комитет ведомства Императорского человеколюбивого общества» по 50 руб. [5, с.68].

Больница состояла из двух комнат – отдельно для мужчин и для женщин, была рассчитана всего на 10 человек. Купцы приобрели для нее 10 кроватей, столько же тюфяков, подушек, простыней, одеял, холщовых рубах, шерстяных колпаков, 10 пар туфель, шерстяных чулок, 5 нанковых халатов. Из обстановки в больнице было 2 стола и 5 простых деревянных стульев, фонарь, она была оснащена посудой, ведрами, ковшами, ушатами, лопатами и прочим инвентарем [6, с.775–776]. За больницей была закреплена лошадь с упряжью. Купцы, оснастив лечебное учреждение всем необходимым на первое время, выражали и дальше готовность содержать его. Туда был назначен комиссар для соблюдения должного порядка, попечитель, инспектор 3-й части майор Морцепанов, а также ветеринар Соколов. Открытие больницы было очень своевременной мерой, позволившей обеспечить лечение заразной болезни и уменьшить распространение эпидемии. Отметим, что согласно рапорту инспектора Дунаева, в 3-й части Казани заболевших было всего 9 человек.

Интересна реакция властей на проявленную купечеством инициативу. Во-первых, Аитову и Юнусову была объявлена благодарность «за человеколюбивое и сострадательное к бедствиям человечества усердие», во-вторых, было отмечено усердие комиссара – губернского землемера Соколова, который «склонил некоторых достаточных людей к денежному пособию неимущим, чем соблюдал казенный интерес и не отягощал комиссию по продовольствию» [6, с.757]. Стремление сохранить бюджетные деньги проявилось и в поведении казанского гражданского губернатора, который от лица Казанского губернского комитета по борьбе с эпидемией холеры предложил купцам принять на себя оплату труда фельдшера и четырех смотрителей по 50 коп. в сутки, на что Аитов и Юнусов согласились. Они сами определили в больницу четырех служителей – двоих мужчин и двух женщин (все из мещанского сословия).

Правительство привлекало купечество и к содержанию управленческого аппарата по борьбе с эпидемией. Помощник комиссара 1-го квартала г. Казани, купец Петр Корюкин поместил комиссарство в своем доме без всякой за то платы. В 1831 г. инспектор Дунаев рапортовал: помощники комиссара 3-го квартала купцы – казанский Кашаев и ярославский Бирюзин, кроме ревностного исполнения возложенной на них должности, подписались на свой собственный счет: 1) содержать при комиссарстве лошадь с пажем для разъездов комиссара, 2) покупать нужное для канцелярии количество сальных свечей, писчей бумаги и других канцелярских принадлежностей, 3) осуществлять оплату труда троих прислужников и двух прислужниц, отряженных в комиссарство для ухода за больными и прочих действий (оплата по 50 коп. в день каждому лицу), 4) доставка бедным жителям необходимого количества дров, воды, жизненных припасов в случае оцепления их домов. Всего купцы Кашаев и Бирюзин истратили на благотворительные нужды 592 руб. [6, с.760].

Направленные на борьбу с эпидемией пожертвованные купечеством суммы хранились в Приказе общественного призрения и выдавались попечителям кварталов для продовольствия оцепленных жителей.

Исправляющий должность казанского гражданского губернатора, с разрешения министра внутренних дел графа Закревского от 23 ноября 1830 г., начал составлять список купцов для последующей награды. Инспекторы каждой части Казани должны были предоставить ему свои списки. Формуляр списков состоял из трех частей: «звание, имена и фамилии», «с какого и по какое время трудились», «какое кто оказал усердие при исполнении порученной ему должности», или второй вариант – «как исправлял оную». Эти сведения позволяют полнее раскрыть тему купеческой благотворительности в период эпидемии.

М.В. Полиновский, бывший инспектором 2-й части, отметил: «Купецкий сын Гавриил Чепарин был один из ревностнейших подвижников к пользе общественной и ко благу своих сограждан, и хотя не завел больницы, но изъясненными пожертвованиями, при содействии комиссара и прочих своих сотрудников, был не менее полезен страждущему человечеству. От того в сем квартале всегда почти было менее больных, нежели в прочих; чему могут служить доказательством ежедневные ведомости» [6, с.759].

Из списка, составленного инспектором И. Дунаевым, мы видим, что купцы Павел Лихачев, Петр Золотарев, Петр Докучаев, Александр Бердников, Иван Кожевников, Иван Бирюзин, Константин Рогатнев, Мухамет Кашаев, Искак Галанский, Мустафа Файзуллин, Хусаин Апанаев, Ахмет Заманов, Василий Баширов Аитов помощниками комиссара являлись со дня открытия комиссарства до начала ноября 1830 г., исправляли поручения «очень усердно», купец Макар Щербаков, служивший со дня открытия комиссарства по 14 октября, – «усердно» [6, с.761]. О многих купцах была сделана запись: «весьма усердны и деятельны по службе». Среди них – помощники комиссара в первом квартале Казани Александр Серебренников, сын купца 1-й гильдии Иван Крупеников, во втором квартале – Никифор Урванцов, Яким Коровин, в третьем – Месетников, Антонов и др. [6, с.763].

Усилия местного губернского начальства не остались незамеченными: в частности, орденом Владимира 4-й степени за труды во время борьбы с холерой 1830 г. был награжден упоминавшийся нами М.В. Полиновский. К наградам были представлены все комиссары, участвовавшие в мероприятиях, направленных на прекращение холеры, а также купец Орлов и купеческий сын Дмитрий Чепарин.

Еще одним бедствием для населения являлись пожары, вспыхивавшие в Казани на протяжении первой половины XIX в. несколько раз. Так, 3 сентября 1815 г. площадь пожара распространилась на 8 верст в окрестностях города, сгорело 1,5 тыс. домов. 24 августа 1842 г. пожар начался в доме купца Щербакова, за 2 дня была уничтожена центральная часть города, усадьбы, дома в Забулачье; сгорело 1309 зданий, убытки исчислялись миллионами рублей. Крупные пожары произошли в городе также в

1847, 1848 и 1859 гг. [10, с.658]. Властью в таких случаях организовывались всероссийские подписки в пользу казанских жителей, лишившихся домов и имущества. Иногда государство, чтобы поддержать купцов, уменьшало их повинности: в 1842 г., после пожара, было принято решение взимать лишь половину гильдейских повинностей [11].

От пожара 10 июня 1847 г. пострадало 854 семейства, в том числе 110 домохозяев и 744 семейства, не имевших недвижимой собственности. Купечество откликнулось на призыв казанского губернатора И.А. Баратынского помочь потерпевшим и, как следует из рапорта казанского городского головы Докучаева от 22 июля 1847 г., пожертвовало серебром 5357 руб. 43 коп. [6, с.710–711]. Из этой суммы часть пошла на выдачу погорельцам бесплатного печеного хлеба (165 руб. 92¼ коп. серебром), другая часть поступила в распоряжение военного губернатора вместе с реестром жертвователей и вносимыми ими суммами. Собранные средства были распределены среди погорельцев после получения от попечителей удостоверения, в котором была обозначена сумма потерянного имущества. Попечители избирались из дворянства и купечества.

Специально созданный комитет, состоявший из начальника губернии, уездного предводителя дворянства, вице-губернатора, полицеймейстера, градского главы и нескольких почетных лиц дворянского сословия и купеческого общества, распределял собранные пожертвования, предусмотрев выплаты в три этапа: в первый раз выдавалось по 10 коп. за каждый рубль потери, второй раз – по 9 коп., в третий раз – по 7 коп. Часть суммы планировалось выдать натурой, в виде леса. Посobie предназначалось для тех, кто изъявлял желание строить дома вновь [6, с.711–712].

Иногородние купцы также оказывали посильную помощь – Ростовцев, Плешанов, Василий Плигин, Жирнов и приказчик купца Гарлинова «с товарищами» в самый день пожара вручили генерал-губернатору «первые два по 1000 рублей, а последний 3200 рублей» для раздачи более нуждающимся «в пособие». Однако не вся сумма, которую жертвовали на помощь погорельцам, шла непосредственно и безвозмездно в их руки. Генерал-губернатор И.А. Баратынский сообщил министру внутренних дел Л.А. Перовскому в 1849 г. (!), что от пожертвований в пользу пострадавших во время пожара 1842 г. остались деньги, и нужно раздать их на 5 лет в виде беспроцентной ссуды, но затем (через неделю) передумал, увидев, что в связи с пожаром 1847 г. пожертвования поступили вновь, и к этим деньгам добавились суммы из страховых обществ. Баратынский предложил тем, кто пожелал возвести новые строения, выдавать пожертвованные деньги в виде ссуды, из расчета 4% годовых, чтобы «сохранить доход, получаемый на сей капитал из Приказа общественного призрения» [6, с.715–716].

Благотворительная деятельность казанских купцов выходила далеко за пределы Казанской губернии. Важнейшим направлением торговой деятельности для татар-мусульман в рассматриваемый период являлась степ-

ная торговля (с казахами), а также коммерческие операции с жителями государств Средней Азии (Хивинское, Кокандское ханства, Бухарский эмират). Купцы и служилые татары Казанской губернии занимались меновой торговлей в Казахской степи (в 1830-е гг. там было 10 лиц купеческого сословия, торговавших от своего имени, а также 39 приказчиков и более 250 работников).

В 1856 г. казанский 2-й гильдии купеческий сын Гибаятулла Муртазин, торговавший в Гурьеве (ныне – Атырау), «войдя в бедственное положение прилинейных киргиз, лишенных способов пропитания вследствие падежа скота в прошлую зиму и возвышения цен на хлеб, раздал 127 беднейшим киргизским семействам по одному пуду муки безвозмездно, и, сверх того, понизил цену хлеба против прочих торговцев до 3-х рублей серебром за четверть» [1, л.5]. Г. Муртазину было на тот момент 34 года, торговать начал с 14 лет. За свой человеколюбивый поступок он, по инициативе оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского, был представлен к награде серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте.

Таким образом, отметим, что на фоне главной цели деятельности купцов – извлечения предпринимательского дохода – многие из них в условиях чрезвычайных ситуаций проявляли милосердие и сострадание к неимущим, стремились помочь, жертвуя часть своих капиталов на благотворительные цели.

Органы власти и должностные лица, стремившиеся избавить казну от дополнительных трат, оказали существенное влияние на развитие благотворительной деятельности купечества. Они делали призывы к милосердию и в Отечественную войну 1812 г., и в периоды эпидемии и пожаров, и в других чрезвычайных и экстремальных ситуациях, побуждая купцов делать определенные вложения.

Купечество (с одобрения местных властей) поощрялось званиями – известные в обществе и упоминаемые нами имена Котелова Петра Ивановича, Урванцева Николая Никифоровича, Коровина Якима Ивановича объединяет факт принадлежности к личному почетному гражданству. Петр Иванович Докучаев – потомственный почетный гражданин [3, л.1–34]. В 1833 г. в звание потомственного почетного гражданина был возведен купец Л.Ф. Крупеников. Таким образом, благотворительная деятельность позволяла купцу стать более заметным, повысить свой социальный статус, добиться для себя (а иногда и для своей семьи) льгот, сопряженных с принадлежностью к дворянскому сословию. С другой стороны, филантропия отвечала внутренним религиозно-нравственным запросам купечества, придерживавшегося норм и предписаний своей конфессии.

Источники и литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.7220.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.22. Оп.1. Д.36.
3. ГА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.2285.
4. Донесение казанского гражданского губернатора Б.А. Мансурова министру полиции А.Д. Балашеву о мероприятиях, проведенных в Казанской губернии по сбору ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов / под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
5. *Зиннатуллина Д.Г.* Роль частной инициативы в развитии системы общественного призрения Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4–2 (64). С.67–70.
6. История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга III: Управление, бюджет, хозяйство / под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. 820 с.
7. *Кореева Н.А.* Купечество Казанской губернии и Отечественная война 1812 года // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИ-ЯЛИ, 2020. С.108–126.
8. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г. Вып. 1. Финансы / под ред. С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Типо-литография «Нижегородское печатное дело», 1916. 262 с.
9. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.
10. *Новицкая И.А.* Пожары в Казани // Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х.Хасанов, ответ. ред. Г.С.Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. Т.4: М–П. 768 с.
11. Объявления и известия от г[осподина] казанского военного губернатора // Казанские губернские ведомости. 1843. №16. 17 апреля.
12. Описание холеры, в первых числах сентября 1829 г. явившейся в Оренбурге, составленное штаб-лекарем Соколовым // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Ч.4. Кн.4. С.1–76.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т.XXXII. №25176. С.388.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XXXV. №27490. С.474–517.
15. *Салихов Р.Р.* Благотворительная деятельность татарского предпринимательства России (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №3–2. С.106–110.
16. *Свердлова Л.М.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (конец XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 319 с.
17. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998. 168 с.

Philanthropic activities of the merchant class
in emergency situations of the first half of the 19th century
(based on the materials of the Kazan province)

N.A. Koreeva

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article describes some aspects of the philanthropy of the merchant class in the periods during periods of emergency – during the Patriotic War of 1812, the cholera epidemic of 1830, 1831, famine, Kazan fires. There are significant gaps in the coverage of this topic, despite numerous studies of the history of philanthropic activities. Along with the organization of voluntary donations, the authorities practiced various methods of administrative pressure to replenish the treasury. Merchants were rewarded with medals and ranks for their acts of charity to their under-privileged compatriots. The study contains sources that are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Kazan province, Kazan, epidemic, cholera, charity, Patriotic War, fire, merchants.

For citation: Koreeva N.A. Philanthropic activities of the merchant class in emergency situations of the first half of the 19th century (based on the materials of the Kazan province). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 28–39 (In Russian)

Информация об авторе:

Корева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Koreeva Natalya Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Researcher, Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Бумаги последнего российского императора Николая II
в Государственном архиве Российской Федерации
(к истории формирования коллекции)

С.В. Мироненко

*Государственный архив Российской Федерации
Москва, Российская Федерация*

В статье проанализирована история формирования коллекции материалов последнего российского императора Николая II (ф. 601) Государственного архива Российской Федерации. Автор подробно показывает, на основе каких документов и материалов был образован архивный фонд, оценивает их значение для изучения истории царской семьи.

Ключевые слова: Николай II, Государственный архив Российской Федерации, Архивы Романовых, Новоромановский архив, Единый государственный архивный фонд.

Для цитирования: Мироненко С.В. Бумаги последнего российского императора Николая II в Государственном архиве Российской Федерации (к истории формирования коллекции) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 40–54.

Среди 7 млн дел, которые хранит Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), есть сравнительно небольшой по объему, но привлекающий большое внимание исследователей (профессионалов и любителей) комплекс материалов членов Российского императорского дома. В центре этого комплекса находится фонд (архив) последнего российского императора Николая II (ф. 601). В первые годы советской власти материалы из архива последнего императора, членов его многочисленной семьи активно публиковались [29; 30]. Но постепенно романовская тема сошла на нет. Архивы Романовых засекретили. Лишь постепенно с начала 1960-х гг. они снова стали доступны для изучения. Взрыв интереса к ним пришелся на годы перестройки и особенно вырос после распада СССР. Сегодня документы Николая II, вообще семьи Романовых, относятся к числу наиболее востребованных материалов архива. Однако лишь сравнительно недавно сотрудники ГА РФ начали разбираться в истории поступления романовского наследия в архив. Появились работы по истории Новоромановского архива – учреждения, специально созданного для хранения и разбора бумаг последнего российского императора и его семьи, оказавшихся после гибели Романовых в руках руководителей Советского государства [34; 28; 31].

Но каким образом материалы Николая II оказались в ГА РФ? Являются ли они личным архивом (фондом) последнего российского императора или это не архив, а **коллекция** документов, составленная советскими архивистами?

До революции личных архивов (фондов) членов семьи Романовых не существовало. В XIX – начале XX в. общим семейным архивом Российского императорского дома было рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца, материалы которого ныне хранятся в ГА РФ (ф. 728). В начале XIX в. был установлен порядок (хотя отдельные случаи бывали и ранее), по которому после смерти каждого императора все кабинеты покойного самодержца во всех дворцах опечатывались, а хранящиеся в них бумаги просматривались и описывались специально созданной комиссией. Однако включенные в описи документы не рассматривались как личный архив императора, который нужно было сохранить в неприкосновенности для истории. Описи бумаг представлялись вступившему на престол монарху, который делал собственноручные распоряжения, в какое министерство или ведомство нужно отправить на хранение ту или иную бумагу. Иногда новый император напротив некоторых важных и интересных, с его точки зрения, документов помечал: «Ко мне» или «В мою библиотеку», имея в виду рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца. Часть бумаг выделялась для уничтожения. Подобного рода описи сохранились в российских архивах¹. Исключение было сделано только для архива Петра Великого, созданного еще в XVIII в.

Сразу после Февральской революции 1917 г. документы последнего российского императора стали привлекать особое внимание новой власти. 8 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о мерах к сохранению «документов государственной важности, находившихся в Царскосельском дворце» и решило «опечатать кабинет отрекшегося императора» и «приставить к нему караул».

Местом хранения бумаг Николая II был выбран Государственный архив Российской империи, который существовал с 1834 г. и был к тому времени уже частью архива Министерства иностранных дел (далее – МИД) в Петрограде. Именно там хранились наиболее важные официальные документы династии Романовых, а также материалы рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца и др. 13 мая 1917 г. исполняющий обязанности заведующего библиотеками Николая II В.В. Гельмерсен принял на хранение «бумаги, извлеченные из письменных столов б. императора Николая II и б. императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце с целью передачи на вечное хранение в Государственный архив» [31, с.85–87]. Осенью 1917 г. из Петрограда (ввиду приближения немецких

---

¹ Например: ГА РФ. Ф.1717 «Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа». Оп.1. Д.128. Черновики описей документов, обнаруженных в кабинете Александра I после его смерти.

войск к столице) в Москву на Воздвиженку в помещение Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГА МИД) была эвакуирована часть фондов Государственного архива, а вместе с ними и бумаги Николая II и Александры Федоровны.

С марта 1917 г. отрешенный император вместе с семьей некоторое время находился под арестом в Александровском дворце Царского села, а в августе 1917 г. они были отправлены Временным правительством в ссылку в Тобольск. Ссылным было разрешено взять с собой документы – дневники, переписку, фотографии, т.е. все, что составляло их личный семейный архив.

После гибели царской семьи в июле 1918 г. этот архив из Екатеринбурга был отправлен в Москву в Кремль. 26 июля в газете «Известия» была опубликована заметка, в которой сообщалось, что в распоряжении Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) находятся материалы последнего царя и его семьи. В ней говорилось, что на первом заседании ВЦИК нового созыва, состоявшемся 18 июля, Я.М. Свердлов сообщил следующее: «В распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важные материалы и документы Николая Романова: его собственноручный дневник, который он вел с июня до последнего времени, дневники его жены и детей, переписка Романовых и т.д. Имеются, между прочим, письма Григория Распутина к Романову и его семье. Все материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время» [32, с.2]².

10 сентября 1918 г. ВЦИКом было принято решение о создании комиссии «по разработке материалов, найденных у последнего Романова». Тогда же был утвержден ее состав. В комиссию вошли М.Н. Покровский, Л.С. Сосновский, Ю.М. Стеклов, Д.Б. Рязанов и В.В. Адоратский [28, с.10; 18, л.2]. На заседании коллегии Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса) 14 сентября по докладу М.Н. Покровского было принято постановление о том, чтобы «считать комиссию по разборке Романовских бумаг существующей при Народном комиссариате по просвещению». Естественно, входившие в состав комиссии видные большевики не могли заниматься технической работой: систематизировать и описывать архив

---

² В статье Б.Ф. Додонова, О.Н. Копыловой и В.П. Наумова, опубликованной в 2012 г. в каталоге выставки «Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век», было высказано сомнение в правдивости рассказа Я.М. Юровского, что семейный архив Николая II был привезен им в Москву прямо из Екатеринбурга. Опираясь на слова Свердлова, произнесенные им на заседании ВЦИК на следующий день после гибели царской семьи, что в руках советского правительства находится архив Николая II, авторы утверждали, что «вероятнее всего, значительная часть материалов царской семьи была изъята и отправлена в Москву уже во время переезда царской семьи из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 года» [31, с.91]. На мой взгляд, не нужно понимать слова Свердлова буквально. Он, конечно, имел в виду, что архив Николая II сохрнен и находится в руках уральских большевиков.

семьи Николая II, перепечатывать для публикации материалы. Речь в постановлении шла, конечно, о вспомогательном штате комиссии. Он был определен в 3 единицы.

Для хранения и разбора семейного архива Николая II был создан особый Новоромановский архив, названный так, чтобы отличать его от «старого Романовского архива», который, как было указано выше, был частью Государственного архива, который, в свою очередь, входил в состав МИД. Исследователи, ссылаясь на решение коллегии Наркомпроса, считают датой возникновения Новоромановского архива 14 сентября 1918 г. [28, с.8; 27, с.57]. Но на заседании коллегии ничего не говорилось о создании архива. Речь шла о создании комиссии для разбора романовских бумаг.

Надо сказать, что вообще Новоромановский архив был каким-то загадочным учреждением. Он странно возник и таинственно исчез. О Новоромановском архиве в протоколах коллегии Наркомпроса вообще нет никаких упоминаний, как не упоминается он и в протоколах заседаний коллегии Главного управления архивным делом [1].

Но все-таки он существовал. В анкете, заполненной В.В. Адоратским собственноручно при приеме на работу, он указал, что работает «заведующим Романовским архивом в Кремле с 1 сентября 1918 г.» [33, с.61; 13, л.3]³. 5 сентября 1918 г. как «зав. новым Романовским Архивом» Адоратский получил пропуск №339 «на право свободного прохода в помещение Рабочего и Крестьянского Правительства в Кремле» сроком до 1 января 1919 г., подписанный управляющим делами Совета народных комиссаров (СНК) Н. Горбуновым [24, с.22]. Следовательно, Новоромановский архив существовал и до 14 сентября 1918 г.

В июле-августе 1918 г. бумагами последнего российского императора занимался М.Н. Покровский, который в письме к жене 18 августа 1918 г. писал о своем переезде в Кремль, где «под боком самое интересное мое занятие: новый Романовский архив» [28, с.9].

Чем можно объяснить странное отсутствие упоминаний о вновь созданном архиве в распорядительных документах советской власти? Видимо, в суете «рабочих буден» никто не озаботился изданием распоряжения о его создании. Однако некоторые бюрократические процедуры все же были соблюдены: для Новоромановского архива напечатали бланки с его реквизитами и изготовили печать («Москва. Кремль. Ново-Романовский архив», а в центре круга: «РСФСР») [28, с.8]. 19 ноября 1918 г. В.В. Адо-

---

³ В статью Б.Ф. Додонова, О.Н. Копыловой и С.В. Мироненко, к сожалению, вкралась ошибка. Там утверждается, что «во всех анкетах В.В. Адоратского, его трудовых списках значится», что он приступил к должности заведующего Новоромановским архивом именно с 14 сентября [28, с.8]. В «трудовом списке» В.В. Адоратского сказано, что он «1918. IX (без указания числа – С.М.). Назначен на должность завед. Ново-Романовским архивом Народного комиссариата по Просвещ[ению]» [19, л.3 об.].

ратскому в Наркомпросе выдали еще одно удостоверение, в котором было сказано, что «он состоит на службе Народного комиссариата по просвещению [...] в должности заведующего Ново-Романовским архивом» [24, с.22].

В Комиссариате по делам просвещения, видимо, не видели разницы между Новоромановским архивом и комиссией по разбору бумаг бывшего царя. 20 ноября 1918 г. коллегия Наркомпроса приняла решение увеличить штат комиссии двумя должностями: «переводчицы ... и ученой машинистки» [12, л.134]. Этими сотрудницами были переводчица, «иностранный корреспондентка-машинистка» Любовь Исааковна Гафт, получившая образование за границей, и машинистка-переписчица Наталия Иосифовна Ермолович. В архиве Наркомпроса сохранились личные дела В.В. Адоратского [13], О.В. Крыленко [16], Е.В. Слюниной [17], Л.И. Гафт [14] и Н.И. Ермолович [15]. В заполненных ими собственноручно анкетах местом работы назван Новоромановский архив. При этом основанием для зачисления их всех на работу в архив указаны решения коллегии Наркомпроса.

Первые пореволюционные годы были временем постоянных преобразований архивной системы (которые, кстати, продолжались вплоть до Великой Отечественной войны). Известный декрет о централизации архивного дела, изданный в июне 1918 г., по сути, национализировал все архивы страны, объявив их государственными и общедоступными. Был создан Единый государственный архивный фонд (далее – ЕГАФ), который объединил под руководством Главного управления по архивному делу (далее – ГУАД) все прежние ведомственные и частные архивы России. Все они были распределены по тематическим секциям, а секции разделены на отделы. Архивы упраздненных ведомств вошли в состав соответствующих отделов.

О том, что Новоромановскому архиву придавали чрезвычайное значение, говорит тот факт, что он не входил в систему ЕГАФ и не подчинялся Главному управлению архивным делом (ГУАД). Архив находился в ведении Наркомпроса, а финансировался ВЦИКом, чем, видимо, и объясняются странные, на первый взгляд, противоречия в фактическом месте работы сотрудников архива и решениях коллегии Наркомпроса. Особую значимость Новоромановского архива подчеркивал и тот факт, что он располагался в одной из комнат Кавалерского корпуса Кремля, где поначалу после переезда в марте 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву жил В.И. Ленин [33, с.55].

В феврале 1919 г. Новоромановский архив был перемещен из Кремля в здание бывшего московского отделения архива МИД на Воздвиженке и перешел в ведение ГУАД. Видимо, к этому времени большевистское руководство убедилось в том, что семейный архив Николая II не содержит доказательств «преступной деятельности» царской семьи, и политический интерес к нему пропал. Именно тогда Новоромановский архив прекратил свое существование как учреждение и превратился в обычный архивный фонд, сохранив, правда, свое прежнее название Новоромановский архив.

В январе 1919 г. коллегия ГУАД приняла решение об очередной реорганизации архивной структуры. 3-е отделение I секции ЕГАФ было разделено по хронологии на четыре отдела: а) отдел XVII в.; б) отдел XVIII в.; в) отдел XIX в. до 1856 г. и г) отдел второй половины XIX в. Заведующим отделом второй половины XIX в. был назначен В.В. Адоратский [2, с.119]. Материалы семейного архива Николая II вместе с архивными материалами других Романовых влились в состав фондов «Отдела второй половины XIX в.».

Информация о том, чем занимались немногочисленные сотрудники «Отдела второй половины XIX века», какие материалы он хранил, содержится в двух справках-отчетах сотрудника отдела Ф.В. Кельина за 1919 и 1920 гг., опубликованных в подготовленной и изданной сотрудниками ГА РФ к 90-летию его образования «Истории Государственного архива Российской Федерации» [33, с.62–66]. Ф.В. Кельин поступил на работу в только что созданный отдел весной 1919 г. Именно этим объясняется, что Кельин путался в названии места своей работы, которое он называл то Новоромановским архивом, то «отделом 2-й половины XIX века»⁴.

По словам Кельина, в отделе существовало две неформальные секции или группы – «дипломатическая» и «царская». Сотрудники первой группы, научное руководство которой осуществлял М.Н. Покровский, занимались изданием дипломатических документов. Вторая («царская») группа работала под руководством известного историка и археографа профессора В.Н. Сторожева. В 1919 г. ее сотрудники разбирали, изучали и описывали «находящиеся в отделе документы, составляющие собственность членов б. царствующего дома». Была «разобрана и описана» переписка Николая II с женой, а также «разобраны царские дневники».

В отчете о работе секций ЕГАФ за июль-август 1919 г. говорилось, что сотрудники «Отдела второй половины XIX века» «занимались изучением и разборкою документов, принадлежащих к личному архиву имп. Николая II и лиц бывшего царствующего дома, и документов секретных архивов императорского русского министерства иностранных дел». Был закончен перевод писем Александры Федоровны к Николаю II за 1915 и 1916 гг., и просмотрен текст этих переводов [23, л.234–234 об.].

---

⁴ В справке о работе отдела, датированной 20 января 1920 г., Кельин писал, что весной 1919 г. поступил работать научным сотрудником в «Ново-Романовский архив». Это утверждение ввело в заблуждение исследователей истории Новоромановского архива. В действительности Кельин поступил в «Отдел второй половины XIX века» 3-го отделения I секции ЕГАФ, созданный в начале 1919 г. Говоря о своем приеме на работу, Кельин только использовал привычное название формально уже не существующего архива. Несколькими строками ниже он сам писал: «Помнится, в первый же день моей новой служебной деятельности, знакомя меня с общими заданиями **нашего Отдела** (выделено мной – С.М.), тогдашний его научный руководитель В.В. Адоратский объяснил мне структуру того учреждения, куда я попал».

В марте 1919 г. в «Отдел второй половины XIX века» из Могилева, где в годы Первой мировой войны располагалась ставка Николая II, поступило 1796 телеграмм «бывшего царя преимущественно по-английски семейного характера с августа пятнадцатого по март семнадцатого» года [28, с.11]. Включение телеграмм в состав бумаг последнего российского императора свидетельствует о том, что уже тогда архивисты воспринимали Новоромановский архив не только как личный архив Николая II, а как собрание документов, относящихся к деятельности императора. По современным правилам, телеграммы Николая II должны были остаться в архиве ставки.

В 1920 г. вновь произошла реорганизация архивов. Так, 17 сентября для хранения важнейших документов по истории Российского государства был создан Государственный архив РСФСР, который состоял из четырех отделений. Внутри второго отделения была создана так называемая секция «А» («политическая»), в которой стали концентрироваться архивные материалы семьи Романовых. Одним из фондов секции «А» был Новоромановский архив.

Сохранился отчет о деятельности Центрархива за 1918–1925 гг., который содержит характеристику романовских материалов, хранящихся в Госархиве РСФСР. В нем перечислены и кратко проаннотированы дворцовые архивы, поступившие в архив. О фонде Новоромановского архива сказано, что он «содержит личные документы Николая II, его ученические работы и тетради, переписку с русскими и иностранными родственниками за 1879–1917 гг., письма к Николаю от разных лиц (Пржевальского, Свен Хедина, К.П. Победоносцева и др.), дневники Николая II с 1882 по 1918 г. в 52 тетрадях с ежедневными записями, где имеются и наклеенные семейные фотографии Николая II, донесения Верховного главнокомандующего 1914–1918 гг. и приказы по Преображенскому полку за 1914–1915 гг.» [23, Л.288–289].

12 сентября 1923 г. был принят совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР о передаче государству документов семьи Романовых. Необходимость издания декрета мотивировалась неоднократными случаями сокрытия или похищения документов, «изобличающих бывших царей и их слуг в злодеяниях, чинившихся ими над трудящимся населением России». «Все находящиеся на территории РСФСР в ведении учреждений, организаций и должностных лиц, а равно у частных лиц архивные материалы семьи Романовых (бывшей царской фамилии), – говорилось в декрете, – подлежат сосредоточению в Политической Секции Единого Государственного Архивного Фонда» [37, с.25]. 16 февраля следующего года Центрархив разослал циркуляр, потребовав немедленно приступить к проведению в жизнь декрета ВЦИК и СНК РСФСР [37, с.104, 106].

В том же 1923 г. во второе отделение поступил «пакет, заключающий в себе материалы, привезенные из Дармштадта через МИД в Комиссию по устройству юбилейной выставки 300-летия дома Романовых и состоящие

из 5 описей и исторических записок; из 14 конвертов с 24 видовыми фотографиями; из 26 портретных фотографий [...]. Пакет №1 передан в секцию XIX века для включения в Романовский архив» [20, л.14]. В мае 1923 г. туда же были приняты «по описи документы Николая II (как-то: телеграммы Александра III, учебники и пр.)» [20, л.27]. В июне 1923 г. второе отделение пополнилось «телеграммами Романовых, вывезенными В.В. Максаковым из Петроградского отделения Центрархива» за 1914 г. (одна тетрадь), 1915 г. (две тетради) и за 1916 г. (две тетради) [20, л.38].

В 1925 г. Государственный архив РСФСР прекратил свое существование. Он был расформирован, а хранившиеся в нем материалы были распределены по разным архивам. Архивные фонды второго отделения были переданы в Архив Октябрьской революции (далее – АОР), где для их хранения был создан специальный отдел, получивший название «Отдел падежня старого режима».

Во время всех этих перемещений состав Новоромановского фонда если и пополнялся, то поступления были незначительными⁵. То, что Новоромановский фонд продолжал оставаться по преимуществу семейным архивом Николая II, подтверждает и все еще небольшой к тому времени его объем. В 1925 г. он занимал всего «два сейфа и три с половиной небольших шкафа» [22, л.3 об.]⁶. Все эти годы продолжалась работа по разборке, описанию и подготовке хранящихся в нем материалов к публикации. Результатом этой работы стала публикация переписки Николая II с женой, три тома которой (из обещанных пяти) увидели свет в 1923–1925 гг. в советской России, а также публикация дневника Николая II, готовившегося к печати Центрархивом, но опубликованного по украденной из него копии в Берлине [35; 25].

В 1925 г. в АОР от заведующего Ленинградским отделением государственного издательства И.И. Ионова поступило более 200 дел, содержащих бумаги императора Николая II. Как они оказались в издательстве, не ясно. Это были письма к императору великих князей Николая Николаевича, Дмитрия Павловича, Павла Александровича, Николая Михайловича, Михаила Михайловича, Александра Михайловича, Георгия Михайловича, Андрея Владимировича и великих княгинь Ксении Александровны и Елизаветы Федоровны, а также семь документов относительно брака великого князя Михаила Александровича. В числе поступивших дел была перепечатанная на машинке копия дневника великого князя Андрея Владимировича.

---

⁵ 12 июня 1923 г. к фонду Новоромановский архив были присоединены письма Николая II из фонда Гатчинского дворца [5, л.35, 37].

⁶ Список фондов II-го отделения политической секции «А» Госархива РСФСР по состоянию на 1 января 1925 г.

ча за 1915 г., а также бумаги Бадмаева [9]⁷. Все они влились в состав Новоромановского фонда [9, л.2–20, 23–30].

В АОРе встал вопрос о переработке Новоромановского фонда. 23 ноября 1925 г. под председательством В.В. Максакова прошло совещание, посвященное плану работ Особого отдела архива. В докладе заведующей отделом В.Л. Лемберской, в частности, отмечалось, что «Ново-Романовский архив требует полной переработки» [21, л.11–12].

Заместитель управляющего АОР, тогда молодая коммунистка, А.М. Рахлин вспоминала в конце 1960-х гг. о той обстановке недоверия к старым кадрам, без которых, по словам Рахлин, все же нельзя было пока обойтись: «Разбравшие Новоромановский архив лица прекрасно знали иностранные языки. Стоило мне войти в рабочую комнату, разговор переходил на французский язык. Направляя меня на работу, В.В. Адоратский напоминал, что конфликтовать с этими людьми не стоит, надо взять от них все, что возможно, использовать, в частности, знакомство бывшей фрейлины с обычаями, кличками, принятыми в царском окружении, чтобы расшифровывать в письмах шуточные подписи и обращения и устанавливать по ним корреспондентов». Между «спецами», которые знали иностранные языки, и партийными назначенцами, к которым относилась и А.М. Рахлин, часто возникали конфликты. Об одном из них она рассказала в своих воспоминаниях, отрывок из которых не вошел в публикацию в «Советских архивах»: «Как-то, разбирая переписку последнего царя, я наткнулась на письмо из Дании матери Николая Второго от ее сестры. Письмо было на датском языке, и я обратилась к Лихачевой, знавшей и этот язык, с просьбой прочесть, чтобы я могла внести его в опись. Лихачева в бешенстве швырнула это письмо мне на стол, крикнув: “Я чужих писем не читаю!”. Пришлось прибегнуть к словарю и перевести документ самой» [28, с.7].

В конце 1920-х гг. началась реорганизация ленинградских музеев и выяснилось, что в городских и пригородных дворцах-музеях продолжают храниться документы семьи Романовых. Их стали постепенно пересылать в АОР. 20, 28 января и 16 марта 1927 г. в Ленинградское отделение Центрархива из петергофских дворцов-музеев по 4 описям были переданы архивные материалы из дворца «Знаменка» (в основном великого князя Петра Николаевича, великого князя Николая Николаевича (старшего) и их родственников). 23 марта 1928 г. из Ленинграда из музея города (Аничков дворец) были присланы документы императрицы Марии Федоровны, а также императоров Александра III и Николая II «в 3 пакетах, заключаю-

---

⁷ 15 мая 1925 г. заместитель заведующего Центрархивом В.В. Адоратский, помощник управляющего АОР А.М. Рахлин и старшие архивисты АОР В.Лемберская и В.Дубровина составили акт проверки присланных Ионовым материалов, что позволяет определить их год поступления в АОР (сами описи не датированы).

ших 49 малых пакетов» [11, л.35]. Документы были пересланы в АОР секретным распоряжением [10, л.22; 11, л.36]. 5 апреля 1928 г. АОРу было предписано принять от Ленинградского центрального исторического архива «архивные материалы лиц быв. царского дома», поступившие от Объединения Детскосельских и Павловского дворцов-музеев [11, л.42; 10, л.26]. Всего было прислано 1928 единиц в 9 ящиках, один из которых с книгами [11, л.41, 44]. 22-м ноября датировано распоряжение принять в Особый отдел АОР из Ленинградского центрального исторического архива 35 конвертов с описанными «бумагами б. велик. князя Константина Константиновича» [10, л.69].

В 1926–1928 гг. АОР продолжал систематически пополняться документами, поступавшими из Ленинграда. Из различных хранилищ в архив были переданы материалы императоров Александра III и Николая II, императрицы Марии Федоровны, великих князей Владимира Александровича, Андрея Владимировича, Константина Константиновича, великой княгини Ольги Александровны, 32 письма от разных лиц, адресованные на имя Николая II и членов его семьи, материалы о зарубежных капиталах, принадлежавших императрице Александре Федоровне. Из Свердловска в АОР были переданы продовольственные карточки, выданные Николаю II Тобольским городским продовольственным комитетом, письмо великой княжны Марии Николаевны к сестре в Тобольск от 27 июня 1918 г. Среди переданных материалов находился также косяк двери дома Ипатьева с автографом Николая II, по устной архивной легенде, утраченный при эвакуации во время войны [26, с.11].

В декабре 1929 г. «Отдел падения старого режима» упразднили и все фонды (196) передали вновь образованному Особому отделу Центрального исторического архива. Местом его размещения было выбрано помещение «Древлехранилища» (ныне – здание Российского государственного архива древних актов). 18 сентября 1931 г. «Древлехранилище» было переименовано в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (далее – ГАФКЭ). В 1934 г. Особый отдел стал частью этого архива, влившись в состав отдела «Фамильных и личных фондов» [36, с.194]⁸.

На протяжении 1920–1930-х гг. Новоромановский архив постепенно перестал быть архивом последнего российского императора и его семьи. Он стал пополняться материалами других членов дома Романовых. Но это вовсе не мешало тому, что материалы Николая II и других Романовых продолжали храниться также и в дворцовых фондах. Строгой системы хранения не было.

---

⁸ Отдел имел статус самостоятельного центрального архивохранилища. Что это значило на практике, не понятно. Однако, видимо, это обстоятельство позволило В.В. Максакову в 1946 г. написать, что до 1941 г. Отдел падения старого режима был самостоятельным государственным архивом. Максаков называл его «Новоромановским архивом» [33, с.122].

Поступавшие в архив документы имели только инвентарные описи. В 1939 г. многочисленные инвентарные описи Новоромановского фонда (по преимуществу рукописные, но среди них встречаются и перепечатанные на машинке) были объединены в несколько переплетенных томов. Благодаря им мы можем восстановить, каким по составу был к этому времени Новоромановский фонд.

Значительная часть инвентарных описей Новоромановского фонда (по нумерации АОРа номер фонда – 5с) была переплетена в один толстый (219 листов) том (в него вошли все инвентарные описи за исключением трех). В основном это рукописные описи переписки Николая II с многочисленными родственниками (российскими и заграничными) и различными другими корреспондентами, материалы детей Николая II и доктора Е.С. Боткина, а также телеграммы императору великого князя Николая Николаевича за годы Первой мировой войны. Есть описи ученических тетрадей Николая II, фотографий, копий его дневников и фотокопий писем к нему императрицы Александры Федоровны и т.д. В том также включены описи телеграмм, полученных императором Александром II, и переписки императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, а также описи материалов других Романовых. Некоторые инвентарные описи датированы, некоторые нет. По всему видно, что составлялись они в основном в 1921–1924 гг. Каждое письмо и каждый документ описаны отдельно [6]⁹.

Отдельно хранятся еще две инвентарные описи, в которых описано содержимое двух сейфов (опись №7 – «несгораемого шкафа темного цвета» и опись №8 – «несгораемого шкафа красного цвета»). В первом сейфе хранилась переписка Николая II с женой, матерью и великими князьями, его дневники, письма германского императора Вильгельма II, дневники дочери Николая II Ольги и др. (всего 44 дела). Во втором – дневники Александры Федоровны и ее дочерей Марии, Татьяны и Анастасии, а также серебряная «коробка» в футляре с документами о престолонаследии [8].

В описи №7 значатся еще 5 дел, которые хоть и касаются судьбы императора и членов его семьи, но их никак нельзя отнести к семейному архиву последних Романовых: «Дело об убийстве бывшего царя и его семьи», «Тетрадь (список лиц семьи бывшего царя Николая II и его служащих)», «Рапорта, инструкции отряда особого назначения при б. царе Николае II», «Книга записей дежурств членов отряда особого назначения при

---

⁹ Титульный лист тома: «Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Ново-романовский фонд №5с. Сдаточные описи. 1864–1918 гг.» доказывает, что он был создан в ГАФКЭ. Заверительная запись датирована 9 января 1939 г.

семье бывшего царя» и «Четыре письма офицера русской армии об устройстве побега Николаю II»¹⁰.

В последней инвентарной описи (№16) учтены дела, поступившие в Новоромановский фонд в мае 1925 г. от И.И. ИONOVA из Ленинграда.

Новый этап в истории архива Николая II наступил в начале 1941 г. Именно тогда в ГАФКЭ прежние дворцовые фонды были расформированы (правда, не все – до настоящего времени сохранились фонды рукописного отдела библиотеки Зимнего дворца, Мраморного и Царскосельского дворцов), и из хранящихся в них дел сформировали императорские и великокняжеские фонды (архивы). Делалось это просто: в инвентарных описях отмечалось, к какому новому личному фонду относится то или иное дело или тот или иной документ.

Для того чтобы создать ранее не существовавший архив Николая II, из дворцовых фондов выбирались документы и дела, которые так или иначе были связаны с жизнью и деятельностью последнего российского императора. Вместе с документами и делами из Новоромановского фонда, который также был расформирован, они составили вновь созданный архив императора. Так возник фонд под №601, который в вышедшем в 1946 г. путеводителе получил название «Фонд Николая II».

29 марта 1941 г. правительство утвердило Положение о Государственном архивном фонде и сети государственных архивов СССР. На месте ГАФКЭ был создан Центральный государственный архив древних актов, Центральный архив Октябрьской революции был переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), были созданы два исторических архива – Центральный государственный исторический архив в Москве (далее – ЦГИАМ) и Центральный государственный архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), а также ряд других центральных государственных архивов.

10 мая 1941 г. из ГАФКЭ в ЦГИАМ был передан фонд Николая II (по старой нумерации фонд №177-с) [3]¹¹. В ЦГИАМ поступило 244 картона (2736 дел и еще 3456 листов документов, находящихся в россыпи). 218,4 кг документов остались не разобранными и были приняты без подсчета листажа. В изданном же в 1946 г. путеводителе по фондам ЦГИАМ объем фонда императора указан в 1972 ед. хр. Чем объяснить подобное расхождение?

---

¹⁰ Напротив дела с письмами Вильгельма II российскому императору сохранилась помета помощника заведующего АОР А.М. Рахлин: «Все письма находятся в папке под №37. 23.XI.1928 г.». Под номером 5 в описи значится «наган Доры (исправлено карандашом – Фанни) Каплан». Напротив помета той же рукой: «Согласно распоряжению Максакова от 31 января 24 г. отдано в уголок «Ленина» на времен. польз.» [7, л.4–70].

¹¹ Сдачу и прием дел осуществили сотрудница ГАФКЭ М.В. Лаврентьева и сотрудница ЦГИАМ Н.Н. Николаева.

На основании инвентарных описей были составлены новые, сделанные по тогдашним правилам архивного описания. Сначала в опись №1 было внесено 1309 дел, о чем свидетельствует запись от 22 сентября 1945 г. Затем была начата опись №2, куда было внесено еще 405 дел (запись от 14 ноября 1945 г.). Итого в две описи осенью 1945 г. было внесено 1713 дел. К сентябрю 1952 г. в описи №1 уже значилось 1630 дел (из них на секретное хранение было переведено 138 дел), в описи №2 – 497 (из них на секретное хранение было передано 3 дела) [4].

Можно ли считать собранные по различным фондам дела и документы личным фондом (архивом) Николая II? Казалось бы, да. Ведь документы были добросовестно выбраны из фондов императорских и великокняжеских дворцов, расположенных как в столице, так и в пригородах. Но превратились ли собранные только по факту упоминания в них имени Николая разрозненные документы в его личный архив? Ответ один – конечно нет. Отправляясь в августе 1917 г. в ссылку в Сибирь, император взял с собой из бумаг самое ценное – личный архив – дневники, переписку с женой и родственниками (включая и заграничных), фотоальбомы, отдельные фотографии и немногие другие документы. Именно они и составили первоначально Новоромановский архив, который в том виде представлял личный архив последнего императора. Впоследствии этот архив, как показано выше, стал пополняться документами других членов большой романовской семьи и превратился в своего рода продолжение рукописного отдела библиотеки Зимнего дворца. Таким образом, хранящееся в ГА РФ в настоящее время собрание архивных документов вовсе не **фонд** императора Николая II, а **коллекция** материалов, связанных с ним. Так же обстоит дело и с другими личными романовскими фондами (архивами), созданными искусственно руками архивистов. Но это уже тема другого исследования.

Источники и литература

1. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: Сб. док.: В 2 т. / Федер. архив. агентство, Гос. архив Российской Федерации, Рос. ист. о-во, отв. ред. О.Н. Копылова. М.: Кучково поле, 2018.

2. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: Сб. док.: В 2 т. Т.1. 1918–1920 гг. / Федер. архив. агентство, Гос. архив Российской Федерации, Рос. ист. о-во, отв. ред. О.Н. Копылова. М.: Кучково поле, 2018. 1040 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.601 (Николая II). Л.1. Акт №1.

4. ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.2459, 2460.

5. ГА РФ. Ф.4888. Оп.10. Д.1953.

6. ГА РФ. Ф.4888. Оп.10. Д.1964.

7. ГА РФ. Ф.4888. Оп.10. Д.1966.

8. ГА РФ. Ф.4888. Оп.10. Д.1967.
9. ГА РФ. Ф.4888. Оп.10. Д.1970.
10. ГА РФ. Ф.5325. Оп.1. Д.635.
11. ГА РФ. Ф.5325. Оп.1. Д.636.
12. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.1. Д.48.
13. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.40. Д.91.
14. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.43. Д.112.
15. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.45. Д.137.
16. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.49. Д.998.
17. ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.56. Д.408.
18. ГА РФ. Ф.Р-1235. Оп.35. Д.11.
19. ГА РФ. Ф.Р-1235. Оп.138. Д.53.
20. ГА РФ. Ф.Р-5142. Оп.1. Д.26.
21. ГА РФ. Ф.Р-5142. Оп.1. Д.62.
22. ГА РФ. Ф.Р-5142. Оп.1. Д.66.
23. ГА РФ. Ф.Р-5325. Оп.9. Д.14.
24. Государственный архив Российской Федерации. 100 лет. Иллюстрированная история. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 240 с.
25. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин: Слово, 1923. 272 с.
26. *Добровская А.В., Горбунов И.Ю., Мироненко С.В.* Государственный архив Российской Федерации: история формирования и комплектования (1920–1995) // Археографический ежегодник. Т.1. №2. 1997. С.3–28.
27. *Додонов Б.Ф.* Новоромановский архив (1918–1919 гг.) / История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост.: Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. М.: РОССПЭН, 2010. 694 с.
28. *Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В.* История коллекции документов последнего российского императора и членов его семьи Новоромановского архива в 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2008. №6. С.3–15.
29. *Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В.* Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. №1. С.3–18.
30. *Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В.* Первые издания документального наследия Николая II и членов его семьи в России и за границей. Историки-археографы В.Н. Сторожев и А.А. Сергеев и их вклад в публикацию романовских бумаг (1918–1920-е гг.) // Архивист и историк: сотрудничество в контексте современной науки и культуры / Материалы международной конференции. Европейский университет в Санкт-Петербурге. 16–18 октября 2006 г. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2007. С.118–128.
31. *Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Наумов В.П.* Собираание документов семьи Романовых в период Временного правительства и в первые годы советской власти (март 1917–1920) // Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век. Каталог выставки. М.: «Индрик», 2012. С.82–101.
32. Известия. 26 июля 1918, №145. С.2, 91.
33. История Государственного архива Российской Федерации: документы, статьи, воспоминания / М-во культуры РФ, Росархив, ГА РФ; отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2010. 695 с.

34. *Копылова О.Н.* Новоромановский архив и роль его сотрудников в собирании документов царский семьи // Труды Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2007. Т.37. С.111–127.

35. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. / Предисловие М.Н. Покровского. М.-Л.: Госиздат, 1923–1927. Т.3–5.

36. *Разумовская В.* Государственный архив феодально-крепостнической эпохи // Историк-марксист. №3 (055). 1936. С.194.

37. Сборник руководящих материалов по архивному делу. М. 1961. Сборник руководящих материалов по архивному делу: в 3 вып. / Глав. архивное упр. при Совете Министров СССР. Моск. гос. ист.-архивный ин-т. М., 1961. 266 с.

Papers of the last Russian emperor Nicholas II
in the State Archives of the Russian Federation
(on history of the collection's formation)

S.V. Mironenko

*State Archives of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

The article analyzes the history of the formation of the collection of materials of the last Russian Emperor Nicholas II (f. 601) of the State Archives of the Russian Federation (SARF). The author shows in detail on the basis of what documents and materials the archival fund was formed, evaluates their significance for studying the history of the royal family.

Keywords: Nicholas II, State Archives of the Russian Federation, Archives of the Romanovs, Novoromanovsky Archive, Unified State Archival Fund.

For citation: Mironenko S.V. Papers of the last Russian emperor Nicholas II in the State Archives of the Russian Federation (on history of the collection's formation). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 40–54 (In Russian)

Информация об авторе:

Мироненко Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); e-mail: faculty@hist.msu.ru

Mironenko Sergej Vladimirovich – Dr. Sci. (history), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the State Archives of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Благотворительность дворян Казанской губернии
в середине XIX – начале XX в.

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена филантропической деятельности дворян Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены основные направления благотворительной активности представителей высшего сословия, осуществляемой через организации и в частном порядке. Показано участие дворян в обществах, оказывавших финансовую поддержку учащейся молодежи различных сословий. Изучены благотворительные инициативы дворян во время военных кампаний. Отдельный сюжет посвящен благотворительности в пользу «недостаточных» дворян. Сделан вывод о том, что трудности пореформенного периода не остановили помещиков в оказании помощи представителям всех слоев населения, а также актуализировали вопросы организации взаимной поддержки внутри дворянского сословия.

Ключевые слова: история, исторические науки, Казанская губерния, дворянство, пореформенный период, благотворительность, богадельни.

Для цитирования: Миронова Е.В. Благотворительность дворян Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 55–63.

Благотворительность казанских дворян являлась важным направлением деятельности как целого сообщества, так и отдельных представителей высшего сословия. К этому их обязывало занимаемое положение в губернии. Они становились членами благотворительных обществ, действовавших при учебных заведениях г. Казани. Например, Д.А. Корсаков¹ являлся действительным членом Общества для вспомоществования бедным студентам Императорского Казанского университета, помещик Спасского уезда В.П. Родионов был председателем Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанской первой гимназии, дворяне А.А. Лебедев, Н.Н. Галкин-Врасский и другие входили в состав его Правления и т.д. [19, с.14–16; 20; 4, с.8].

В литературе встречается точка зрения, что члены благотворительных обществ в разных регионах участвовали в их работе лишь «трудами» и не делали никаких пожертвований [22, с.111]. Но материалы казанской прессы начала XX столетия доказывают обратное. В списках благотворителей

---

¹ Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919) – русский историк, профессор Казанского Императорского университета.

всегда встречались следующие фамилии дворян-участников различных филантропических организаций г. Казани – Александр Казем-Бек, Николай Галкин-Врасский, Александр Боратынский, Дмитрий Корсаков, Николай Сазонов и др. [7, с.3].

Кроме того, дворяне делали взносы в частном порядке в пользу других организаций: Общества вспомоществования недостаточным ученикам Императорской Казанской первой гимназии, Общества вспомоществования недостаточным воспитанницам третьей женской гимназии госпожи Котовой, «недостаточных членов казанского студенческого землячества», Общества помощи нуждающимся ученицам Казанской Мариинской гимназии, Общества помощи нуждающимся ученицам и ученикам фельдшерской школы, Казанского реального училища, Казанского училища слепых, Александровского мужского ремесленного училища [6, с.3; 2, с.3; 5, с.3]. Тем не менее в изучаемый период эти дарения не могли осуществляться постоянно, так как дворяне сами испытывали финансовые проблемы, а потому только некоторые из них имели возможность заниматься благотворением в пользу учеников прочих сословий.

Особого внимания заслуживает благотворительная активность казанского дворянского общества в пользу государства в период военных кампаний. Данная деятельность объединяла потомственных дворян вокруг престола. Так было в период Отечественной войны 1812 г. и Восточной войны 1853–1856 гг. В пореформенное время мы наблюдаем такую же практику. Дворянская корпорация Казанской губернии занялась формированием ополчения, поставкой оружия, обмундирования, белья [1, с.4, 7–8]. Были собраны средства на заготовление подвод для перевозочных парков и фуража в армию, на содержание созданных отрядов, а также раненых и семей погибших воинов [15, л.12].

Однако не всегда помощь казанского дворянского общества была бескорыстной. К примеру, в Крымскую войну местные землевладельцы не согласились на поставку продовольствия на фронт, потому что установленные расценки на ржаную муку были ниже рыночных. Мы не беремся назвать причины, побудившие помещиков искать выгоду от данной сделки с правительством. Напротив, в наиболее сложный для себя период дворянство Казанской губернии стремилось оказать посильную помощь. С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оно собрало несколько тысяч рублей, учредило десятикопеечный сбор со всех имений, предоставило для размещения раненых воинов помещение в Дворянском доме. Очевидно, что в этом вопросе казанская аристократия руководствовалась практическими соображениями. После отмены крепостного права положение высшего сословия было особенно хрупким, оно нуждалось в государственной поддержке. В это же время казанское дворянство, наряду с дворянскими обществами прочих губерний, развернуло петиционную деятельность, успех которой напрямую зависел от лояльности власти.

Начало Русско-японской войны в 1904 г. также встретило сочувствие со стороны казанского дворянского общества, которым были подготовлены верноподданнические адреса, сформирован медицинский отряд, организована помощь через земские органы самоуправления и Комитет соединенной дворянской помощи. В состав санитарного отряда вошли 2 врача, 5 сестер милосердия казанской общины Красного Креста и 8 санитаров. Он был отправлен на театр военных действий 23 апреля 1904 г. [3, с.2]. Дворянки О.А. Боратынская, О.П. Булыгина, Е.В. Колбецкая, М.Н. Казем-Бек организовали сбор добровольных пожертвований в пользу чинов, призванных на действительную службу [13, л.4].

Другие дворяне – А.А. Лебедев, В.В. Марковников и А.В. Васильев – включились в работу по созданию медицинского отряда уже в составе соответствующей комиссии Казанского губернского земства, присоединившегося ко Всероссийской земской организации. Последняя уже в начале Русско-японской войны она объединяла 14 земств, а на фронт ею был отправлен 21 медицинский отряд [5, с.5]. Санитарные отряды земств Российской империи обеспечивали медицинской помощью до 30% от числа всех раненых и больных в период военных действий [21].

Вступление России в Первую мировую войну подтолкнуло дворян к новым благотворительным инициативам. В июле 1914 г. приступил к работе Казанский дворянский дамский комитет по снабжению воинов и раненых под председательством Любови Алексеевны Толстой-Милославской. Был организован пошив белья.

Кроме того, под лазарет было отдано помещение на верхнем этаже Дворянского дома, выделены деньги на строительство дома инвалидов, соорудившегося казанским земством и т.д. Казанское дворянское общество занялось созданием ополчения и снабжением народных дружин знаменами. В 1916 г. свияжский уездный предводитель дворянства К.М. Головня выступил инициатором открытия в г. Свияжске мастерской, где солдаты, вернувшиеся с фронта искалеченными, имели бы возможность обучаться портняжному и сапожному мастерству и этим зарабатывать себе на жизнь [14, л.1–2].

Заметным направлением деятельности дворянских организаций Казанской губернии, связанным с оказанием поддержки беднеющим дворянам, стало открытие благотворительных учреждений. При этом эта помощь была основана как на корпоративной, так и на частной инициативе. В 1871 г. Казанское губернское очередное дворянское собрание рассмотрело отношение губернатора и копии с отношения хозяйственного департамента Министерства внутренних дел о том, что дворянка Е.И. Поспелова просит принять «от нее пустопорожнего места в Казани и капитала в 14700 рублей» с целью открытия в губернской столице приюта для бедных дворян [15, л.48]. В 1884 г. дочь умершей А.Н. Чемесовой баронесса А.Н. Жомини сделала пожертвование на постройку богадельни и церкви при ней [15, л.58], позже она же пожертвовала 35 тыс. руб. на устройство

убежища для дворянок [9, л.1]. 17 января 1887 г. к собранию обратился губернский предводитель А.Г. Осокин с просьбой принять от него 5 тыс. руб. в пользу неприкосновенного капитала Александро-Чемесовской дворянской женской богадельни, на процент с которого содержались бы в ней две беднейшие пансионерки. В зимнюю сессию 1890 г. был обсужден доклад казанского губернского предводителя о средствах, поступивших после смерти вдовы надворного советника К.И. Свешниковой, на строительство богадельни для дворянок. В том же году изъявила желание завещать свой дом под богадельню дворянка М.Е. Столбовская. И даже после открытия богаделен такие пожертвования продолжали поступать.

В результате в конце XIX – начале XX в. были открыты такие благотворительные заведения, как мужская дворянская богадельня имени А.И. Фон-Финк, рожденной Сокольской (1 ноября 1894 г.); женская дворянская богадельня имени Столбовской и Шляхтиных (30 июня 1903 г.); Александро-Чемесовская дворянская женская богадельня (1 октября 1886 г.); убежище для неизлечимо больных женщин при Александро-Чемесовской богадельне (25 ноября 1895 г.) и домовая церковь при ней. Вышеназванные учреждения для дворян были основаны на средства самих же дворян. Но дальнейшее содержание их лишь на разовых пожертвованиях было бы невозможно. Поэтому были найдены постоянные источники финансирования: «складки дворян», «запасные и иные капиталы Дворянского общества», «доходы от недвижимых имуществ», «правительственные земские или иные субсидии».

Согласно принятым уставам, вышеназванные учреждения предназначались для потомственных дворян, но нередко среди «призревавшихся» оказывались и личные. Например, к 1898 г. в трех богадельнях содержался 31 человек, один из которых был личным дворянином [19, с.63–64]. К 1915 г. в четырех богадельнях насчитывалось 56 пансионеров, 25 из них относились к личному дворянству. Наиболее состоятельные представительницы казанского дворянского общества делали пожертвования и в пользу нуждающихся из других социальных групп – в Александровскую больницу, дом призрения неимущих граждан г. Казани.

Открытие благотворительных учреждений и закрытых учебных заведений, содержание пансионеров в них давали поддержку ограниченному числу дворян и не могли улучшить благосостояние всего высшего сословия. Поэтому на дворянских собраниях обсуждались всевозможные способы экономической помощи дворянам. В частности, планировалось добиться установления более выгодных условий получения кредитов в Дворянском банке (с 1884 г.), изменения закона о выморочных имениях (с 1883 г.). Также на сессиях земского и дворянского собраний, Казанского экономического общества представители дворянской корпорации предлагали более глобальные проекты, призванные способствовать экономическому росту всей губернии. Среди таких мероприятий было соединение Казани с Москвой железной дорогой, проведение съездов сельских хозяев Казанской губернии.

Последствия неурожайных лет конца XIX в. заставили местных помещиков просить о материальном содействии. Этот вопрос они ставили на Всероссийских дворянских съездах и в земстве. Летом 1898 г. Казанское губернское земство постановило ходатайствовать перед министром финансов «об отпуске средств на покупку и немедленную доставку ржи и овса в Казанскую губернию для продажи по заготовительной цене местным землевладельцам и крестьянам» [11, л.9]. Дворянское общество поддержало данную идею и обратилось с аналогичным прошением в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, «считая эту меру единственной, могущей обеспечить обсеменение полей дворянского землевладения губернии» [11, л.9 об.]. Ответом на ходатайства стала телеграмма управляющего Дворянского банка о том, что «будет сделано все для него возможное, дабы облегчить положение заемщиков банка», он же обратился к начальнику Казанской губернии с прошением о «разрешении продажи за наличные деньги по заготовительной цене крестьянам и землевладельцам-дворянам хлеба» [11, л.10]. Тем не менее «эти меры оказались не вполне удовлетворяющими нужд дворянства» [11, л.10], потому что неразрешенной оставалась проблема задолженности перед банком. На Казанском губернском чрезвычайном дворянском собрании осенью 1898 г. дворянин А.Н. Островский предложил выйти на правительство с прошением о «разрешении... ссуд для приобретения яровых семян и производства текущих платежей по займам с тем, чтобы эти ссуды взыскивались с заемщика на тех же основаниях, как и дворянские сборы» [11, л.11 об.]. К.А. Юшков полагал, что следует просить об отсрочке платежей в Дворянском банке «с причислением их к капитальному долгу без увеличения годовых платежей и процентов, с продлением... срока погашения капитального долга» [11, л.11 об.]. Подобные мнения прозвучали от В.Д. Колбецкого и Н.Н. Галкина-Врасского. А Н.Д. Сазонов предложил просить о помощи в 1,5 млн руб. По результатам дискуссий члены собрания разработали ходатайство об отсрочке платежей и предоставлении краткосрочной ссуды [11, л.11 об., 13].

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что ухудшение материального благополучия помещиков в пореформенную эпоху побудило казанское дворянство подавать прошения на имя императора и министров. Тогда же в Казанском губернском дворянском собрании обсуждались меры корпоративной помощи «недостаточным» представителям высшего сословия. Вопрос осложнялся тем, что число нуждавшихся в денежном пособии было велико, а средств не хватало. Дворянские корпорации поднимали вопрос об организации специальных фондов при финансовой поддержке государства. На рубеже 80–90-х гг. XIX столетия в губерниях стали появляться кассы самопомощи [18, с.163]. В начале 1900-х гг. они действовали в пяти губерниях – в Московской, Орловской, Симбирской, Черниговской и Полтавской [16, с.1, 9], а к 1913 г. – в 7 регионах [17, с.6].

Дворянское общество Казанской губернии тоже занималось данным вопросом. В 1893 г. на дворянском съезде было принято предложение предводителя Спасского уезда А.Н. Булыгина об учреждении дополнительного сбора с движимых имуществ. Через 5 лет распоряжение капиталом взаимной помощи было передано в компетенцию дворянского депутатского собрания [16, с.13–14], а в мае 1902 г. был утвержден устав кассы самопомощи.

Наряду с этим некоторые дворяне организовывали частные заведения для помощи представителям низших сословий. В неурожайный 1891 г. на средства баронессы Иксуль в деревне Нижняя Серда (Русская Серда) Лаишевского уезда был открыт детский дневной приют на время страды. Распорядительницей учреждения стала сестра известного земского деятеля статского советника Николая Александровича Мельникова – Ольга Мельникова. Она пригласила в качестве нянек несколько пожилых крестьянок, которые присматривали за детьми, кормили их. Следующие два года приют содержался на деньги госпожи Гангардт [10, л.1–2].

В 1892 г., когда все деревни губернии были охвачены голодом, значение такого учреждения резко возросло. В поисках заработков главы семейств покидали местность, женщины также начинали трудиться на стороне: поденщицы уходили из дома с ранней зари и возвращались поздним вечером. В таких случаях малолетних оставляли дома на хилых, больных, пожилых, подростков. «Всмотревшись в их [крестьянскую] жизнь, – писала Ольга Мельникова в прошении к начальнику Казанской губернии, – я заметила, что во время страды, когда все взрослые на работе, дети, брошенные без присмотра, часто шалят с огнем и результатом иногда бывают пожары. Кроме того, – добавила дворянка, – грудные дети, оставленные на семи-восьмилетних девочек, нередко остаются голодными и от плохого присмотра умирают» [10, л.1].

Отметим, что статистика младенческой смертности среди мусульман была значительно меньше, чем у православного населения. Это объяснялось существовавшими традициями: татарки не работали в поле, а если и выходили туда, то забирали малышей с собой в особых тележках, так как по Корану кормление грудью должно было длиться до двухлетнего возраста. Русские женщины работали в страдную пору наряду с мужчинами, поэтому они оставляли грудничков дома. Отсюда высокая младенческая смертность среди православного населения. Вероятно, в Лаишевском уезде, где более половины жителей составляли русские, потребность в дневных приютах ощущалась особенно. Но были и другие случаи, когда мать избавлялась от ребенка. Общегубернская статистика преступности показывает, что типичными женскими преступлениями были детоубийство, подкидывание младенца [8].

Хозяйственная и демографическая ситуация в губернии начала 1890-х гг. способствовали сохранению появившихся детских приютов. В 1893 г. в заведении О.А. Мельниковой пребывало до двадцати малолетних

и до десятка грудных детей. Учитывая значение такого учреждения, Лаишевская земская уездная управа, после согласования с губернатором, определила денежное пособие на дальнейшее его содержание [10, л.1–2, 4–8]. Подобно Мельниковой, пожелала устроить приют в селе Никифоровка землевладелица Тетюшского уезда Е.Н. Сажина, урожденная Фигнер. Однако, ввиду ее революционного прошлого, завязалась переписка местных властей с Департаментом полиции Министерства внутренних дел с целью выяснения ее политической благонадежности. Удалось ли дворянке открыть ясли, неизвестно [12, л.1, 2, 4–4 об.].

Хотелось бы также отметить инициативы некоторых казанских дворян, которые задействовали свои должностные ресурсы в местном самоуправлении. Так, например, Николай Казем-Бек, занимая должность земского начальника в Лаишевском уезде, предложил земству организовать приют для крестьянских сирот, которые могли бы освоить рабочие профессии – швейные навыки для девочек и овладение столярным мастерством для мальчиков. И благодаря его инициативе в 1893 г. такой приют был открыт в селе Алексеевском. Примечательно, что в данном приюте все ребятишки при достижении определенного возраста начинали активно приобщаться к трудовой деятельности. Имелся огород у данного приюта, а в 1895 г. была приобретена чесальная машина на кредит, взятый Казем-Бекем в Государственном банке. Благодаря этому девочки данного приюта обрабатывали шерсть и изготавливали пряжу, сбывали ее либо на рынке, либо продавали постоянным заказчицам из числа местных крестьянок, а вырученные средства поступали в капитал, который уже выдавался на руки выпускницам, которые могли распоряжаться им по своему усмотрению. Мальчики, в свою очередь, выставляли на продажу изделия ремесла, поэтому такую простейшую мебель, как столы, стулья, можно было приобрести в приюте, а все вырученные средства также образовывали капитал, средства из которого шли на подъемные выпускникам.

Однако с уходом Казем-Бека с должности земского начальника в 1898 г. приют лишился не только руководителя, но и авторитетного покровителя, способного привлекать финансы. Более того, в начале XX в. землевладелец столкнулся с серьезными денежными трудностями. И дворянин уже не мог заниматься общественной работой. Начиная с 1916 г. в документах упоминания о приюте не встречается.

Таким образом, даже после отмены крепостного права, когда началась кризисная эпоха для дворянства, шла активная благотворительная деятельность.

Источники и литература

1. *Апухтин В.Р.* Казанское дворянское ополчение. Очерк и материалы о формировании, передвижении, военных действиях Казанско-Вятской военной силы и о пожертвованиях Казанского дворянства в Отечественную войну. М.: [б. и.], 1912. 68 с.
2. Вечернее эхо. 1906. №121.
3. Волжский вестник. 1904. №29.
4. Волжский листок. 1905. №95.
5. Волжский листок. 1905. №110.
6. Волжский вестник. 1906. №103.
7. Волжский курьер. 1907. №237.
8. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп.3. Д.2904.
9. ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.6814.
10. ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.9456.
11. ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10904.
12. ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1454.
13. ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1596.
14. ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6649.
15. ГА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.405.
16. Докладная записка дворянина Д.П. Арцыбашева по вопросу о реорганизации сословного учреждения взаимной помощи. Казань: тип. В.М. Ключникова, 1902. 28 с.
17. Журналы Казанского чрезвычайного губернского собрания дворянства [1913 г.]. Казань: [б. и.], 1913. 46 с.
18. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
19. Отчет казанского губернского предводителя дворянства по исполнению постановлений Очередного губернского дворянского собрания, бывшего в январе 1896 г. Казань: тип. и лит. А.А. Родионова, 1898. 66 с.
20. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанской первой гимназии за 1882–1883 гг. Казань, [б. и., б. г.]. 11 с.
21. *Панисьяк И.В.* Роль общественной помощи в обеспечении деятельности смоленского санитарного отряда в русско-японской войне 1904–1905 гг. / И.В. Панисьяк, А.Н. Шаров: [Электронный ресурс] URL: <http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-12-html/panisjak-2/panisjak.htm> (дата обращения: 24.02.2021).
22. *Соколов А.Р.* Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX в. // Вопросы истории. 2003. №7. С.96–112.

Charity of the nobles of Kazan province
in the middle of the 19th – early 20th centuries

Ye.V. Mironova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the philanthropic activity of the nobility of Kazan province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The main directions of charitable activity of representatives of the upper class, carried out through organizations and privately, are considered. The participation of nobles in societies that provided financial support to students of various classes is shown. Charity initiatives of nobles during military campaigns were studied. A separate plot is devoted to charity in favor of “insufficient” nobles. It is concluded that the difficulties of the post-reform period did not stop the landlords in providing assistance to representatives of all segments of the population, and also actualized the issues of organizing mutual support within the nobility.

Keywords: history, historical sciences, Kazan province, nobility, post-reform period, charity, almshouses.

For citation: Mironova Ye.V. Charity of the nobles of Kazan province in the middle of the 19th – early 20th centuries. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 55–63 (In Russian)

Информация об авторе:

Миронova Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Mironova Yelena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

«Многоуважаемые гостеприимцы»: благотворительность
профессоров Казанской духовной академии*

А.Ю. Михайлов

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена феномену благотворительности среди профессоров Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX в. В ней классифицированы и выделены подходы и направления в благотворительности: участие в работе благотворительных обществ, учреждение стипендий для поддержки бедных студентов, завещание денег (ренты) учебному заведению, поселение к себе в дом (для бесплатного проживания). Рассмотрено это на примере деятельности П.В. Знаменского, И.М. Покровского, А.В. Вадковского, С.А. Терновского и других профессоров Академии.

Ключевые слова: благотворительность, Казанская духовная академия, профессора, именные стипендии, благотворительные общества, П.В. Знаменский, И.М. Покровский, А.В. Вадковский, С.А. Терновский.

Для цитирования: Михайлов А.Ю. «Многоуважаемые гостеприимцы»: благотворительность профессоров Казанской духовной академии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 64–75.

«Многоуважаемыми гостеприимцами» назвал в своем письме супругам И.М. и В.И. Покровских студент Евгений Рождественский (1887–1937, в будущем – архиепископ Евсевий), отмечая факт бесплатного проживания группы студентов и земляков в доме Покровских, традиции, заложенной еще П.В. Знаменским, когда профессора предоставляли для проживания часть своего дома (флигели, первый этаж) нуждающимся в жилье студентам и своим друзьям – преподавателям казанских учебных заведений (духовная академия, семинария, университет) [15, с.116].

Безусловно, благотворительность профессоров Казанской духовной академии (далее – КазДА) была масштабнее: помимо указанной практики «предоставления жилья», она включала в себя участие в благотворительных обществах и личная благотворительность – завещание денег, ренты, учреждение именных стипендий, покупка земли для погребения и другие виды дарения.

---

* Автор выражает благодарность внучке профессора Ивана Михайловича Покровского (1865–1941) Ольге Викторовне Тропольской за ценные замечания в процессе обсуждения текста статьи.

Рассмотрим каждое из этих направлений. Одной из известных институционализированных форм благотворительности является создание благотворительных обществ и участие в их деятельности.

Так, П.В. Знаменский был одним из активных членов Казанского Общества трезвости, существовавшего в Казани с 1892 по 1917 г., в которое он вступил в 1904 г. Наиболее известными и активными членами этого Общества, вносившими значительные суммы на его содержание, также были профессора КазДА А.И. Александров, Н.Ф. Катанов (секретарь этого Общества), профессора Казанского университета Н.П. Загоскин, Л.О. Даркшевич, епископ Андрей (Ухтомский).

Благотворителями этого Общества и почетными членами его также были П.А. Столыпин, Иоанн Кронштадский, казанский губернатор А.С. Стрижевский и другие известные лица. Общество занималось оказанием помощи (материальной и моральной) нуждающимся членам. Оно содержало в Казани безалкогольные чайные, благотворительный ночлежный дом, библиотеку-читальню, приют для мальчиков – учащихся средних учебных заведений. Деятельность Общества была высоко оценена и в России, и за границей (на выставке в Турине ему была присуждена высшая награда) [13, с.140].

Многие профессора КазДА, как члены академической корпорации и прихожане академической церкви, состояли в «Обществе вспомоществования недостаточным своекоштным студентам» и в «Попечительстве при Михаило-Архангельской академической церкви».

«Общество вспомоществования недостаточным своекоштным студентам» возникло при Казанской академии еще в 1883 г. Председателем Общества всегда состоял ректор Академии. В правление Общества входили: товарищ председателя, казначей и секретарь, членами Совета состояли инспектор Академии и пять профессоров. Открытие Общества состоялось в день храмового праздника Академии 8 ноября 1883 г. Архиепископ Казанский и Свяжский Палладий (Раев) благословил это доброе начинание и положил краеугольный камень существованию Общества. Он первым внес взнос в размере 1000 руб. в фонд благотворительного общества. Вскоре последовали и другие крупные взносы. В состав Общества входили: почетные члены; пожизненные члены (лица, изъявившие желание быть таковыми, – это преимущественно преосвященные архиереи, известные благотворители, купцы и некоторые бывшие воспитанники Академии или состоящие в ней на службе, ежегодно жертвовавшие в фонд значительные суммы) и действительные члены (в основном все члены корпорации Академии, ежегодно вносившие членские взносы в размере 10-ти, 5-ти, а большей частью – 3-х руб.). Главной целью Общества была денежная и материальная помощь студентам, которые не были зачислены на казенное содержание, а также студенты, поставленные в иные условия жизни и обращавшиеся к Обществу с просьбой о помощи, – это лица, имевшие духовный сан. Последние пользовались частными стипендиями и жили на

квартирах, но, будучи семейными людьми, они обращались, как «недостаточные», за помощью в Общество, которое, принимая во внимание их труды по отправлению служб в академической церкви, по возможности помогало и им из своих средств. Также Совет Общества иногда помогал и казеннокоштным воспитанникам, нуждавшимся в средствах для проезда в лечебные места, кумысные заведения.

Профессор И.М. Покровский с начала своей службы вступил в Общество в качестве пожизненного члена. Прекрасно понимая нужды своекоштных студентов, к которым он относился в первые годы своей учебы в Академии, он считал своим долгом быть не просто действительным, а пожизненным членом Общества и по возможности вносить достойные суммы для успешной его деятельности.

Например, по сведениям отчетов о состоянии КазДА за 1903/1904 и 1904/1905 уч. гг., Общество в 1903/1904 уч. г. имело 126 членов разных наименований (в следующем 1904/1905 уч. г. – 120 членов). К 1 января 1904 г. сумма Общества состояла из 20511 руб. 48 коп. (на 1 января 1905 г. – 21996 руб.), кроме того, в кассе хранился капитал в 288 руб. 47 коп. (на 1 января 1905 г. – 517 руб. 45 коп.) для образования стипендии им. проф. П.В. Знаменского. На вспоможение студентам Общество израсходовало 1765 руб. 70 коп. (на 1 января 1905 г. – 1293 руб. 60 коп.). Наиболее крупные вклады в тот год поступили от покровителя Общества архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Ковальницкого) (300 руб.), бывшего покровителя Общества архиепископа Харьковского и Ахтырского Арсения (Брянцева) (300 руб.), проф. П.В. Знаменского (150 руб., в 1904–1905 гг. – 100 руб.) и протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадского) (100 руб., в 1904–1905 гг. – 100 руб.).

По сведениям отчета о состоянии КазДА за 1907 г., Общество имело 99 членов разных наименований. Капитал Общества составлял 22336 руб., кроме того, в кассе дополнительно хранился с 1903 г. капитал в 736 руб. 47 коп. для образования стипендии им. проф. П.В. Знаменского, получившийся от продажи его «Истории КазДА...» [3] и от пожертвований самого Петра Васильевича. В Отчете были указаны и «наиболее крупные пожертвования» за этот год, сделанные следующими лицами: архиепископом Холмским и Варшавским Никанором (100 руб.), протоиереем Иоанном Кронштадским (100 руб.), проф. П.В. Знаменским (100 руб.), преподавателем Тамбовской духовной семинарии А.А. Нечаевым (105 руб.), а также учителем духовного училища в г. Белый иеромонахом Иоанникием (Маловым) (100 руб.) и председателем Учебного комитета при Св. Синоде протоиереем Д.Н. Беликовым (50 руб.) [7].

Согласно отчету Общества за 1912 г., председателем Совета которого был епископ Чистопольский Анастасий (Александров), товарищем председателя – профессор П.В. Знаменский, неизменным членом – инспектор Академии архимандрит Гурий, в Обществе состояло 93 человека, из них 15 почетных членов (кроме покровителя Общества архиепископа Казан-

ского и Свяжского Иакова (Пятницкого), Первенствующего члена Св. Синода митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), других высокопреосвященнейших архиепископов, были два почетных члена КазДА – заслуженные профессора П.В. Знаменский и И.С. Бердников, а также казанский купец и предприниматель, известный своей благотворительностью, почетный блюститель по хозяйственной части КазДА Павел Васильевич Щетинкин). В отчете было отмечено, что «крупные пожертвования» в отчетном году из почетных членов Общества сделали следующие лица: давний, неизменный благодетель Общества архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений (500 руб.), покровитель Общества архиепископ Казанский и Свяжский Иаков (100 руб.), председатель Совета Общества епископ Чистопольский Анастасий (100 руб.), заслуженный ординарный профессор Петр Васильевич Знаменский, снова пожертвовавший 100 руб. в добавление к суммам, получаемым от продажи его же «Истории Академии...», для образования второй стипендии его имени. В числе 39 пожизненных членов (вносивших «наиболее крупные пожертвования»), кроме архиепископов российских, известных протоиереев, казанских купцов – благотворителей и частных лиц, было 7 представителей академической корпорации, это: почетные члены Академии – ее заслуженные профессора, ординарные профессора, внесшие в отчетном году заметные суммы: А.А. Царевский (214 руб.), Н.П. Виноградов (133 руб.), С.А. Терновский (123 руб.), И.М. Покровский (103 руб.), Н.И. Ивановский (100 руб.), В.А. Керенский, а также всегдашний благодетель секретарь Совета Академии А.А. Нечаев (105 руб.). Среди 39 действительных членов, сделавших обыкновенный взнос (3–5–10 руб.), было 35 членов академической корпорации, в том числе и вдова профессора Академии – О.И. Попова. В отчете было отмечено, что из действительных членов Общества сделали «щедрый взнос» архиепископ Ставропольский Агафодор (Преображенский) (41 руб. 61 коп.) и законоучитель Реального училища г. Феодосии священник Петр Маккавеев (50 руб.). В результате в отчетном году многие (не только академические лица) своими трудами и пожертвованиями, так или иначе, содействовали успешной работе Общества и дали возможность получить пособия 54 студентам, из них – 3 священникам, 2 иеродиаконам и 1 диакону. Диапазон размера пособий был очень широкий (от 70 руб. (2 чел.), 60 руб. (2 чел.), 45 руб. (1 чел.), 35 руб. (1 чел.), 30 руб. (5 чел.) до 3 руб. (2 чел.) и даже 2 руб. (1 чел.)), в зависимости от целей, на которые они выделялись [8].

В 1914/1915 уч. г. число членов Общества резко возросло (более чем в 3 раза по сравнению с 1911/1912 уч. г.), их стало 322 члена разных наименований. К 1 января 1915 г. сумма Общества составляла 28409 руб. 21 коп. Кроме того, в кассе Общества были суммы, имеющие специальное назначение, – для образования стипендий: капитал имени П.В. Знаменского процентными бумагами 2500 руб. и наличными 17 руб. 47 коп. Заметим, что только за время с января по июнь 1915 г. его капитал возрос до пяти с лиш-

ним тысяч, ввиду чего за счет этого была учреждена стипендия с передачей 5000 руб. в ведение Правления Академии, излишки же сверх 5000 руб. оставались в кассе Общества для образования новой (второй) стипендии. Кроме этого капитала, существовало еще два студенческих капитала – XLI и LIII курсов Академии (соответственно: 150 руб. процентными бумагами и 6 руб. 72 коп. наличными деньгами и 300 руб. процентными бумагами и 9 руб. 55 коп. – наличными деньгами). На вспоможение студентам Общество израсходовало в тот год 2044 руб. 31 коп. Большое пожертвование Совету Академии сделал 4 марта 1915 г. епископ Самарский и Ставропольский Михаил (Богданов), приславший 500 руб. в облигациях. Этим деньгам Совет дал такое назначение: 100 руб. – на Академическую церковь, 100 руб. – в Михаило-Архангельское попечительство при Академии и 300 руб. – в Общество вспомоществования недостаточным студентам Академии с тем, чтобы 100 руб. были присоединены к общему капиталу Общества, 100 руб. – к стипендиальному капиталу имени П.В. Знаменского и 100 руб. – к капиталу имени студентов 41 курса Академии [9].

По инициативе и благословению архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Симбикина) с 15 марта 1904 г. при КазДА образовалось благотворительное общество под названием «Попечительство при Михаило-Архангельской церкви Казанской духовной Академии для вспомоществования всем служащим и служившим в Академии». Для немедленного открытия благотворительной деятельности Попечительства архиепископ Казанский Димитрий внес в кассу попечительства 2000 руб. (с надеждой, что учреждаемое Попечительство встретит в себе «живейшее сочувствие в сердцах бывших питомцев Академии»), из которых половина была обращена в неприкосновенный капитал, а другая – в капитал расходный. Члены академической корпорации сделали в кассу Попечительства свои взносы, впоследствии членами Попечительства также состояли, за очень немногими исключениями, только члены академической корпорации. Попечительство при Михаило-Архангельской церкви существовало под покровительством архиепископа Казанского и Свияжского Иакова, председателем его был ректор Академии, а Совет Попечительства состоял из трех человек – инспектора и двух профессоров Академии – И.М. Покровского и П.П. Пономарева. Ввиду того, что выдача взаимообразных пособий из Попечительства и возврат их были поставлены в наиболее легкие условия, Попечительство начало функционировать тотчас после своего открытия, и в тот же год были выданы пособия 14 лицам, а уже за короткое время своего существования оно успело оказать немало пособий. Известно, что за отчетный 1904/1905 уч. г. было выдано 45 пособий на сумму 3450 руб. 34 коп., с августа 1906 г. по август 1907 г. было выдано ссуд служащим в Академии на сумму 3736 руб. К 15 августа 1915 г. Попечительство имело 2400 руб. в процентных бумагах неприкосновенного капитала и до 700 руб. расходного капитала, который обычно всегда оказывался в долгах, переходя из рук в руки академической корпорации, в качестве мелких

краткосрочных ссуд Попечительства. Попечительство, даже при тех незначительных средствах, какими оно располагало, оказывалось, как и было задумано, весьма благодетельным, благотворительным учреждением Академии [10].

В годы Первой мировой войны находящийся на пенсии профессор церковного права И.С. Бердников (1839–1915) принимал участие в работе Казанского отдела «Комитета по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским и сербским и их семьям, а также и семьям убитых воинов» под покровительством великой княгини Мелицы Николаевны (1866–1951) [4, с.11; 5, с.73].

Помимо самих профессоров, в благотворительности участвовали и их жены. Показателен пример жены И.М. Покровского. Вера Игнатьевна Покровская (1880–1964) была активным членом Дамского Академического кружка, состоявшего в основном из жен личного состава служащих Академии. Когда в 1914 г. в здании КазДА был устроен небольшой лазарет для больных и раненых воинов, она вместе с другими дамами заготавливала перевязочный материал, посуду, шила дома постельное и носильное белье, организовывала сбор пожертвований на нужды лазарета деньгами и вещами. Денежные пожертвования поступали от профессоров, преподавателей и их жен, студентов и даже от детей сотрудников. Так, пятилетняя дочка Покровских – Зиночка, узнав от мамы о сборе денег для раненых, за которыми она ухаживала, с радостью отнесла «скопленные» ею 3 руб. [15, с.204].

Тесно связанной с деятельностью благотворительных обществ (одним из их направлений) была практика учреждения именных стипендий для бедных студентов.

В 1903 г. профессор П.В. Знаменский (не имевший детей, а значит, вопрос прямого наследования отпадал) положил в банк капитал в размере 736 руб. 47 коп., вырученный от продажи его «Истории КазДА...» и от дополнительных пожертвований самого Петра Васильевича для образования стипендии им. профессора П.В. Знаменского. В своем завещании от 1907 г. он сделал следующее распоряжение о своем имуществе: «Недвижимое имущество мое, заключающееся в дворовом месте с деревянным домом и двумя флигелями и другими постройками, состоящее в 3 ч. г. Казани по Старо-Камиссар. ул. (ныне – ул. В. Маяковского – А.М.), завещаю в собственность Казанской духовной академии с тем, чтобы доходы от этого имущества или, если это имущество будет продано, то с капитала, вырученного от этой продажи, употреблены были в равных долях: а) на усиление фонда академической редакции, библиотеку и другие ученые и учебные надобности Академии и б) на пособие бедным студентам Академии в стипендиальной и другой какой форме, как найдет лучшим, по требованиям обстоятельств академическая администрация» [11, с.26, 27]. Параллельно с этим он озаботился судьбой своей библиотеки и интеллектуальной собственности своих трудов: «Ей же Академии, предоставляю все права собственности на мои печатные издания... Из движимого имуще-

ства мою библиотеку, не имеющую особой ценности, так как лучшие и более ценные книги я роздал лично еще при жизни, завещаю раздать по учебным заведениям» [12, с.42].

При содействии членов «Общества вспомоществования недостаточным своекоштным студентам» в 1915 г. было учреждено еще четыре стипендии:

1) стипендия им. профессора Николая Ивановича Ильминского за счет капитала, собранного его учениками и почитателями. Она назначалась одному из лучших по успехам в миссионерских предметах студентов татарской группы миссионерского отделения Академии;

2) стипендия им. Преосвященного Владимира (Благодарумова) за счет завещанных им Академией 8000 руб. Она назначалась лучшему по успехам в науках, отличному по поведению, примерному в трудолюбии и происходящему из духовного звания;

3) стипендия им. профессора Николая Ивановича Ивановского за счет 6000 руб. в процентных бумагах, приобретенных на пожертвования архиепископа Казанского и Свяжского Иакова (Пятницкого) и других епархиальных и викарных архиереев, корпораций КазДА и других учебных заведений духовного ведомства, миссионеров, членов семьи, учеников, друзей и почитателей почившего профессора-миссионера. Стипендия предназначалась студенту, перешедшему на четвертый курс, с обязательством со стороны последнего писать курсовое сочинение на тему по истории и обличению русского раскола старообрядчества или по истории и обличению русского сектантства. Причем, когда стипендия достигнет 8000 руб., требования к студенту, желающему пользоваться этой стипендией, будут повышены;

4) еще одна стипендия, вторая им. Петра Васильевича Знаменского (дело в том, что в КазДА существовало две стипендии лучшим студентам им. П.В. Знаменского), называвшаяся «имени историографа Академии проф. Петра Васильевича Знаменского» за счет капитала (5000 руб. в процентных бумагах), образовавшегося при Обществе вспомоществования недостаточным студентам Академии от продажи экземпляров «Истории академии», пожертвований самого профессора П. В. Знаменского и его почитателей, учеников и друзей. Эта стипендия официально назначалась «доподлинно бедному своекоштному студенту Академии отличного поведения и очень хороших успехов» (или, как полушутя, в приватной беседе Петр Васильевич говорил своему другу и душеприказчику Ивану Михайловичу: «второму Ивану Покровскому»)¹ [10].

Еще одна стипендия им. профессора Сергея Алексеевича Терновского была учреждена в КазДА незадолго до смерти Сергея Алексеевича (в конце 1915 г.). Совет Академии отдал на это дело все имеющиеся на складе экземпляры «Исторической записки о состоянии духовной академии после

---

¹ Устные воспоминания О.В. Троепольской.

ее преобразования в 1870–1892 гг.» [12]. Начали поступать пожертвования от членов академической корпорации и питомцев Академии, проживавших вне Казани. Значительную лепту внес как всегда отзывчивый на добрые начинания проф. П.В. Знаменский. Когда секретарь правления Академии сообщил С.А. Терновскому о ходе этого мероприятия, тот ответил: «Вот у меня в банке есть две ренты по 1000 рублей каждая, получите их. Одна будет Вам, другая – им», – и показал на свою семью. Все это, по словам Нечаева, «было сделано так просто, естественно, как делается продуманное, пережитое, давно желанное» [15, с.144; 1].

Личная благотворительность профессоров КазДА имела и другие формы – завещание денежной ренты, покупка земли, другие виды дарения.

П.В. Знаменский в 1913 г. на юбилее Казанского Епархиального женского училища (далее – КЕЖУ) пожертвовал в «Попечительство о бедных воспитанницах...» «сторублевую ренту в основание юбилейного капитала имени первой начальницы Епархиального женского училища А.С. Федоровой!» [2, с.58]. И позднее Петр Васильевич через своего душеприказчика И.М. Покровского ежегодно жертвовал в Попечительство при Богородице-Рождественской церкви КЕЖУ на содержание в училищном общежитии бедных воспитанниц по 100 руб. Самая крупная жертва (100 руб.) поступила от действительного статского советника П.В. Знаменского [6, с.365].

Вот как описывает отношение к благотворительности П.В. Знаменского его ученик И.М. Покровский в некрологе: «Ты был слишком скромнен и не делал добра на показ. Мне известно, как ты, узнавши, что один из академических ординарных профессоров скончался, оставив совершенно не обеспеченную семью и 12 руб. денег на “все”, сразу послал семье покойного сто рублей с просьбой не говорить от кого [...] Таких случаев мне, как самому близкому к тебе человеку, известно много. Ты благотворил всем и всюду. Мне не известно ни одного благотворительного и просветительного учреждения по духовному ведомству, на нужды которых ты не отозвался в числе первых. Ты мог быть богачом, но умираешь бедняком. В последнее время, получая только профессорскую пенсию, ты начинал даже нуждаться при самом скромном образе жизни. Не желая быть бременем для других, ты, как добрый христианин, оставил себе небольшую сумму только на погребение, поминовение и на памятник. Все свое состояние ты при жизни раздал нуждающимся – безразлично родным и чужим, особенно на учащих и в благотворительные учреждения. Ты щедрой рукой давал средства родным, молодым людям и девицам, желающим получить среднее и высшее образование» [12, с.46–47].

Бывший инспектор Академии архимандрит Антоний (Вадковский), покинувший КазДА в 1885 г., в 1886 г. пожертвовал в академическую церковь «очень ценную икону Божьей Матери Скоропослушницы, писанную на золотом чеканном фоне, вышиною 1 ар. 2 вершка, шириною 14 вершков, и полное священническое облачение, в котором все части устроены из

темно-малинового трипа, кроме подризника, который устроен из светло-голубой шелковой материи» [14, с.168].

Уезжая из Казани после масштабной трагедии в жизни (у него умерли жена и дети), он купил участок земли на Арском кладбище для погребения в будущем в одном месте почивших студентов – «на средства, данные о. инспектором, студентами академии, согласно его желанию, куплен один участок земли на Арском кладбище для погребения в будущее время в одном месте почивших студентов» (в то время смертность среди студенчества была очень высокой). К сожалению, это место не сохранилось, так же как и не сохранились захоронения членов его семьи [14, с.345].

Интересной формой благотворительности и взаимодействия между благотворителем и реципиентом является предоставление безвозмездно для проживания недостаточным студентам и знакомым преподавателям на неопределенный срок частей (этажей) своих домов некоторыми профессорами КазДА – П.В. Знаменским и И.М. Покровским.

В некрологе Петра Васильевича его ученик по науке и в жизни И.М. Покровский писал: «Ты, добрый и ласковый хозяин, владея домами, не считал их статьей своего дохода. Свой домик ты устроил для удобства профессорской службы и ученой деятельности в тихой половине усадьбы, а два домика-флигеля всегда были у тебя полублаготворительными учреждениями. [...] Большую часть твоей усадьбы с давних пор называют профессорским уголком. Твой дом и один из флигелей – в буквальном смысле профессорские квартиры. Тут издавна жили и живут академические и университетские профессора (В.А. Снегирев, А.К. Волков, А.И. Смирнов – все философы, ныне – профессор Н.В. Петров²), ты умел благотворить всем всеми доступными тебе способами. [...] Ты любил свою Академию с ее профессорами и студентами. Даже самый последний служитель в ней не чужд был твоих забот в тяжелые минуты душевной скорби и материальной нужды» [12, с.46].

По примеру П.В. Знаменского первый этаж дома И.М. Покровского был целиком занят его земляками – бедными студентами, а также друзьями по Академии. Действительно, совершенно безвозмездно, как лучшие друзья и родные, жили в доме Покровских секретарь Совета и Правления Академии А.А. Нечаев с супругой, помощник Секретаря студент А.М. Кедрин и др. Одним из «долгожителей» дома был друг Покровских – профессор Академии А.В. Попов с супругой – Ольгой Ивановной (дочерью профессора Академии И.Я. Порфирьева) – и детьми. Поповы были очень доброжелательные и веселые люди. Дома они часто устраивали «домашний театр»,

---

² Снегирев В.А. (скончался в 1889 г.), Волков А.К. (скончался в 1902 г.), Смирнов А.И. (скончался в 1902 г.). Позже в доме П.В. Знаменского жил профессор Будрин Е.А. с семьей (скончался в 1919 г.). Вместе со Знаменскими одной семьей жила бывшая коллега А.М. Знаменской и большой друг их семьи – Завьялова Л.Г. (скончалась в 1904 г.) – данные предоставлены О.В. Тропольской.

проводили литературные вечера, на которые приглашали семьи сослуживцев. Особенно торжественно в доме Покровского отмечались все православные праздники. Традицией в эти дни и в дни рождения детей было чаепитие земляков-тамбовцев – студентов Академии, для чего даже специально был куплен ведерный самовар «яйцо». Под Новый год священники из Академии обязательно служили в доме молебен, в доме устраивались новогодние елки для детей сослуживцев. В гостеприимном доме часто собирались друзья Ивана Михайловича по Академии и семинарии с семьями. А радушная хозяйка всегда была рада принять гостей. Крестьяне из окрестных деревень Шали, Кабаны, Починки, Б. Алдермыш, Тагашево, в основном бывшие строители дома и их родственники, приезжавшие на рынок, расположенный вблизи от дома, знали, что у Покровских всегда найдут не только приют, ночлег, но и совет, помощь в составлении необходимых документов. Они оставляли на ночь свои санки и товар во дворе, а он приглашал их домой пить чай и петь песни.

Иван Михайлович уважал людей независимо от их образования, положения, национальности, и они платили ему той же монетой. Няню своих дочек, бедную добрую девушку из Козьмодемьянского уезда Юлю Кузнецову, оказавшуюся очень способной, он выучил грамоте, потом она окончила педагогическое училище и стала учительницей в Козьмодемьянске, но никогда не забывала Казань, до самой смерти часто приезжала к Покровским, вспоминая, что сделали они для нее, а дети Покровских, которые были так привязаны к ней, будучи уже взрослыми, слушались ее советов [15, с.197].

Традиции благотворительности сохранились и после революции. В доме Покровских, по словам внучки И.М. Покровского О.В. Троепольской, «по приглашению Ивана Михайловича жили одной семьей иногородние подруги – однокурсницы его старшей дочери Татьяны по медицинскому факультету Университета – милейшие девочки Галя Ляпунова, Маша и Катя Крылова, Тамара Халтурина, Ксюша Маянская. Дружба с К.А. Маянской (в будущем – известным казанским терапевтом и рентгенологом, профессором, зав. кафедрой Казанского государственного медицинского института в 1963–1970 гг., заслуженным врачом ТАССР) сохранялась многие годы» [15, с.203]. В одном из писем, через два года после ее отъезда из Казани по распределению в район, она, с ностальгией вспоминала годы, проведенные в гостеприимном доме Покровских: «...Так была рада Вашему письму, повеяло чем-то хорошим, от этого и захотелось к Вам, в нашу уютную комнатку, на терраску, где мы провели вместе столько хороших часов. Помните, как я стремилась уехать из Казани, как считала часы до отъезда, а теперь с таким удовольствием вернула бы хоть частичку прежнего, ту, которая относилась к времени, проведенному в Вашей милой семье. [...] Я так ясно представляю себе нашу жизнь, спокойную, ровную, уютные вечерние чаепития, Зиночкину игру на пианино, Ивана Михайловича, всегда озабоченного какими-нибудь домашними де-

лами, Петю, углубленного в свою энциклопедию, и так больно стало, что это так далеко от меня и кто знает, будет ли когда близко...» [15, с.203].

В целом можно отметить, что благотворительная деятельность профессоров КазДА была разнообразной. Ее смысл – это христианское понимание благотворительности как добровольной помощи менее обеспеченному ближнему, мотивация – искренне, от чистого, доброго сердца улучшить земное состояние твоего «собрата во Христе». Главное ее измерение – это корпоративный характер. По сути, она представляла собой взаимодействие более и менее обеспеченных людей в среде высшего (духовного) образования (подселения в дома профессоров, именные стипендии). Часть благотворительных инициатив была институционализирована, часть носила личный (мемориальный для А.Вадковского) и единичный характер (покупка земли для погребения, дарение иконы). Стипендии имени заслуженных (часто уже усопших) профессоров и выпускников Академии помогали бедным (своекоштным) студентам поддерживать минимальный уровень дохода и продолжать научные изыскания, а совместное проживание хозяев и гостей – усиливало корпоративный дух учебного заведения.

Источники и литература

1. [Нечаева А.А.] Речь, сказанная при гробе С.А. Терновского на шестой песне канона, перед пением «Со святыми упокой...» // [1848–1916: Некролог]. Казань: Центр. тип., 1916. 10 с.
2. *Владимирский Н.* 1863–1913. Пятидесятилетний юбилей Афанасия Стратониковны Федоровой, начальницы Епархиального Казанского женского училища. Казань: Центр. тип., 1913. 58 с.
3. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования. 1842–1870. Вып. 1–3. Казань, 1891–1892.
4. *Лалин П.Д.* И.С. Бердников (некролог) // Православный собеседник. 1915. Ч.III. С.1–16.
5. *Михайлов А.Ю.* «Канонист с горением Илииним...»: жизненный и творческий путь профессора Ильи Степановича Бердникова (1839–1915). Казань: ИСБ, 2021. 260 с.
6. Отчет о состоянии Казанского Женского Епархиального Училища за 1915–1916 гг. // Известия по Казанской епархии. 1917. №23–24. С.357–368.
7. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Казань, 1907. 54 с.
8. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1911–1912 учебный год. Казань, 1912. 63 с.
9. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1914–1915 учебный год. Казань, 1915. 72 с.
10. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1915–1916 учебный год. Казань, 1916. 70 с.
11. *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный Собеседник. 1917. Март – май. С.1–46.

12. *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского. // Православный Собеседник. №2 (05) май. 2017. С.28–57.
13. Татарская энциклопедия: в 6 т.: Т.3 [К–Л]. Казань, 2006.
14. *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной Академии после ее преобразования 1870–1892. Казань: тип. Имп. ун-та, 1892. 652, VI с.
15. *Федоров С.С.* Село Раево Ивана Покровского. Историко-генеалогические очерки. М., 2016. 464 с.

“Dear hosts”: charity of professors of the Kazan Theological Academy

A. Yu. Mikhailov
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

The article is devoted to the phenomenon of charity among professors of the Kazan Ecclesiastical Academy in the second half of the 19th and early 20th centuries. Approaches and directions in charity are classified, highlighted: participation in the work of charitable societies, the establishment of scholarships to support poor students, bequeathing money (rent) to an educational institution, settling in your house (for free living). This is considered on the example of the activities of P.V. Znamensky, I.M. Pokrovsky, A.V. Vadkovsky, S.A. Ternovsky and other professors of the Academy of Sciences.

Keywords: charity, Kazan Ecclesiastical Academy, professors, personal scholarships, charitable societies, P.V. Znamensky, I.M. Pokrovsky, A.V. Vadkovsky, S.A. Ternovsky.

For citation: Mikhailov A.Yu. “Dear hosts”: charity of professors of the Kazan Theological Academy. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 64–75 (In Russian)

Информация об авторе:

Михайлов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); e-mail: arunion@mail.ru

Mikhailov Andrey Yurievich – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Благотворительные инициативы казанского купечества
и их реализация в XIX в.

Л.М. Свердлова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В рамках России XIX в. говорить о доступе всех сословий, кроме дворянства, к власти не представляется возможным, в силу отсутствия в стране в тот период политических прав и свобод. Тем не менее, единственной областью, где граждане могли реализовывать свое право на управление, были местные органы самоуправления, в рамках которых городские сословия проявляли свои социальные и гражданские инициативы. Выдвижение социально значимых инициатив является одним из проявлений социальной активности, а реализация благотворительных инициатив – показателем социальной зрелости купеческого сословия административного центра Казанской губернии.

Ключевые слова: благотворительность, купечество, социальная активность купечества, социально значимые инициативы, благотворительные акции.

Для цитирования: Свердлова Л.М. Благотворительные инициативы казанского купечества и их реализация в XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 76–85.

Благотворительные инициативы относятся к гражданским инициативам – «форме легальной, ограниченной во времени деятельности, спонтанной коллективной самоорганизации граждан для взаимопомощи или защиты своих интересов от ущемляющих их решений властей и администрации в политической и экономической областях» [39, с.71].

Различного рода благотворительные акции, как-то: сбор по подписке пожертвований на различные нужды (в помощь голодающим, погорельцам, пострадавшим во время эпидемий холеры, тифа и чумы, «сырым и убогим»), составление коллективного городского капитала на открытие богаделен, детских приютов, больниц и других учреждений, являясь формами гражданской инициативы, отражают нравственный долг, обязательства, накладываемые совестью человека.

В условиях российской действительности XIX в. именно купечество стало тем средним классом, который стабилизировал жизнь в стране. Купечество – это устойчивая совокупность людей, занимающихся предпринимательством, главным образом в области торговли, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения. Оно сложилось в условиях феодального общества и, санкционированное государством, действовало в России до Октября 1917 г. Это полупривилегированное сословие, занимавшее третью ступень в рамках российского иерархического общества.

Оно пропустило вперед дворянство и духовенство, но стояло выше мещанства (ремесленников, мелких торговцев и владельцев городской недвижимости) и крестьянства. Купцы получили право, чтобы к ним, а также к их женам почтительно обращались: «Ваше («его» или «её», «их») степенство». Капитал, вложенный в экономику, образование, культуру, организаторская и общественная деятельность так называемого третьего сословия подвели общество к новому уровню благосостояния.

Изучение благотворительных инициатив казанского купечества позволяет: 1) углубить характеристику купеческого сословия или его отдельных социально активных групп, действовавших в условиях российской провинции; 2) дать количественную и качественную характеристику сословной социальной активности; 3) выявить форму проявления этой активности.

Стадиями продвижения инициатив, выдвинутых казанским купечеством, являются: 1) их выдвижение; 2) утверждение выдвинутой идеи в среде казанского купечества и превращение ее в сословную социально значимую цель; 3) продвижение идеи через структуры, как местных, так и центральных органов власти; 4) работа по внедрению идеи в практику.

В зависимости от стадии продвижения благотворительной инициативы в качестве субъекта могли выступать как отдельные представители казанского купечества, так и социальные группы, выражающие интересы определенных слоев предпринимателей. Поэтому одной из задач является проблема выявления социально активной (референтной) группы в среде казанского купечества и оценка ее деятельности на всех этапах реализации инициативы. А это, в свою очередь, позволяет выделить, вплоть до полного списка, общественно значимых лидеров в среде казанского купечества.

Анализ действий в рамках общественной инициативы дает возможность определить и социально пассивные слои купечества, чья установка была направлена на пассивное принятие воли большинства. Выдвинем гипотезу, что социальная пассивность характерна для маргинальных слоев купечества, вчерашних крестьян и мещан, уже выпавших из прежних социальных структур, но еще не закрепившихся в новой для них сословной организации.

Рассмотрим некоторые благотворительные инициативы, выдвинутые и реализованные казанским купечеством в рамках исследуемого периода.

Первая попытка создать на частные пожертвования богадельню, сведения о которой нам известны, относится к 20-м гг. XVIII в. Казанский первоустатейный купец И.А. Михляев завещал на открытие богадельни «двор, на котором живет священник Иван... и каменные палаты». Однако и через шесть лет после смерти купца, согласно жалобе притча Петропавловской церкви, при которой и должна была открыться богадельня, наследники – жена Ивана Михляева и ее брат Афонасий Дряблов – это имущество не передали. Началась тяжба, но выплаченные наследниками деньги, вопреки воле покойного, израсходовали на строительство здания семинарии.

Вторую попытку следует отнести к 1830–40-м гг. В 1834 г. в Казани объявили подписку на устройство богадельного дома для содержания в нем граждан, «не имевших никакого пристанища и пропитания». На призыв о пожертвовании откликнулись купцы и промышленники. В 1838 г. собранная сумма составила 98800 руб., из них более 50 тыс. руб. внес купец Н.О. Чижов, 7 тыс. руб. – купец М.С. Верин, по 5 тыс. руб. – купцы Л.С. Крупеников и В.А. Савинов и др. [9].

На собранные деньги купили и отремонтировали, приспособив под богадельню, дом разорившегося купца В.В. Евреинова на Воскресенской улице. Пожар 1842 г. уничтожил созданное. То, что осталось от дома, купил купец О.К. Месетников за 25167 руб. серебром, сумму в несколько раз превышавшую стоимость сгоревшего дома. Деньги отослали в Приказ общественного призрения для приращения капитала по процентам. Через шесть лет он составил 30774 руб. и лег в основу первого в Казани банка. В этом банке и лежал капитал на богадельню, прирастая процентами [10].

1 апреля 1848 г. в доме, пожертвованном купцом Василием Михайловичем Ложкиным и расположенном на Черноозерской улице, открыли богадельню. Позднее купили за 18 тыс. руб. дом Грабовского, находившийся рядом с богадельней. В 1883 г. по завещанию купца Ф.Е. Постникова благотворительному заведению отошел выстроенный здесь же дом [3; 6, л.591, 594; 9], и комплекс зданий Ложкинской богадельни занял значительную площадь на левой стороне Воздвиженской улицы.

За 25 лет на содержание богадельни ушло 187036 руб. За эти годы поступило пожертвований и причислено по билетам, принадлежавшим богадельне, 220544 руб. Через полвека, в 1898 г., капитал вырос до 1200000 руб., из них частные лица внесли 213146 руб., а отчисления по решению купеческого общества полпроцента с суммы учета векселей равнялись 101585 руб. [9; 21; 24].

Среди попечителей Дома призрения, а ими в разное время были купцы М.С. Верин, Н.О. Чижов, Е.С. Савватеев, К.Я. Калинин, И.В. Галкин и другие, без сомнения, самой яркой личностью являлся Афонасий Матвеевич Музуров, рыботорговец, владелец бондарной мастерской, строительный подрядчик.

На заседаниях Городской думы при утверждении сметы богадельни он требуемую сумму «выбивал с боем, никому не давал сказать и слова, на него не действовала логика, и перекричать его было невозможно. Он дрался за каждую статью расхода так яростно, что ему просто переставали возражать». И А.М. Музуров получал максимум того, что могла дать городская казна. Тогда приют отличался чистотой и порядком. Но если бы не постоянные пожертвования купцов деньгами, продуктами, одеждой и проч., которые правдами и неправдами выбивал попечитель, едва ли бы удалось сводить концы с концами.

В год открытия в богадельне проживало 43 человека, вскоре их число увеличилось до 80. В 1871 г. Дом призрения принял около 200 человек, и

37 пенсионерок получали пособие от богадельни. В 1887 г. стариков и старух, калек и больных здесь проживало около 500 [2; 12; 14].

Каждый гражданин мог поместить в Ложкинскую богадельню любое число неимущих, выплачивая на содержание каждого по 50 руб. за год вперед. Например, купец П.О. Месетников в начале 70-х гг. содержал 14 человек. За первые 50 лет в богадельне получили содержание и кров 2258 казанцев.

Во второй половине XIX в. в Казани открывались частные богадельни: «Богадельня Сергея и Евдокии Павловых и дочери их Екатерины Прибытковой», «Богадельня потомственного почетного гражданина И.С. Кривоносова», «Городская богадельня имени господ Крупениковых».

С конца 30-х гг. XIX в. в России на частные пожертвования и общественные средства начали открываться детские приюты, входившие в Ведомство учреждений императрицы Марии и подчинявшиеся Главному попечительству детских приютов, которое имело свои отделения в губернских городах. На две трети расходы на содержание приютов обеспечивались за счет средств Губернского попечительства и одну треть составляли частные пожертвования.

В Казани отделение Главного попечительства детских приютов начало действовать с 23 декабря 1843 г. Его председателем, согласно Положению о приютах, стал губернатор, постоянным почетным членом – архиепископ Казанский и Свияжский, действительными членами – губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами и городской голова. Почетными членами избирались лица, много жертвовавшие и активно работавшие в пользу сирот. В разное время ими были купцы И.С. Кривоносов, Ибрагим и Исхак Юнусовы, В.Ф. Булыгин, Андрей Банк, Я.С. Смоленцев, Ф.Х. Грахе и др.

Детские приюты содержались либо на Высочайше пожалованный и централизованно распределяемый ссудно-благотворительный капитал, либо на средства благотворителей, либо на уплату родителей, родственников и опекунов, вносимую на содержание детей. Но независимо от главного источника финансирования, благополучие приюта зависело от размеров денежных пожертвований, от объема переданной помощи (продуктов, одежды, предметов обихода), от взносов попечителей и почетных старшин приютов, на чьи средства ремонтировали здания, обновляли мебель, утварь, посуду, белье, одежду воспитанников и т.д. Вот почему на эти должности старались назначать купцов – щедрых филантропов. Уклад внутренней жизни устанавливался советом каждого из приютов и губернским отделением Главного попечительства.

В Казани в середине XIX в. работали Николаевский, Александринский и Юнусовский детские приюты, в которых на постоянном и полном содержании «призывали круглых сирот и таких, родители которых не имели средств для их воспитания и обучения». В приюты принимались дети от 3 до 12 лет, лишь в исключительных случаях, когда мальчики и

девочки содержались отдельно (Александринский и Юнусовский приюты), разрешалось оставлять их до 14 лет, а в конце XIX в. – до 16–17 лет.

В первые годы после открытия приютов дети получали образование в объеме одноклассного сельского училища. Девочки учились готовить, убирать, стирать, работать в саду, мальчики – ремеслам и полевым работам. Согласно Положению о приютах, утвержденному 18 июля 1891 г., учебный курс, преподаваемый сиротам, приравнивался к трехклассному училищу. При выходе из приюта подросткам выдавали пособие, одежду, они поступали в услужение в дома или пристраивались в мастерские, и первые их шаги в самостоятельной жизни проходили под покровительством Главного попечительства детских приютов, что, впрочем, мало защищало их от житейских невзгод.

Действовали приюты, открывавшиеся при монастырях. Так, при Казанском женском Богородицком монастыре существовало воспитательное учреждение на 200 сирот, дочерей священников в возрасте до 16 лет. Вот как описывал его А. Гакстгаузен, побывавший здесь в 60-е гг. XIX столетия и «прошедший некоторые залы монастыря». В одном из них детей от 6 до 10 лет обучали чтению, письму и Закону Божию, в другом – подростки учились шить, вышивать. Распорядок дня для них не отличался от монашеского. Пища, как и во всех монастырях, была скудной; многие воспитанницы были бледны, почти все слабы. Мещане и священники избегали брать в жены непривычных к домашней работе девушек, отсутствие за ними приданого – еще одна причина, почему на них женились чрезвычайно редко. Их уделом оставалась работа на монастырь или постриг.

Конечно, приюты проблему всех обездоленных детей не решали, да и не могли решить. Но определенный вклад в дело призрения детей-сирот они вносили, благодаря им многие обездоленные получали в приютах кров, начальное образование и ремесло.

В городе работало несколько общедоступных больниц, содержавшиеся на средства горожан, крупнейшими из них были Александровская больница для приходящих больных Императорского Казанского экономического общества [13; 19; 34, с.10; 35, с.19; 36, с.8; 33; 41] и Городская Александровская больница для ремесленников [7, л.198–199; 9; 11; 15; 20; 26; 28; 29; 40; 37, с.74–75; 38, с.22–23; 8; 1, с.113–114].

Лечебница Казанского экономического общества открылась в январе 1866 г. по инициативе его членов в здании Ложкинской богадельни, первоначально капитал больницы оказался невелик: по 500 руб. дали купец С.Е. Александров и Казанское городское общество, 278 руб. собрали по подписке. Денег явно не хватало, встала угроза закрытия больницы. Положение спас купец и миллионер Сергей Евсеевич Александров. В апреле 1866 г. он пожертвовал 5 тыс. руб., проценты с них в год давали 250 руб. Дополнительно купец сначала выделил 500 руб., затем 900, а его дети Александр и Ольга довели до 1000 руб. в год. Они же оплачивали половину стоимости лекарств, вторую половину дополняли аптекари города, 26

врачей попеременно консультировали врачей безвозмездно. Лечение проводилось амбулаторно, плата не взималась.

Вначале лечебница размещалась в трех маленьких комнатах, но, несмотря на тесноту, в первый же год она обслужила 4,5 тыс. казанцев. К 1891 г. их число увеличилось до 175 тыс. С 1879 г. здесь наладили оспопрививание.

Недостаток помещений стал главным препятствием медицинской помощи, но Городская дума отказалась выделить деньги на ремонт и расширение помещения. И вновь помогли благотворители. В 1883 г. Александр Сергеевич Александров пожертвовал 1,5 тыс. руб. 3 тыс. руб. добавил попечитель Ложкинской богадельни А.М. Музуров, взявший на себя «подряд по отстройке лечебницы». Оба купца «за значительные пожертвования» были награждены золотыми медалями.

Подчеркнем, что купцы Александровы покровительствовали больнице, а вернее, содержали ее более 50 лет.

После ремонта лечебница расширилась на шесть комнат, в квартире при ней жил фельдшер. Но через 25 лет после открытия, ее основной капитал по-прежнему составлял 5 тыс. руб., внесенных еще С.Е. Александровым. Многие затраты покрывались пожертвованиями.

Более надежное материальное обеспечение имела Александровская больница для ремесленников и цеховых. Поводом для ее открытия стала эпидемия возвратной горячки среди городских ремесленников в 1865 г. А идея принадлежала ремесленному голове Ивану Константиновичу Кузнецову. По его инициативе старейшины цехов организовали сбор денег, одновременно вопрос вынесли на обсуждение Городской думы. В 1866 г. в Казани открыли временное отделение при Казанской городской больнице на 50 мест, вскоре преобразованное в самостоятельное лечебное заведение с ежегодным ассигнованием 10 тыс. руб. из прибылей Казанского городского общественного банка. Первым врачом больницы стал М.Ф. Болдырев, работавший бесплатно.

17 мая 1867 г. на торгах на средства ремесленного общества за 9,5 тыс. руб. купили дом Котовщикова на Новогоршечной улице. Владелец столярной мастерской купец В.А. Карабанов пожертвовал 50 кроватей, плотник-купец С.А. Арефьев – 50 столиков. Больнице присвоили имя Александровская, в честь наследника цесаревича Александра Александровича.

Чтобы возместить деньги, взятые со счета в Казанском городском общественном банке на покупку дома, собрание ремесленного общества приговорило обложить ремесленников «взносом каждогодного акциза в 1 рубль». Но «взропотали» плотники, штукатуры, каменщики и другие временные рабочие. «Акциз» с них сняли, но и лечиться отсылали в Казанскую городскую больницу. Вскоре взнос отменили совсем, ремесленное общество оплачивало только страховку здания.

На выделенные по завещанию купца Василия Ивановича Романова 15 тыс. руб. в 1868–1869 гг. дом Котовщикова приспособили под меди-

цинское учреждение, выстроили флигель, летние бараки и различные службы. Больница смогла принимать 90 человек, во время эпидемий разрешалось ставить еще 10 кроватей. Александровская ремесленная больница имела три отделения: терапевтическое, хирургическое и гинекологическое. В 1884 г. в ней получили лечение 739 человек, расходы на содержание равнялись 19285 руб. 58 коп.

В 1881 г. понадобилось провести ремонт и расширить больничные площади. Городское мещанское общество выделило 1000 руб., ремесленное – 1000, попечитель И.С. Кривонос также 1000 руб. Деньги внесли купцы М.М. Данилов и А.И. Володин, строевой лес дали В.Ф. Булыгин и А.М. Хохряков, необходимые для стройки изделия из железа – братья Гордеевы и И.Л. Чельшев, кирпич – В.Ф. Максимов, оконные рамы – Э. Бауман, цемент – Н.С. Киселев. Кроме того, И.С. Кривонос потратил на постройку церкви «во имя Александра Невского» и усыпальницы с часовней при больнице 32,5 тыс. руб. Деньги на ремонт и покупку всего необходимого для лечения выделили купцы А.И. Корольков, К.И. Романов, Я.Ф. Шамов, А.П. Гордеев, они, а также И.С. Кривонос, служили попечителями больницы.

В 1889 г. известная благотворительница Ольга Сергеевна Александрова-Гейнс выделила 85 тыс. руб. на открытие больницы в Забулачной части Казани, где лечебного заведения никогда не существовало, и 15 тыс. руб. на создание при ней детской больницы «в память родных» [16]. Весной 1894 г. в больнице начался прием больных. Дума присвоила ей название – «Городская больница Сергея Евсеевича, Анны Михайловны и Александра Сергеевича Александровых», но горожанам она больше известна как «Забулачная» [22; 23]. В ней действовали терапевтическое и хирургическое отделения, во дворе в новых корпусах работали больница для рожениц с гинекологическим отделением, детская больница, отделение для «заразных больных» и амбулатория для приема проходящих пациентов. Общее число мест определялось не столько размерами больничных помещений, сколько наличием свободных средств у города. За свой счет О.С. Александрова содержала 5 мест в женском отделении. Во дворе больницы высадили деревья и выстроили часовню [17; 25: 27; 32].

С выражением благодарности за устройство больницы к ней домой пришла делегация горожан, в состав которой вошел А.Я. Сайдашев. От имени мусульман он «выразил ей признательность за пожертвования, особенно за больницу, так как она приносит пользу бедному населению Забулачья, где много татар» [18; 30].

Под свое покровительство и материальное обеспечение купцы Прибытковы взяли Адмиралтейскую больницу. Из семейного капитала ежегодно, в зависимости от полученной прибыли, на больничные нужды отчислялись значительные суммы. Кроме ежегодных взносов, были крупные единовременные отчисления в зависимости от нужд больницы. Так, на перестройку дома для больницы и его благоустройство в 1898 г.

А.П. Прибытков потратил 55 тыс. руб., его зять М.И. Попов на эти же цели пожертвовал не менее 16 тыс. руб. [5, л.3001–3047; 4, л.18; 31].

Без материальной поддержки благотворителей едва ли бы могли существовать бесплатные больницы Казани, рассчитанные на помощь неимущих граждан.

Положение Комитета министров от 26 августа 1866 г. владельцам промышленных предприятий вменяло в обязанность открывать бесплатные больницы для рабочих, число мест в них определялось в зависимости от количества работающих.

Крупнейшее предприятие Казани завод братьев Крестовниковых имел больницу с амбулаторией, их выстроили вместе с основными корпусами.

На предприятиях же Алафузова организация медицинской помощи была поставлена хуже. В завещании Иван Иванович Алафузов «отказал 200 тысяч на постройку в Адмиралтейской слободе возле своего дома больницы для рабочих своего предприятия, а при ней возвести церковь». Его наследники – жена Лидия Андреевна и брат Николай Иванович – предложили поместить капитал в банк, «заморозить» его на 25 лет и на накопленные проценты построить городскую инфекционную больницу на 50 мест и выделили для нее участок земли рядом с заводскими корпусами. Городские власти не одобрили предложение. Прошел компромиссный вариант: в 1896 г. было получено «Высочайшее разрешение» изменить волю И.И. Алафузова и 200 тыс. руб. присоединили к капиталу, выделенному на возведение новых университетских клиник. Тем не менее, наследники Алафузова при своих промышленных предприятиях построили больницу и содержали ее за свой счет.

В статье «Медицина и народное здравие», помещенной в словаре Брокгауза и Ефрона, авторы Г. Хлопин и Ф. Эрисман назвали Казань среди других 9 городов, где расходовались значительные суммы на «медико-санитарную часть», действовали больницы на 20–90 мест с бесплатными амбулаториями. По сравнению с другими российскими городами дело постановки бесплатного лечения неимущих граждан Казани признавалось удовлетворительным.

Правительство поощряло предпринимателей к участию в благотворительных делах, определив, в зависимости от размеров пожертвования, награды. Многие из таких отличий реальных выгод не давали, но стимулировали участие купцов в милосердных делах. Обладание российскими орденами, званиями коммерции или мануфактур советников, почетного потомственного гражданина, чинами до VIII класса включительно, согласно «Табели о рангах», изменяло социальный статус купца, передвигало его вместе с семьей вверх по социальной лестнице. Это была единственная для буржуа возможность добиться официального признания своей деятельности в царской России.

Тем не менее, названные инициативы не имели законодательного характера, а носили ярко выраженный социально-сословный характер. Благотворительные акции в определенной мере снимали социальную напряженность, вызванную крайней поляризацией буржуазного общества, как-то восстанавливали социальную справедливость и равновесие, уменьшали такие крайности, как нищенство, сиротство, бездомность среди казанцев.

Источники и литература

1. Адрес-календарь Казани и Казанской губернии на 1896 год. Казань, 1897 и др.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.98. Оп.1. Д.92.
3. ГА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.95.
4. ГА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.1530.
5. ГА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.2247.
6. ГА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.25.
7. ГА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.25 а.
8. Историческая записка Казанской городской Александровской больницы / сост. ординатор больницы, доктор медицины К.Ф. Кандаратский. Казань, 1893. 19 с.
9. Казанский биржевой листок. 1873. 14 января.
10. Казанский биржевой листок. 1873. 5 апреля.
11. Казанский биржевой листок. 1875. 6 апреля.
12. Казанский биржевой листок. 1883. 31 декабря.
13. Казанский биржевой листок. 1887. 13 мая.
14. Казанский биржевой листок. 1887. 28 июля.
15. Казанский биржевой листок. 1887. 17 октября.
16. Казанский биржевой листок. 1890. 7, 21, 23 января.
17. Казанский биржевой листок. 1890. 1, 8 марта.
18. Казанский биржевой листок. 1890. 13 апреля.
19. Казанский биржевой листок. 1891. 18 января.
20. Казанский биржевой листок. 1891. 31 августа.
21. Казанский биржевой листок. 1893. 4 января.
22. Казанский биржевой листок. 1893. 28 августа, 20 октября.
23. Казанский биржевой листок. 1898. 1 октября.
24. Казанский телеграф. 1893. 4 января.
25. Казанский телеграф. 1893. 20, 26 октября.
26. Казанский телеграф. 1893. 3 ноября.
27. Казанский телеграф. 1894. 8 февраля.
28. Казанский телеграф. 1895. 21 декабря.
29. Казанский телеграф. 1896. 10 июля.
30. Казанский телеграф. 1898. 29, 30, 31 января.
31. Казанский телеграф. 1898. 2 мая, 8, 11 июня.
32. Казанский телеграф. 1898. 1 октября.
33. Отчет городской Александровской больницы за 1893 год. Казань, 1894. 51 с.

34. Отчет Императорского Казанского экономического общества за 1881 год. Казань, 1882. 17 с.
35. Отчет Императорского Казанского экономического общества за 1882 год. Казань, 1883. 27 с.
36. Отчет Императорского Казанского экономического общества за 1883 год. Казань, 1884. 40 с.
37. Отчет Казанской городской управы за 1884 год. Казань, 1885.
38. Отчет Казанской городской управы за 1885 год. Казань, 1886.
39. Политология: Энциклопедический словарь /общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. 431 с.
40. Правила для городской Александровской больницы. Казань, 1898. 8 с.
41. Пятидесятилетие Императорского Казанского экономического общества. Историческая записка, составленная секретарем общества А. Чугуновым (1829–1889). Казань, 1889. 128 с.

Charitable initiatives of the Kazan merchants and their implementation in the 19th century

L.M. Sverdlova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Within the framework of Russia of the 19th century, it is not possible to talk about the access of all classes, except for the nobility, to power, due to the lack of political rights and freedoms in the country at that time. However, the only area where citizens could exercise their right to govern was local self-government, within which the urban estates showed their social and civic initiatives. The promotion of socially significant initiatives is one of the manifestations of social activity, and the implementation of charitable initiatives is an indicator of the social maturity of the merchant class of the administrative center of the Kazan province.

Keywords: Charity, merchants, social activity of merchants, socially significant initiatives, charitable actions.

For citation: Sverdlova L.M. Charitable initiatives of the Kazan merchants and their implementation in the 19th century. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 76–85 (In Russian)

Информация об авторе:

Свердлова Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: sverdlm@yandex.ru

Sverdlova Lyudmila Mikhailovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Приказы общественного призрения в конце XVIII –
первой половине XIX в. как кредитные учреждения:
финансовый механизм выдачи ссуд и порядок залога
имений и крестьян

Г.Н. Ульянова

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация*

По закону «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» («Учреждения о губерниях»), изданному в 1775 г., были устроены приказы общественного призрения (к 1800 г. насчитывалось 40 приказов, а к 1830 г. их число достигло 57). Основной функцией приказов была помощь бедным, но приказы также действовали как банковские учреждения, принимающие вклады от частных лиц и выдающие кредиты (ссуды под залог недвижимых поместий), преимущественно частным лицам привилегированного сословия – дворянства. В статье прослежена эволюция законодательства о ссудах и рассмотрен финансовый механизм залога имений и выдачи ссуд.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, помощь бедным, история России XVIII и XIX вв., имперская Россия, приказы общественного призрения, законодательство, банки.

Для цитирования: Ульянова Г.Н. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в. как кредитные учреждения: финансовый механизм выдачи ссуд и порядок залога имений и крестьян // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 86–96.

Приказы общественного призрения, возникшие в 1775 г., были старейшей российской благотворительной институцией Нового времени. По мысли Екатерины II, они должны были действовать (и действовали) под председательством губернаторов, а с 1802 г., после учреждения министерств, перешли в ведение Министерства внутренних дел (далее – МВД) (в интервале 1811–1819 гг. на некоторое время были переведены в ведение Министерства полиции [11, т. XXXI, №24307, §12; №24326, ст.11], но затем вернулись под эгиду МВД).

Деятельность приказов регламентировал закон «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (или кратко «Учреждения о губерниях»), изданный в 1775 г. [11, т. XX, №14392].

Императрица Екатерина II возложила на приказы обязанность «устроить и содержать на предписанных ею правилах: народные школы, сиротские дома, больницы, аптеки, богадельни, дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, дома работные» [10, с.102]. При Александре I появились новые типы «богоугодных» заведений, которые следо-

вало устраивать и развивать приказам («домы инвалидные, дома для призрения несчастнорожденных младенцев, училища и дома для обучения ремеслам и для доставления чрез то городам и селениям ремесленников, суконные фабрики и другие хозяйственные заведения, приносящие выгоду и обществу и самим приказам»[10]).

В правление Александра I рядом законоположений была подчеркнута роль приказов как важнейшего элемента системы помощи бедным в империи. Гражданские губернаторы были обязаны подавать рапорты «на Высочайшее усмотрение» за каждые полгода о «числе и состоянии всех заведений», об их капиталах и доходах, о поступающих пожертвованиях частных лиц, «дабы известны и заметны Нам были имена сих лиц, таковым употреблением избытков своих делающих есть человечеству и успехам просвещения» [11, т. XXVII, №20176].

Важным является тот факт, что с 1802 г. Петербургский и Московский приказы были приняты «в особенное внимание и покровительство Его Величества» (вероятно, как учреждения, находившиеся в губерниях, где число благотворительных заведений было наиболее многочисленным) [11, т. XXVII, №20143].

Приказы не только осуществляли помощь бедным и малоимущим, но также с самого своего основания осуществляли функцию банковских учреждений, принимающих вклады от частных лиц и выдающих кредиты (займы, они же ссуды) «в заем за узаконенные проценты» частным лицам привилегированного сословия – дворянства. В результате приказы как институты помощи бедным имели гибридный характер, дополняя основную деятельность – кредитной. Следует напомнить идею, уже упомянутую в моей книге «Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века» (2005), что некоторые исследователи (чьи труды были опубликованы в конце XIX – начале XX в.) объясняли мысль императрицы приурочить кредитное дело к призрению бедных влиянием народного воззрения, по которому «всякая лихва, процент – дело греховное и поэтому, если и разрешаемое, то лишь с богоугодной, благотворительной целью» [8, с.36–37].

Подробный очерк деятельности приказов содержится в моей монографии, где я упоминаю и о кредитных операциях, проводимых приказами [17, с.183–192]. Однако детально банковская деятельность приказов, и особенно эволюция законодательства в этой области, до сих пор в историографии не рассматривалась. Вопрос о кредитной деятельности приказов в региональном аспекте затронут в ряде работ, в частности по Московскому, Владимирскому, Казанскому, Новгородскому и Топольскому приказам [1, 3; 4; 6; 7].

В статье будет рассмотрен вопрос о том, как действовал один из каналов финансирования приказов, а именно – столь важная статья дохода, как проценты, выплачиваемые за ссуды, выданные помещикам под заклад имений и крестьян.

Дело в том, что при отсутствии в России в конце XVIII – первой половине XIX в. полноценных коммерческих банков (они появились только

с 1860-х гг.), приказы с 1775 по 1860 г. – наряду с основной деятельностью в области помощи бедным и больным – выполняли также функцию государственных кредитных учреждений. Помещики (с 1806 г. в некоторых губерниях также и купцы) могли получить ссуды под залог недвижимости с уплатой 6% годовых. Деньги, полученные приказами за предоставление ссуд, частично пополняли собственные капиталы приказов и через то шли на благотворительность.

В порядке исключения в некоторых губерниях дозволялись залоговые операции под недвижимость, кроме заселенных имений, городских каменных домов и фабрик. Например, согласно указу от 15 мая 1806 г., данному калужскому генерал-губернатору, с 1806 г. купцы Калужской губернии могли получать займы под залог не только домов и фабрик, но также и лавок, а в Кавказском приказе принимались в залог виноградные сады [13, л.36–37].

В целом, система кредитных учреждений в Российской империи в начале XIX в. включала три уровня институций: государственные, губернские и общественные.

К государственным относились Заемный, Коммерческий и Ассигнационный банки, депозитная касса, сохранные и ссудные казны, учрежденные при Петербургском и Московском воспитательных домах. К губернским принадлежали приказы общественного призрения, банк Царства Польского и Финляндский банк. К общественным – дворянские банки в Остзейских губерниях, Эзельский крестьянский банк, Польское кредитное общество и банки, основанные частными людьми в ряде городов (так называемые «общественные банки»).

Если же говорить о системе земельного кредита, то устроенные в XVIII в. учреждения, которые продолжали действовать в XIX в., образовали следующую системную триаду – Заемный банк, сохранные казны и приказы общественного призрения.

Рассмотрим далее, каков был финансовый механизм выдачи ссуд и порядок заклада имений и крестьян через приказы общественного призрения. Сначала будет проанализирована эволюция законодательства, затем описана процедура оформления ссуды и в конце статьи представлены некоторые статистические данные о вкладных и ссудных операциях приказов общественного призрения.

Эволюция законодательства о выдаче ссуд приказами общественного призрения. Основной функцией приказов было осуществление благотворительной деятельности. Первоначально по статье 382 «Учреждения о губерниях» каждому приказу при создании было отпущено по 15 тыс. руб. из доходов губернии для образования основного капитала.

Было также разрешено отдавать эти деньги «в узаконенные проценты на верные заклады» (на тех же основаниях, что в Дворянском банке) – в одни руки от 500 до 1000 руб. и сроком не более чем на один год [11, т. XX, №14392, ст.382]. Но эта скромная сумма (в 15 тыс. руб.) и мизерный доход в виде процентов от залогов не были достаточными для финансового обеспечения приказов, ведь власти для строительства заведений и

содержания призреваемых прежде всего рассчитывали на частные добротные пожертвования. Тем не менее в перспективе ожидалось, что плата за ссуды от заложенного недвижимого имущества сможет пополнить бюджеты приказов.

С 1802 г. выдаваемые в заем суммы были повышены, что было сделано для роста доходов приказов. По указу Александра I приказы, по примеру сохранных казен, получили разрешение отдавать свои капиталы в обращение с получением процентов, не ограничивая заемщиков ни временем (ранее было один год), ни суммой (ранее было 500–1000 руб.) [11, т. XXVII, №20362]. Таким образом, в 1802 г. было еще раз законодательно подтверждено, что приказам общественного призрения разрешено принимать вклады «на проценты» и выдавать ссуды под недвижимые имения [5, с.8].

Первоначально, в XVIII в., приказы выдавали ссуды под залоги имений на сроки не более одного года, но, ввиду легкого предоставления отсрочек, фактически приказы получили характер долгосрочных ипотечных учреждений. От сохранных казен (действовавших в столицах – Петербурге и Москве) губернские приказы отличались тем, что могли выдавать ссуды под залоги недвижимых имений лишь своей губернии [5].

При этом, по указам Александра I, приказы хранили деньги не самостоятельно (помещения их канцелярий не были для этого приспособлены), а помещали свои вклады «для обращения процентов» в Заемный банк. С 20 мая 1805 г. и 16 января 1806 г. такое правило существовало для Вятского и Финляндского приказов и приказов Сибири (Иркутского, Тобольского и Томского), а с 3 октября 1806 г. оно было распространено на все приказы по другим губерниям [11, т. XXIX, №21762, 21994, 22307].

Заемный Банк для содействия дворянскому землевладению был создан, «дабы всякий хозяин», как сказано в манифесте по поводу учреждения банка, «был в состоянии удержать свои земли, улучшить их и основать навсегда непрременный доход своему дому» [5, с.8]. Дворянские банки, выдававшие ссуды под залог движимых и недвижимых имений, существовали с 1754 г. В 1786 г. Санкт-Петербургский банк для дворянства был преобразован в Заемный банк, туда же были переведены суммы Московского банка для дворянства [11, т. XXII, №16407, 16408]. В основной капитал Заемного банка были переданы ресурсы закрытых дворянских банков, а Ассигнационный банк выдал 22 млн руб. для ссуд дворянству и 11 млн руб. для городов. Ссуды выдавались под залог трех видов недвижимости: 1) помещичьих населенных имений (в том числе из расчета на каждую ревизскую душу мужского пола по 40 руб.); 2) населенных горнозаводских имений; 3) домов каменных и фабричных строений в Санкт-Петербурге [5, с.8–9].

Вкладчики Заемного банка получали 5% дохода на капитал, а должники-заемщики платили 6% за пользование ссудой [16]. Дворянству ссуды выдавались сроком на 20 лет из 8% (5% «интереса» и 3% погашения), а городам на 22 года из 7% (4% «интереса» и 3% погашения). В случае неуплаты срочных платежей после льготной отсрочки (3 месяца) имения брались в опеку, а позже, после составления описи, выставлялись на аукцион [5, с.8–9].

В отличие от губернских приказов, помещавших капиталы и вклады в Заемный банк, Петербургский и Московский приказы были обязаны внести вклады в сохранные казны воспитательных домов через Опекунский совет (см. указ от 2 апреля 1799 «Об отдаче Приказам общественного призрения обеих столиц капиталов своих в Опекунский совет и о содержании городскому правлению получаемыми с них процентами заведений своих») [11, т. XXV, №18919; т. XXVII, №21005; подтверждено в 1818 г., см.: т. XXXV, №27416].

Можно предположить, что для полноты контроля (например, чтобы никто не мог заложить одно и то же имение в разных кредитных учреждениях), приказы столичных губерний, где находилось два воспитательных дома с сохранными казнами при них, помещали вклады именно в сохранные казны, через которые осуществлялись банковские операции. Об этом писал и Г.П. Неболсин: «Столичные приказы не раздают в займы частным людям состоящих у них капиталов, а отсылают оные для обращения процентов в сохранные казны» [9, с.211].

В указе Александра I от 3 октября 1806 г. «О платеже процентов на капиталы Приказов общественного призрения» отмечалось, что приказы по своим вкладам должны получать 6% вместо 5%, установленных для частных вкладчиков [11, т. XXIX, №22307]. Такой шаг следует расценивать как законодательно установленное повышение капитализации вкладов одного из крупнейших благотворительных ведомств.

Указом от 6 марта 1809 г. «О правилах раздачи капиталов в заем из Приказов общественного призрения» было постановлено, «чтоб в залог представляемые души принимаемы в оные были по той цене, по какой и в Опекунских советах по каждой губернии оные приемлются», то есть по тарифам сохранных казен [11, т. XXX, №23520; 2, с.245–246]. В тексте закона давалось и объяснение, что это делается, «дабы не лишить Приказов тех пожертвований, какие нередко делаются заимщиками при займах сумм, в пользу человеколюбивых заведений» [11, т. XXX, №23520; 2, с.245–246]. Эти тарифы были следующими – в губерниях первого класса (разряда) по 70 руб. за каждую ревизскую душу, а в губерниях второго класса (разряда) – по 45 руб. [13, л.54].

Список 44 губерний по классам (разрядам) был опубликован в Своде законов (по изданию 1833 г.), в т. XI «Уставы благочиния» [15, с.374]. Первый разряд включал 23 губернии, преимущественно великороссийские – Санкт-Петербургскую, Московскую, Воронежскую, Курскую, Нижегородскую, Орловскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую, Казанскую, Оренбургскую, Ярославскую, Владимирскую, Астраханскую, Вологодскую, Костромскую, Тверскую, а также Киевскую и Подольскую губернии. Второй разряд включал 21 губернию, в том числе Вятскую, Новгородскую, Пермскую, Смоленскую, Олонецкую, Псковскую, Архангельскую, а также малороссийские, польские и белорусские – Вольнскую, Екатеринославскую, Слободско-Украинскую, Таврическую, Херсонскую, Полтавскую, Чернигов-

скую, Кавказскую, Минскую, Гродненскую, Виленскую, Витебскую, Могилевскую губернии, а также Белостокскую область.

Предположительно, распределение по классам зависело от ранее установленной цены за ревизскую душу и, возможно, от доходности населенных имений и стоимости земли в целом.

Продолжим рассмотрение законодательства. По журналу Комитета министров от 17 августа 1810 г. было предписано производить из капиталов приказов «заимообразные выдачи, на основании указа 6 августа 1802 г. не свыше 10000 рублей в одни руки» [13, л.42].

С 1820 г. был дан толчок дальнейшему развитию кредитных операций через приказы общественного призрения. Это произошло в связи с изданием указа Александра I от 26 января 1820 г. «О способах к выгоднейшему обращению капиталов, в Приказы общественного призрения поступающих».

В указе говорилось, что «для выгоднейшего обращения капиталов, поступающих в Приказы», собственные капиталы приказов и вклады, внесенные навсегда или с ограничением времени (речь шла именно о вкладах, проценты с которых потом передавались на благотворительность), можно будет «раздавать в займы на 12 лет с уплатою в первые два года обыкновенных процентов вперед ежегодно, а в последующие десять лет капитала по десятой части и процентов вперед же за год на остальной долг до совершения уплаты оногo» [11, т. XXXVII, №28113, п.1].

Раздачу капиталов предполагалось производить с залогом недвижимости, а именно деревень – с предоставлением свидетельств «о благонадежности» (то есть налаженного, ранее не заложенного и не состоящего под запрещением хозяйства) с данными по последней ревизии и оплатой по 150 руб. асс. за ревизскую душу. Но давать займы следовало только тем помещикам, которые еще не получали ссуды в приказе общественного призрения губернии, где имели поместье. Если же ранее заемщик («заемщик» в терминологии того времени) был исправен в платеже процентов по предыдущим выплаченным займам – предоставлять новые займы [11, т. XXXVII, №28113, п.2, 5].

Максимальный размер займа (ссуды) зависел от массы капиталов каждой губернии. В «богатых» приказах, где совокупная масса капиталов превышала 500 тыс. руб., помещик-заемщик мог получить до 30 тыс. руб., а в тех губерниях, где масса капиталов была менее 500 тыс. руб. – до 15 тыс. руб. [11, т. XXXVII, №28113, п.7].

При Николае I указом «О введении в Приказы общественного призрения новых правил на раздачу капиталов» от 20 января 1826 г. максимальный срок, на который выдавались ссуды «под залог недвижимых дворянских имений заселенных», был повышен до 24 лет. Но также выдавались и мелкие ссуды на один, два, три года с отсрочкой платежа в некоторых обстоятельствах до 8 лет. При этом, ранее выданные на 12 лет ссуды могли быть пересчитаны на 24-летний срок. Максимальный размер ссуды оставался прежним, то есть 30 тыс. руб. и 15 тыс. руб. [12, т. I, №77, п.1–10].

В отличие от помещичьих сельских имений, ссуды под залог домов в губернских огородах выдавались на более краткие сроки от одного до трех лет и при условии, что дома будут застрахованы, а ссуда будет составлять менее половины страховой суммы. Ссуда и пересрочка на городские владения разрешалась только с согласия министра внутренних дел [12, т. I, №77, п. 12].

В 1827 г. в Государственном совете было рассмотрено представление Департамента экономии МВД, по которому было принято законоположение «О дополнении правил Приказов общественного призрения касательно оборота капиталов, состоящих в их распоряжении» [12, т. II, №964]. Это было сделано ради «лучших способов к обороту капиталов и большей ясности в отношении к заимщикам». Там же был прописан порядок взятия в опеку и дальнейшей продажи просроченных залогов (в виде невыкупленных имений) с публичного торга. Имения с числом крепостных менее 500 чел. продавались совокупно, а с числом крепостных более 500 чел. могли разделяться на части и продаваться участками.

Последующий период отмечен тенденцией дальнейшего увеличения срока займов.

24 октября 1828 г. было издано мнение Государственного совета «В дополнение правил по обороту капиталов в Приказах общественного призрения», где содержались правила ссуд под залог крестьян из заселенных дворянских имений – ассигнациями в первоклассных губерниях по 250 руб., а во второклассных по 200 руб. за каждую ревизскую душу (или соответственно серебром по 50 и 40 руб., дополняя еще 50 руб. ассигнациями за каждую душу) [12, т. III, №2375, п. 1]. Выдачу 24-летних ссуд под ревизские души помещики могли получить при залоге не менее 10 душ, но без раздробления семейств, а на краткие сроки допускался залог не менее 5 душ [12, т. III, №2375, п. 6].

С назначением на должность министра финансов Е.Ф. Канкрин, стремившегося преобразовать многие сферы экономической жизни, 1 января 1830 г. был издан манифест «О вкладах и ссудах в банковых установлениях» [12, т. V, №3399]. Относительно действия приказов общественного призрения, как и других кредитных учреждений, в манифесте говорилось, что отныне устанавливается единый процент, выдаваемый по вкладам (4%) и вносимый за пользование ссудами под недвижимые имения (5%). Вкладчикам, которые ранее поместили вклады под 5%, но не удовлетворялись из-за снижения доходности вкладов до 4%, их деньги могли быть возвращены. Снижение процентов по вкладам было одним из свидетельств курса Канкрин на экономию и повышение государственных доходов.

Вышеназванный закон 1830 г. вновь увеличил срок ссуды – под населенные сельские имения до 26 лет (вместо прежних 24 лет), с платежом ежегодно 5% «интереса», 2% погашения и платой 1% премии. Под городские дома ранее действовавший 8-летний срок увеличивался до 15 лет, с платежом 5% [12, т. V, №3399, §15].

Однако было и исключение – Манифестом 1830 г. для займов, сделанных в приказах, не выдавалась ссуда с долгим 37-летним сроком на ее погашение, которая предоставлялась другими кредитными учреждениями [12, т.V, №3399, §34].

Что касается процентной ставки, то она была снижена по вкладам (с 5% и 6% до 3%, 4% и 5%) и повышена по плате за ссуды, составив 6% «интереса» и 1% так называемого «благодаяния», сумма которого присоединялась к благотворительным капиталам и в дальнейшем расходовалась на содержание благотворительных заведений. Этот один процент не входил в счет уплаты за пользование ссудой.

Процедура получения ссуды. Рассмотрев выше эволюцию законодательства о займах, следует дать реконструкцию самой процедуры получения ссуды (займа). Если помещик нуждался в деньгах и ему хотелось получить ссуду (кредит), то он, владея заселенным имением, закладывал совокупно землю с хозяйством и «ревизскими душами» – крестьян из расчета 70 руб. за душу в великорусских губерниях (губернии первого класса) и 45 руб. за душу в малороссийских, белорусских и польских губерниях (губернии второго класса). Но дворовых закладывать было нельзя.

Желающий занять из приказа деньги, то есть «учинить заем», должен был осуществить следующую процедуру. Он подавал заявление, подписанное им лично или его поверенным, с указанием в нем занимаемой суммы и закладываемого недвижимого имущества, названия селения и числа душ об. п. Форма такого заявления существовала еще с 1786 г., поскольку была установлена в Уставе Заемного банка [11, т. XXII, №16481, ст.43; т. XXVII, №20781; т. XXXI, №24143; т. XXXIX, №29940, §12] (и действовала для других банковских учреждений, в том числе приказов). Она уточнялась по указам 1803, 1810, 1824 гг. По указу от 29 февраля 1828 г. «О выдаче из Гражданских палат свидетельств на имения, для залога в Заемный банк представляемых, по приложенной при сем форме» эта форма приняла окончательный вид [12, т. III, №1836].

Образец заявления, требуемого для получения ссуды (займа), согласно формам, представленным в виде приложения к Своду законов (часть «Учреждения и уставы кредитных установлений» по изданию 1833 г.), мог быть, например, следующим:

1) «В Государственный Заемный Банк.

Объявление.

На основании Положения об открытии займов прошу Заемный Банк выдать [имя] в заем на [срок] государственными ассигнациями [сумма] рублей, в коих по свидетельству, данному [Палатой Гражданского Суда такого-то года, месяца и числа], закладыва(ю) имение с фабрикою [характеристика фабрики], состоящую в селении(ниях) [название] с крестьянами в числе [количество, чел.] с женами и детьми их, со внучаты и приемыши обоего пола, с наличными и беглыми и со всеми к ним принадлежностями, со всем их и господским строением, с пожитками и со скотом, с пашенною и непашенною землею, с лесами, с санными покосами и всякими угожьями,

сколько по писцовым и отказным книгам, по дачам, межеванью и по всяким крепостям и сделкам к оному селению принадлежит и за [имя] во владении состоит; закладываемое ж имение находится [название губернии, уезда, селений с означением числа душ, находящихся в каждом селении порознь и целом в имении]».

2) «В Государственный Заемный Банк.

Объявление.

Прилагая при сем свидетельство, данное мне из С.-Петербургской палаты Гражданского суда под № [такого-то года, месяца и числа] [на принадлежащий мне] каменный дом, завод или фабрику, состоящ[ий] в С.-Петербурге в [такой-то] части [таком-то] квартале [проспект, улица, переулок] На основании Положения об открытии вновь займов прошу Заемный банк выдать в заем на [срок] лет рублей ассигнациями, сколько по оценке причитаться будет, и в долг принять оный дом, завод или фабрику со всем строением и землю к оному принадлежащую» [14, с.55, 194, ст.285 и прил. X].

К заявлению следовало приложить выданное Гражданской палатой своей губернии свидетельство на закладываемое имение. Форма свидетельства была утверждена в 1828 г. (по образцам, установленным для Государственного Заемного банка) [12, т.III, №2042]. Число ревизских душ указывалось по последней ревизии.

Некоторые статистические данные об оборотах приказов по вкладам и ссудам. В работах правоведов и экономистов XIX в. удалось найти некоторые сведения о финансовых показателях деятельности приказов как банковских учреждений. Но они в основном относятся уже ко второй четверти XIX в.

Вкладные операции приказов в Заемный банк постоянно возрастали и составляли, например, в 1826 г. 1,93 млн руб. сер., в 1835 г. – 7,58 млн руб. сер., в 1845 г. – 12,44 млн руб. сер., в 1850 г. – 25,8 млн руб. сер., в 1855 г. – 42,15 млн руб. сер. [5, с.34].

Что же касается самостоятельной финансовой деятельности приказов, то имеющиеся данные показывают, что в 1845 г. объем вкладов составлял 46,42 млн руб. сер., в 1850 г. – 63,79 млн руб. сер., в 1855 г. – 81,86 млн руб. сер. Объем ссуд под залог недвижимости, по данным МВД, был следующим: в 1836 г. – 78,45 млн руб. сер., в 1838 г. – 90,54 млн руб. сер., в 1850 г. – 75,85 млн руб. сер., в 1855 г. – 96,41 млн руб. сер. [9, с.209; 5, с.34].

Сопоставление этих цифр с показателями общего объема внесенных вкладов и выданных ссуд во всех государственных кредитных учреждениях (Заемном и Коммерческом банках, сохранных кассах и приказах общественного призрения) – числилось к концу 1854 г. вкладов на 848,42 млн руб.сер., а сумм, выданных в ссуду под недвижимые имущества и под учтенные векселя, на 943,14 млн руб. сер. [5, с.37] – приводит к выводу, что в середине XIX в. на приказы общественного призрения приходилось около 10–11% банковских оборотов в Российской империи.

Подводя итог анализу законодательства и практики функционирования приказов, можно сделать следующий вывод. Развитие системы земельного

кредита в Российской империи происходило одновременно с повышением денежной массы капиталов приказов общественного призрения и их оборотов на суммы, выданные в ссуду под залог недвижимого имущества. Это экономически укрепляло финансовую базу приказов как важнейших институций помощи бедным, действовавших на всей территории страны.

Источники и литература

1. *Бугров А.В.* Банковские операции сохранных казен воспитательных домов и приказов общественного призрения: 1771–1860 годы // Вестник Банка России. 2012. №65 (1383). С.23–32.
2. *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Ч.1. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1858. 308 с.
3. *Васильев А.Я.* Поземельные ссуды Новгородского Приказа общественного призрения (по материалам ГАНУ) // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. Т.6. №2 (8). С.172–179.
4. *Вычугжанин А.Л.* Из истории губернских финансов: кредитная деятельность Тобольского Приказа общественного призрения в 1782–1866 гг. // Вестник института экономики Российской Академии наук. 2010. №2. С.125–136.
5. *Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Типолитография «Якорь», 1904. 254 с.
6. *Дуплий Е.В.* Становление и развитие приказов общественного призрения в России: 1775–1864: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.
7. *Зиятдинова Д.Г.* Деятельность Казанского Приказа общественного призрения (1781–1869 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.
8. *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся в историческом ее развитии в России // Благотворительность в России. Т.1. СПб.: типолитография Н.Л. Ныркина, 1907. С.1–78.
9. *Неболсин Г.П.* Банки и другие кредитные установления в России и иностранных землях. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1840. 286 с.
10. О общественном призрении в России. Ч. 2. Свод законов Приказов общественного призрения. СПб.: издано при Министерстве полиции, 1818. 145 с.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т.ХХ. №14392; Т.ХХII. №16407, 16408, №16481; Т.ХХV. №18919; Т.ХХVII. №20143, 20176, 20362, №20781, 21005; Т.ХХIX. №21762, 21994, 22307; Т.ХХХ. №23520; Т.ХХХI. №24143, №24307, №24326; Т.ХХХV. №27416; Т.ХХХVII. №28113; Т.ХХХIX. №29940.
12. ПСЗ РИ. Собр. II. Т.1. №77; Т.II. №964; Т.III. №1836, 2042, 2375; Т.V. №3399.
13. Российский государственный исторический архив. Ф.1287. Оп.11. Д.27.
14. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод уставов государственного благоустройства. Части первая, вторая и третья. Ч.1. Учреждения и уставы кредитных установлений. Кн.1. Свод учреждений и уставов государственных кредитных установлений. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. 1026 с.
15. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод уставов благочиния. Часть первая и вто-

рая. Свод учреждений и уставов о общественном призрении и заведений оною, состоящих под ведомством Приказов. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. 1108 с.

16. Указ о платеже из государственного Заемного банка вкладчикам капиталов по 5 процентов и о взимании с должников по 6 процентов. СПб.-М., 1799. 1 с.

17. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Social welfare boards at the end of the 18th – the first half of the 19th century as credit institutions: financial mechanism for issuing loans and the procedure for the pledge of estates and peasants

G.N. Ulianova

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

In accordance with Empress Catherine's 1775 Statute on Provincial Administration, Social Welfare Boards (*prikazy obshchestvennogo prizrenia*) were established and 40 Boards in provinces worked (by 1800, and 57 by 1830). The poor relief was the main function of the Boards, and they also worked as banking institutions empowered to accept deposits and to lend against the security of immovable property (as nobility real estate), mostly to individuals of the privileged noble class. The article focuses on evolution of legislation on loans and considers the financial mechanism for mortgaging and estates issuing loans.

Keywords: charity, poor relief, philanthropy, 18th and 19th Centuries Russian History, Imperial Russia, Social Welfare Boards, banking.

For citation: Ulianova G.N. Social welfare boards at the end of the 18th – the first half of the 19th century as credit institutions: financial mechanism for issuing loans and the procedure for the pledge of estates and peasants. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 86–96 (In Russian)

Информация об авторе:

Ульянова Галина Николаевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); e-mail: galina.ulianova@gmail.com

Ulianova Galina Nikolaevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Деяния, обессмертившие имена.
Казанские меценаты XIX – начала XX в.
(по материалам Национального музея Республики Татарстан)

А.Д. Хайруллина
Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация

Статья освещает участие казанского купечества в благотворительной деятельности XIX – начала XX в. по материалам Национального музея РТ. В рамках этой темы затрагивается деятельность как татарского, так и русского купечества. Рассматриваются побуждающие мотивы к благотворительности, в том числе обусловленные религиозными традициями. Показаны основные направления филантропической деятельности казанского купечества.

Ключевые слова: купечество, благотворительность, Казань, мечеть, мектеб, приют.

Для цитирования: Хайруллина А.Д. Деяния, обессмертившие имена. Казанские меценаты XIX – начала XX в. (по материалам Национального музея Республики Татарстан) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 97–102.

Доброта, милосердие, сострадание – ценности, как теперь принято говорить, общечеловеческие. Всегда находились люди, отзывавшиеся на чужие нужды и проблемы.

Царствование императоров Александра II, Александра III и Николая II – «золотые годы» благотворительности в России. В это время имели место такие ее виды, как правительственная, которая возглавлялась представителями царствующей династии и губернской администрацией; церковная; общественная, создающая для этой цели различные организации и учреждения; а также земская и частная. Как в целом в государстве, так и в отдельных его регионах, эти направления могли взаимодействовать, существовать самостоятельно и даже случайно.

После отмены крепостного права в развитии благотворительности в Казани наблюдается заметный скачок. «Первую скрипку» в этом благом деле играло купечество. Среди жертвователей доминировали богатые купцы и крупные предприниматели. Формы проявления частной благотворительности были различные: пожертвование капиталов, безвозмездная передача имущества, домовладений, передача в дар библиотек, вещей.

Ряд купцов стремились оставить память о себе благотворительными акциями. Их имена оставались в названиях многих филантропических учреждений Казани: Лихачевское родильное отделение, богадельня Сергея

и Евдокии Павловых и Прибытковой, Шамовская больница, Юнусовский мусульманский детский приют и др. [2].

Почему именно эта социальная группа выдвигается на первый план в благотворительности? Думается, этому есть свое объяснение. Именно в руках представителей этих слоев российского общества находились реальные и осязаемые денежные капиталы. Чем они были богаче, тем обладали большими потенциальными возможностями для участия в благотворительности. Их участие, как известно, в этом благородном деле, не было абсолютно бескорыстным. И это не было секретом в российском обществе. Помогая другим, купцы поднимали свой престиж, укрепляли свою фамилию в торговом и промышленном деле, обретали признание соотечественников, попадали в поле зрения верховной и местной власти. Они получали чины, ордена, удостоивались личного, а то и потомственного дворянства. Все это свидетельствовало не только об усилении роли купечества в регионе, но и об его активном участии в общественной жизни страны.

В фондах Национального музея РТ представлены фотографии и документы благотворителей и меценатов – представителей купеческого сословия (Юнусовых, Апаковых, Аитовых, Лихачевых, А.К. Месетникова, Я.Ф. Шамова, И.И. Алафузова и многих других). Подавляющая часть экспонатов поступила в музей в 1960–1970-х гг. в связи со строительством экспозиций.

Купеческая династия Юнусовых на протяжении столетий занимала ведущие позиции в торговле и промышленности Казанской губернии. Родоначальник династии Мухаметрахим Юнусов еще в 1780-е гг. успешно занимался коммерцией, с 1793 г. состоял в должности городского головы Татарской ратуши. Торговую славу семьи продолжили его внуки – Ибрагим и Исхак, до конца жизни имевшие нераздельный капитал. «Опись имущества казанских купцов Юнусовых Ибрагима и Исхака, заложенного в ломбард», датированная 1849 г., представлена в новой экспозиции Национального музея РТ [7].

Братья Юнусовы жертвовали средства погорельцам на постройку жилья, на содержание арестантов. В 1844 г. они направили 20 тыс. руб. на открытие приюта для детей-сирот самых нуждающихся татар, который стал называться Юнусовским. Кроме того, Исхак передал приюту в вечное владение каменные лавки на Сенной площади стоимостью 5 тыс. руб. (лавки сдавались в аренду, и вырученные средства шли на содержание приюта) и выстроил во дворе каменную мечеть, которая обошлась ему в такую же сумму. В приюте преподавали русскую и татарскую грамоты, арифметику, «религиозные правила магометанского исповедания», арабский и персидский языки. Это заведение пользовалось громадным сочувствием татарского общества, и в его адрес шли значительные пожертвования. Приют находился в ведении Казанского губернского попечительства детских приютов Учреждений императрицы Марии и пользовался особым покровительством Романовых. В фондах музея хранится фотография зда-

ния приюта, а также фотокопия портрета одного из представителей династии Юнусовых – Исхака Губайдулловича Юнусова [15].

Благотворительная деятельность братьев Юнусовых была замечена властями. Так, Исхак в 1844 г. был утвержден в должности попечителя, а в 1859 г. – директора приюта. Тем самым он получил возможность контролировать капиталы, работу этого учреждения, стал одним из действующих лиц местной администрации. В 1867 г. Исхак Юнусов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1879 г. – Св. Анны 3-й степени, что несомненно, подняло его вес среди казанского купечества [3, л.11 об.–12]. Эти поощрения сыграли важную роль в присвоении братьям Юнусовым звания «коммерции советника». Юнусовы так и остались первыми и единственными в истории татарами-предпринимателями, удостоившимися подобного высокого звания.

Большим уважением в городе пользовались представители династии Апанаевых, которые оставили заметный след в истории Казани. Вид Апанаевской мечети на литографиях Турнерелли стал своеобразной визитной карточкой Татарской слободы г. Казани [9].

Габдулла Апанаев являлся одним из самых известных татарских меценатов начала XX в. В 1908 г. он был отлучен от служения в Сенно-базарной мечети и сослан на два года в Вологодскую губернию. Сохранилась фотография, которая запечатлела Габдулла Апанаева во время встречи со своей семьей в ссылке [11]. В 1913 г. он выступил с очень интересной инициативой – предложил создать музей, фонды которого бы составили древние книги, рукописи и другие реликвии, сохранившиеся в татарских семьях Казани. Идея так и не была реализована из-за начавшейся Первой мировой войны.

Своими благотворительными делами прославился и другой представитель династии Апанаевых – Мухаммадбадретдин Абдулкаримович (1867–1937 гг.). Он был членом попечительских советов Александровского ремесленного и Казанского коммерческого училищ, председателем Правления Общества пособия бедным мусульманам, убежденным сторонником новометодного обучения в медресе и не раз собирал в своем доме на Юнусовской площади представительные совещания татарского духовенства, купечества, интеллигенции [8].

В ряду известных казанских благотворителей стоит имя Фатихи Аитовой – основательницы первой женской гимназии в Казани. В фондах музея представлена ее большая личная коллекция. В их числе – уникальный документ, напечатанный на пишущей машинке, – «Моя биография и общественная деятельность» [12, л.1], где раскрываются этапы развития татарского женского образования, побудительные мотивы благотворительной деятельности и личные переживания Фатихи-ханум. Началу своей деятельности на благо просвещения девочек-мусульманок она скромно посвятила лишь несколько строк: «...благодаря моральной и материальной поддержке моего мужа, мне удалось в 1887 году приняться за общественную работу. Начала с того, что открыла бесплатную школу шитья для девочек татар Суконно-слободского района. Все обучающиеся в моих классах девочки были детьми беднейшего населения Казани, живущего в этом

районе. Необходимые при обучении материалы покупались на средства моего мужа. Эти классы существовали в течение трех лет, и в них обучалось примерно 30–50 детей» [12, л.2].

После смерти отца, получив наследство, в 1909 г. на Екатерининской улице (ныне – Г. Тукая) Фатиха организовала «женский мектеб для обучения татарских девочек мусульманской религии с обучением их русскому языку и русской грамоте по программе начальных школ». Для школы было построено специальное двухэтажное каменное здание (на средства супруга Сулеймана и Фатихи Аитовых). В период подготовки и проведения юбилея династии Романовых в 1913 г. ею была предпринята попытка организации среднего учебного заведения для татарских девочек – гимназии. После длительных хлопот и хождений по различным чиновничьим инстанциям Фатиха получила 4 марта 1916 г. разрешение «открыть в Казани частное учебное заведение для девочек магометанок...». Торжественное открытие первой татарской женской гимназии состоялось 29 октября 1916 г. [1, с.74].

В гимназии на первый план выдвигалась задача подготовки учительниц для начальных татарских школ. Здесь преподавали вероучение, татарский, арабский, русский, французский языки, историю всеобщую и отечественную, географию общую и России, математику, физику, естествознание, анатомию и физиологию человека, гигиену, педагогику, чистописание русское и татарское, рисование и рукоделие. В своей автобиографии Ф.Аитова обратила внимание на то, что особенно трудно было добиться разрешения у местных властей на преподавание общеобразовательных предметов на татарском языке. Другая проблема, которую пришлось преодолевать, – отсутствие соответствующих учебных программ. Организаторы новометодных школ разрабатывали их на основе программ русских женских средних учебных заведений, приспособлявая к требованиям татарской школы [12, л.3]. Качество преподавания зависело от опыта учителя и учебной базы школы, которая создавалась за счет личных средств организаторов, педагогов и благотворительных взносов жертвователей.

Помимо многочисленных фотографий преподавателей и учениц школы, в коллекции Фатихи Аитовой представлены: «Расписание уроков на неделю в IV–V классах женской мусульманской школы», «Список учебников», «Похвальная грамота, выданная Ракие Ганеевой, в связи с окончанием начальных классов школы Ф.В. Аитовой», «Аттестат Казанской ремесленной управы №209 о присвоении бывшей ученице школы Аитовой Р.Г. Мухутдиновой звания мастерицы по дамско-портновскому ремеслу 1912 года» [13]. Значительная часть экспонатов поступила в дар музею в 1965 г. от сына Ф. Аитовой – Ибрагима. Экспонаты данной коллекции дают представление о трудностях и характерных особенностях развития женского образования среди татарского населения г.Казани. Они неоднократно экспонировались на выставках и представлены в настоящее время в экспозиции Национального музея РТ.

Таким образом, рациональные и духовные устремления татарского национального купечества объективно способствовали укреплению авто-

ритета татарского населения города Казани, развитию просвещения и образования среди единоверцев.

Своими благотворительными акциями широкую известность в Казани получил и другой предприниматель – И.И. Алафузов. В 1868 г. 3200 руб. им было пожертвовано на три стипендии имени своей покойной жены – Людмилы – в Казанское Мариинское женское училище, в 1884 г. – 7000 руб. – на содержание 5 лиц в богадельне Казанского попечительного о бедных комитета. После его смерти – в 1891 г. газета «Казанский биржевой листок» сообщила о духовном завещании покойного. В соответствии с его желанием 200 тыс. руб. жертвовалось на возведение больницы с храмом на 50 коек в Адмиралтейской слободе. В день похорон были розданы 2 тыс. руб. бедным казанцам за упокой души покойного, всем служащим и рабочим его предприятий были аннулированы долги и штрафы, общая сумма которых достигала 6 тыс. руб. [4; 5; 6].

В 1898–1900 гг. на средства И.И. Алафузова было построено здание, которое носило официальное название «Образовательный дом имени Александра II». Первоначально здание было задумано как своеобразный массовый культурно-просветительный центр для рабочих. В образовательном доме были устроены учебные аудитории на двести учащихся, библиотека, читальня, чайная и столовая, детский сад для детей рабочих, а также зрительный зал со сценой (потому-то дом часто называли Алафузовским театром). Многочисленные фотографии этого монументального здания хранятся в фондах Национального музея РТ [10].

Заметный след в истории благотворительности Казани оставил купец Яков Филиппович Шамов. Выходец из небогатой купеческой семьи, он в молодости служил в различных торговых фирмах, постигая секреты купеческой предприимчивости. Женившись, разбогател. Шамов почитался современниками как умный и оборотистый купец, вышедший к концу века в миллионеры. Он вел оптовую торговлю зерном и мукой. Однако Я.Ф. Шамов, в отличие от многих купцов, не ограничивался пожертвованиями небольших сумм в помощь бедным, хотя и это имело место. С 1887 г. и вплоть до своей смерти (1908 г.) он был бессменным казначеем Казанского общества призрения и образования глухонемых детей. Принял активное участие в постройке для училища нового здания, сам пожертвовал для этого 5 тыс. руб., им же было передано 25 тыс. руб. на постройку здания коммерческого училища. А весь свой годовой доход – 200 тыс. руб. – он завещал на постройку больницы [16, с.146]. Уникальный документ – «Акт передачи Шамовской больницы купчихой первой гильдии А.Х. Шамовой городу Казани в 1910 году» хранится в фондах музея [14]. На документе присутствуют многочисленные подписи лиц, ставших свидетелями этого замечательного события в истории города, включая строителей здания больницы и студентов-медиков университета.

Национальный музей РТ хранит память о добрых и праведных делах наших предков и современников. Экспонаты – «немые свидетели» истории – позволяют увидеть подлинную историю российской благотворительности и понять ее масштабы на разных этапах развития страны.

Источники и литература

1. Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбоны. Казань: Алма-Лит, 2003. 183 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.359. Оп.1. Д.110.
3. ГА РТ. Ф.418. Оп.1. Д.240.
4. Казанские губернские ведомости. 1869. 10 января.
5. Казанские губернские ведомости. 1884. 23 августа.
6. Казанский биржевой листок. 1891. 31 августа, 1 сентября.
7. Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ). Фонд письменных источников. Книга поступлений письменных источников-106126 (КППи-106126).
8. НМ РТ. Фонд изобразительных источников. КППи-118488/42.
9. НМ РТ. Фонд изобразительных источников. КППи-121795/9.
10. НМ РТ. Фонд изобразительных источников: КППи-123088/24; КППи-119833/4.
11. НМ РТ. Фонд личных коллекций. №В-23018.
12. НМ РТ. Фонд личных коллекций. КППи-122272/13. 3л.
13. НМ РТ. Фонд личных коллекций: КППи-122272/14; КППи-122272/15; КППи-122272/8; КППи-122272/7.
14. НМ РТ. Фонд письменных источников. КППи-121227.
15. НМ РТ. Фотофонд. №В-23017/147; №КППи-116292.
16. Хайруллина А.Д. Казанские газеты как исторический источник изучения благотворительности (1861–1896 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1993. 264 с.

Acts, immortalized names. Kazan patrons of the 19th – early 20th centuries
(by the materials of the National Museum of the Republic of Tatarstan)

A.D. Khairullina

*National Museum of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation*

The article based on the materials of the National Museum of the Republic of Tatarstan highlights the participation of the Kazan merchants in the charitable activities of the 19th – early 20th centuries. Within the framework of this topic, the activities of both the Tatar and Russian merchants are touched upon. The stimulating motives for charity, including conditioned by religious traditions are considered. The main directions of philanthropic activity of Kazan merchants are shown.

Keywords: merchants, charity, Kazan, mosque, mekteb, shelter.

For citation: Khairullina A.D. Acts, immortalized names. Kazan patrons of the 19th – early 20th centuries (by the materials of the National Museum of the Republic of Tatarstan). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 97–102 (In Russian)

Информация об авторе:

Хайруллина Алсу Даниловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); e-mail: alsou.khayrullina.59@mail.ru

Khairullina Alsu Danilovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

Благотворительные ведомства и учреждения
под покровительством дома Романовых как институты
образования в императорской России XIX – начала XX в.
(на примере Ведомства учреждений императрицы Марии)

А.А. Хитров

*Калининградский государственный технический университет
Калининград, Российская Федерация*

Статья посвящена благотворительным организациям под покровительством императорской фамилии, действовавшим в России в XIX – начале XX в. Автор рассматривает роль указанных организаций в развитии образования в императорской России. Научный вопрос исследуется на примере Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ключевые слова: благотворительность, призрение, императорская фамилия, образование.

Для цитирования: Хитров А.А. Благотворительные ведомства и учреждения под покровительством дома Романовых как институты образования в императорской России XIX – начала XX в. (на примере Ведомства учреждений императрицы Марии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 103–116.

В XIX – начале XX в. в России действовало ряд благотворительных организаций под покровительством императорской фамилии – Ведомство учреждений императрицы Марии (включавшее Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых), Императорское человеколюбивое общество, Российское общество Красного Креста, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (с 1906 г. – Попечительство о трудовой помощи), Романовский комитет, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Эти ведомства были призваны демонстрировать заботу самодержавной власти о подданных, поскольку любая власть в любую эпоху так или иначе заботится о своем политическом имидже. Однако это не являлось главной и единственной задачей указанных ведомств. Их деятельность заключалась в привлечении, организации и использовании благотворительной общественной инициативы для оказания социальной помощи. Такой принцип организации призрения был обусловлен как существовавшими в то время представлениями о социальном попечении как обязанности общества, так и государственным и политическим устройством императорской России. При отсутствии официальной государственной

социальной политики эти ведомства фактически решали задачи призрения в общегосударственном масштабе. В их состав входили и учебно-воспитательные благотворительные заведения. Наибольшее количество таких заведений входило в состав Ведомства учреждений императрицы Марии.

Современная отечественная историография благотворительности и призрения под покровительством императорской фамилии представлена большим количеством исследований, в которых рассматриваются различные вопросы, относящиеся к указанной научной проблематике. Однако эта область далеко не исчерпана, и одним из направлений работы историков остается, в частности, изучение деятельности благотворительных ведомств как институтов образования. Этой теме посвящена и данная статья, в которой рассматривается деятельность благотворительных организаций императорской фамилии по развитию образования на примере Ведомства учреждений императрицы Марии, сыгравшего ведущую роль в развитии женского образования в России.

Ведомство императрицы Марии явилось пионером женского образования России с самого начала, когда Екатериной II было учреждено Воспитательное общество благородных девиц, или Смольный институт. Государыня ставила задачу воспитания представительниц дворянского сословия в духе идеалов Просвещения, как их понимала она сама. Устав Воспитательного общества, составленный самой Екатериной II, в первую очередь предписывал иметь попечение «...о вере, дабы заблаговременно посеять и вкоренить в сердцах благоговение, то есть безмолвное почитание христианского благочестия», которому должны способствовать «церковная служба и проповедь слова Божия» [17, с.41]. На этой основе предполагалось воспитывать светские добродетели: «...повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие...» [17, с.41]. Екатерина II полагала, что наделенные такими качествами воспитанницы, выходя из подобных Смольному институту заведений, со временем смогут преобразовать и само общество. К этому была направлена и учебная программа. Предполагалось, что благородные девицы будут изучать Закон Божий, русский язык, иностранные языки, арифметику, историю, географию, рисование, «словесные науки», заключающиеся в чтении нравоучительных и исторических книг, а также архитектуру, геральдику, «опытную физику», музыку, танцы, даже скульптуру и токарное дело. Практика показала, что учебная программа была перегружена, и поэтому со временем она была сокращена с 12 лет до 9 лет обучения. Другие институты, создававшиеся по образцу Смольного, имели шестилетний срок обучения. Императрица обратила внимание и на женское образование представителей податных сословий. В 1765 г. при Смольном институте было открыто Мещанское училище для воспитания и образова-

ния «мещанских девиц». Учебно-воспитательная программа в целом была схожа с программой Воспитательного дома, однако в нее вошли предметы, изучавшиеся на «благородной» половине Смольного, а именно: танцы, музыка, пение и иностранный язык.

Новый этап развития женского образования в Ведомстве императрицы Марии был связан с деятельностью императрицы Марии Федоровны, получившей в 1797 г. в свое ведение екатерининские заведения (с этого времени формально велся отчет истории Ведомства). Кроме того, Мария Федорова взяла под покровительство и создала ряд новых благотворительных учреждений, в том числе женских учебно-воспитательных. Основное внимание императрица уделяла совершенствованию воспитания, которое было направлено на подготовку к практическим сторонам жизни. При Марии Федоровне был переведен с немецкого «основополагающий» труд «Отеческие советы моей дочери». Об обязанностях женщины в нем, в частности, говорилось: «Бог и человеческое общество хотели, чтобы женщина зависела от мужчины, чтобы она ограничила круг своей деятельности домом...» [16, с.331]. Женщина, подчеркивалось в этой книге, должна «разделять свое существование между детской, кухней, погребом, амбаром, двором и садом» [16, с.331]. Речь, разумеется, не шла о том, чтобы воспитывать неких забитых существ. Мария Федоровна определила социальные функции женщины благородного происхождения в соответствии с представлениями эпохи. Дворянин-мужчина отдавал себя службе либо занимался благородными дворянскими делами, а на супругу возлагалось управление хозяйством, прислугой, доходами и расходами. Такой подход применялся на протяжении многих десятилетий, но он не означал пренебрежения к собственно учебной программе. Новая программа была разработана Марией Федоровной и принята в 1815 г. Этой программой предполагалось, в зависимости от класса, изучать каждый год от 11 до 17 предметов. Во второй половине XIX столетия, когда различные сегменты российского образования подвергались модернизации, обращала на себя внимание архаичная зубрежка, являвшаяся основой преподавания в женских институтах. Но нужно отметить, что сама Мария Федоровна была противником такой системы обучения. Она предписывала: «Вообще учителям иметь всемерное старание, дабы воспитанницы ответствовали во всех преподаваемых предметах собственными словами, а не вытверженными наизусть речами и ответами. ...всячески уклонять их от такого повторения, доказывающего только хорошую память, а не ясное понятие о выученном предмете» [17, с.218]. Общей религиозно-нравственной основой образования и воспитания была православная вера, в которой воспитанницы должны были утверждаться, в том числе и изучая Закон Божий. Однако религиозные основы не препятствовали введению в учебные программы новых самостоятельных дисциплин, отражавших развитие науки и техники. Свидетельством тому служит обсуждение вопроса о включении физики в учебную программу Патриотического института – однотипного с ин-

ститутами Ведомства императрицы Марии учебно-воспитательного учреждения, состоявшего вместе с рядом других благотворительными учреждениями призрения под непосредственным покровительством супруги Николая I императрицы Александры Федоровны (в 1854 г. эти учреждения вошли в состав Ведомства императрицы Марии). Управлявший учреждениями Александры Федоровны статс-секретарь М. Н. Лонгинов категорически был против включения физики в учебную программу. Аргументируя свою позицию, он, в частности, отметил, что девицы могут пострадать от умственного переутомления, подобно тому, как одна из девиц в Тамбовском женском институте, которая умерла «...от паралича в мозгу, как полагать должно, от излишнего умственного переутомления, от которого прилежную воспитанницу едва ли удержать можно» [7, с.80]. Николай I, будучи сторонником технического прогресса, думал иначе, и в 1848 г. Лонгинов согласился на преподавание в Патриотическом институте физики, которая была введена в курс всех женских институтов.

В первой половине XIX в. получило развитие женское образование под покровительством императорской фамилии для представительниц низших сословий. В 1812 г. было образовано действовавшее под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны Санкт-Петербургское женское Патриотическое общество, имевшее целью оказание благотворительной помощи пострадавшим от военных бедствий 1812 г. (позже вошло в состав Ведомства учреждений императрицы Марии и получило наименование Императорского). Постепенно в составе Патриотического общества начали создаваться низшие женские учебно-воспитательные заведения – Патриотические школы, которых к середине XIX в. было 14. Школы были рассчитаны на семилетний срок обучения, которое было «...элементарным, с профессиональным характером, применительно к потребностям бедных девиц, чтобы дать им возможность, по выходе из школ трудом своим снискать себе пропитание» [18, с.51]. Учебная программа включала основы Закона Божьего, чтение, письмо, начала арифметики, обучение рукоделиям и домашнему хозяйству.

Сосредоточение в Ведомстве императрицы Марии значительного количества женских учебно-воспитательных учреждений потребовало выработки общих правил управления их деятельностью. В 1844 г. в Ведомстве императрицы Марии для рассмотрения всех вопросов, относившихся к учебной части институтов и прочих детско-юношеских учреждений призрения, был создан Учебный комитет, который просуществовал до 1917 г. Для руководства женскими учебно-воспитательными учреждениями призрения в 1845 г. был образован Главный Совет женских учебных заведений, который возглавил принц П.Г. Ольденбургский. По инициативе принца и под его руководством было разработано принятое в 1852 г. «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений», в котором утверждалось, что «хорошие жены и добрые матери семейств суть твердые опоры Престола и благоденствия государства» [4, с.5–6]. Каждая вос-

питанница как «создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других» [4, с.9], должна была знать, что основа счастливой семейной жизни – есть покорность мужу. Наставление содержало конкретные методические указания по преподаванию всех дисциплин, содержание которых свидетельствует о том, что «нежное создание» рассматривалось все-таки как личность, а не приложение к мужу. Например, в рекомендациях по преподаванию арифметики говорилось: «Искусный преподаватель может придать ей жизнь, и развивать в учащихся способность мыслить, ибо она есть гимнастика для ума, мерило точности и определительности понятий» [4, с.26]. В отношении преподавания географии, в частности, рекомендовалось «...упражнять воспитанниц в черчении географических карт и достигнуть того, чтобы они имели точное понятие о характере каждой страны, а не довольствовались только механическим выучиванием названий городов, рек, гор и проч.» [4, с.25]. Особое внимание принц уделил изучению русского языка. Ранее он уже обращался к Учебному комитету: «Учебному же комитету поручу заняться исправлением замеченных мною недостатков в преподавании вообще и в особенности отечественного языка» [12, л.14]. На это обращалось внимание и в Наставлении. Оно призывало стремиться, «чтобы будущее поколение исправило сей важный недостаток и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда как малейшая ошибка на языке французском почитается знаком необразованности» [4, с.12]. Наставление большое значение придавало изучению отечественной и всеобщей истории. Историю следовало преподавать так, чтобы она служила «...лучшим доказательством необходимости монархического правления, к которому, после продолжительных смут и беспорядков, всегда возвращаются народы», а преподаватель не должен представлять правящие сословия только гонителями низших сословий, «ибо сии последние, достигши высших мест, не редко делались самими неистовыми карателями аристократов и народа» [4, с.18].

Принципы воспитания и обучения, сформулированные Наставлением, были закреплены и развиты в «Уставе женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии», принятом в 1855 г. Все женские заведения были разделены на три разряда «для применения воспитания девиц к состоянию их семейств» [14, с.6]. Заведения первого разряда предназначались для «дочерей дворян потомственных и лиц, приобретших военные и гражданские чины не ниже штаб-офицерского», второго разряда – для «дочерей личных дворян, военных и гражданских обер-офицеров, почетных граждан и купцов», а третьего разряда – для «девиц прочих состояний» [14, с.8]. Особый, элитарный характер имел Смольный институт. В него принимались дочери лиц, имевших чин не ниже полковника либо статского советника. Кроме того, некоторые женские заведения были выделены в особые группы. К «специальным» женским учебным заведениям относились учебно-воспитательные заведения для низших сословий, такие как школы Патриотического общества, подобные им женские школы Бла-

готворительного общества 1837 г. и Дамского попечительства о бедных в Москве, также входившие в Ведомство императрицы Марии, и другие низшие женские учебные заведения. Задача дать воспитанницам институтов первых двух разрядов какую-либо конкретную профессию в то время не ставилась. Их будущей «профессией» была роль добродетельной супруги и матери семейства, кроме того, выпускницы институтов могли работать в этих заведениях в качестве классных дам и надзирательниц. Подтвердив и закрепив главные принципы воспитания и образования в женских учебно-воспитательных учреждениях Ведомства императрицы Марии, Наставление 1852 г. и Устав 1855 г. унифицировали и упорядочили учебно-воспитательную, административно-правовую и хозяйственную деятельность этих заведений. Это позволило женским заведениям развиваться как единому комплексу учебно-воспитательных заведений в рамках Ведомства императрицы Марии. Помимо женских учебно-воспитательных учреждений призрения, в составе Ведомства императрицы Марии действовали и другие учебно-воспитательные структуры – Воспитательные дома в Москве и Санкт-Петербурге, детские приюты, ряд отдельных заведений, но наибольшее развитие в Ведомстве получили именно женские учебно-воспитательные заведения. К этому времени администрация и преподавательский состав всех учебно-воспитательных заведений Ведомства императрицы Марии получили права государственных служащих, классные чины мундиры Ведомства. Таким образом, все образовательные учреждения Ведомства приобрели государственный характер, а следовательно, и дававшееся в них образование.

Новый этап развития женского образования начался во второй половине XIX столетия. Движение страны по пути начатых Александром II реформ объективно требовало и модернизации институтов образования, в том числе входивших в состав Ведомства императрицы Марии. Этот процесс осуществлялся под руководством члена императорской фамилии – выдающегося благотворителя и организатора женского образования принца П. Г. Ольденбургского, возглавлявшего Ведомство императрицы Марии в 1860–1880 гг. Например, одним их архаичных пережитков был закрытый характер воспитания и обучения в женских институтах. Казалось бы, здравая мысль о введении в женских институтах каникул встретила возражения, суть их сводилась к тому, что закрытость институтов вознаграждалась «стройным ходом учения и воспитания» [4, с.295]. В конечном счете, в 1864 г. решение о введении каникул было принято под влиянием императрицы Марии Александровны и принца П. Г. Ольденбургского.

В конце 50-х гг. XIX в. начались преобразования в учебной части институтов. В частности, было решено увеличить срок пребывания девиц в институтах с шести до семи лет. В мае 1859 г. выдающийся русский педагог К.Д. Ушинский, назначенный инспектором классов Смольного института, представил в Совет женских учебных заведений проект преобразования учебной части женских институтов, предусматривавший введение вместо

трех двухгодичных классов семь одногодичных. Условием перехода в следующий класс должны были стать экзамены. При существовавшей системе обучения, как отмечал сам Ушинский, «экзамены были только одною лишь формальностью, и девицы переходили массаами из класса в класс, почему весьма многие девицы теряли всякую возможность следить за науками» [5, л.3]. Автор проекта полагал, что следует пересмотреть и содержание учебных программ, в частности, сделать более глубоким и содержательным преподавание естественных наук, географии, словесности. Проект был утвержден на семь лет «в виде опыта». Это нововведение не затрагивало пределов власти начальниц институтов, но объективно означало пересмотр складывавшихся десятилетиями традиций. Поэтому преобразования встретили явное недовольство администрации институтов. Тем не менее, семилетняя система обучения была введена. Реформаторская деятельность К.Д. Ушинского непосредственно в Смольном институте, стремление педагога научить воспитанников самостоятельно мыслить, критика с его стороны всей системы институтского воспитания вызвали недовольство со стороны персонала заведения, в первую очередь начальницы института Леонтьевой. Ушинский был вынужден покинуть институт, но преобразования в женских институтах Ведомства императрицы Марии продолжились. Был введен 7-летний срок обучения, усовершенствована учебная часть, учебные программы приведены в соответствие с программами средних женских учебных заведений Министерства народного просвещения. Таким образом, женские институты постепенно приняли характер средних женских учебных заведений с образованием, подтверждавшимся государственным сертификатом. При некоторых институтах открылись педагогические классы по подготовке учительниц и домашних наставниц, что положило начало формированию системы подготовки педагогических кадров внутри Ведомства. Изменения в учебных программах продолжались до конца XIX столетия. Они касались, главным образом, содержания учебных программ, количества часов на ту или иную дисциплину.

Во второй половине XIX в. в женских институтах получило развитие педагогическое образование. В этот период получение женщиной из привилегированных сословий образования и самостоятельная трудовая деятельность в консервативных дворянских и чиновничьих кругах еще рассматривались отрицательно, в передовых кругах, напротив, воспринимались как служение обществу и освобождение от традиционных предрассудков. В этих условиях педагогическая деятельность для большинства выпускниц институтов была наиболее приемлемой. Во второй половине XIX в. в некоторых женских институтах были организованы двухгодичные пепиньерские и педагогические классы (пепиньерками назывались помощницы классных дам в институтах) с углубленным изучением языков, арифметики с освоением методики преподавания этих дисциплин. Педагогические классы предназначались для того, чтобы «...способнейшим воспитанницам из числа окончивших общий курс учения... преимущественно

сиротам, предоставить возможность в течение двух лет на казенный счет подготовиться к педагогической деятельности посредством теоретических и практических занятий» [15, с.57–58]. К концу столетия педагогические классы действовали при большинстве столичных институтов, даже при Смольном институте. Уже на рубеже XIX–XX столетий представительницы дворянского сословия были вынуждены получать образование, чтобы, как выразилась одна просительница, ходатайствовавшая о принятии дочери на курсы французского языка при Николаевском сиротском институте, «...иметь возможность самостоятельно зарабатывать кусок хлеба» [13, л.1 об.]

В начале XX в. женские институты фактически утратили характер закрытых учебных заведений, первоначальной функцией которых было призрение дочерей «недостаточных» дворян и чиновников. Например, в 1904 г. в институтах 2-го разряда количество воспитанниц, призревавшихся Ведомством императрицы Марии, составляло всего 10,6%, остальные пансионерки, полупансионерки и приходящие учились платно либо за счет различных благотворительных стипендий со стороны [15, с.85]. Однако представительницы дворянства и чиновничества по-прежнему преобладали среди воспитанниц. На рубеже веков в женских институтах возросла роль образования, которое и привлекало желающих туда поступать. Вместе с тем власть по-прежнему уделяла главное внимание воспитанию. Ознакомившись с отчетом по Ведомству императрицы Марии за 1890–1900 гг., Николай II заметил: «Мне не надо, чтобы из институтов ваших выходили Ковалевские. Я требую, чтобы вы возвращали детей родителям здоровыми, сильными, чтобы впоследствии они могли быть хорошими матерями» [2, с.2]. Эта оценка, несомненно, выражает личные воззрения и отцовские чувства государя, который был примерным супругом и любящим родителем. Вместе с тем власть не закрывала перед воспитанницами двери «социального лифта», о чем свидетельствует создание в Ведомстве императрицы Марии первого в России государственного высшего женского педагогического института. Об этом пойдет речь ниже.

В начале XX в. общественные перемены в стране заставили Ведомство императрицы Марии провести преобразования и в воспитательной работе, отказаться от архаичной системы наказаний, сохранившихся с начала XIX столетия, таких, например, как обязательное ношение какое-то время на форменной одежде бумажного изображения языка за болтовню на уроках. Самым серьезным наказанием предлагалось сделать сообщение родителям о ненадлежащем поведении воспитанницы. Некоторые начальницы выступали за то, чтобы вообще устранить репрессивное начало в воспитании, заменив его убеждением. Начальница Смольного института писала: «Так как принципиально я против всяких наказаний, то я прошу классных дам не прибегать к наказаниям, а стараться действовать внутренним авторитетом, спокойствием, стойкостью, всегда требовать одно и то же...» [11, л.66]. Начальница Павловского института подчеркивала: «Я

враг наказаний вообще» [11, л.66]. Возможно, руководительницы институтов несколько приукрасили положение дел в своих заведениях, но веяния времени уловили верно.

Во второй половине XIX столетия возрос интерес общества к открытому женскому образованию, который не могли удовлетворить институты по причине сословных ограничений, высокой пансионерской платы и длительного отрыва воспитанниц от дома. Ведомство императрицы Марии выступило новатором в создании открытых сословных средних женских учебных заведений – женских гимназий, вначале назвавшихся училищами. В 1858 г. в Петербурге было открыто женское училище, получившее название Мариинского, предназначавшееся для девочек всех «свободных состояний». Программа включала Закон Божий, русский язык, историю всеобщую и русскую, географию, естественную историю, арифметику, «первые основания» геометрии, пение, каллиграфию (чистописание), рисование и изучение женских рукоделий. В этом программа Мариинского училища соответствовала программам женских институтов. Попечителем был назначен принц П. Г. Ольденбургский. Учебно-воспитательный процесс требовал регламентации, и в 1859 г. принцем был утвержден составленный под его руководством «Проект правил внутреннего распорядка Мариинского женского училища», включавший, говоря современным языком, методические рекомендации учителям. В нем, в частности, говорилось, что строгая учебная дисциплина «состоит не в мертвой тишине и не в однообразном, неподвижном физическом положении детей», а в том, чтобы они «постоянно и неуклонно были заняты тем, что составляет предмет объяснений наставника» [9, с.29]. Учитель должен был объяснять предмет ясно и доступно, следить за реакцией детей. На учителя, как на «лицо, главным образом ответственное за порядок и успехи в классе», возлагалась главная ответственность за учебный процесс [10, с.29]. Вместе с тем допускалось: ученица может «кстати» засмеяться «по поводу того, что говорит наставник, прервет речь его, или ответ своей подруги, выражением своего недоумения», если это делается в соответствии с «требованиями нравственного приличия» [10, с.29]. Будучи опытным администратором и убежденным сторонником развития женского образования, принц не имел преподавательского опыта, и едва ли он мог представить, что будет в классе, если ученица «кстати» засмеется над словами педагога. Полное выполнение предусмотренных правилами требований проведения занятий предполагало едва ли не идеального учителя, обладающего глубочайшими профессиональными знаниями, исключительным педагогическим талантом и железными нервами. Вскоре выяснилось, что одного открытого женского училища недостаточно, поэтому Ведомство императрицы Марии начало создавать аналогичные учебные заведения, как в столицах, так и в губерниях. С конца 50-х до конца 70-х гг. XIX в. в стране была создана 31 женская гимназия.

Во второй половине XIX в. произошли изменения и в учебной части начальных женских учебных заведений, входивших в состав Ведомства императрицы Марии. В 1876 г. был принят новый учебный план для школ Патриотического общества. Было увеличено количество учебных часов на изучение общеобразовательных предметов, а также выросло количество занятий по рукоделию, поскольку школы Патриотического общества были призваны готовить выпускниц к жизни людей «простого звания». Практическим выражением такого подхода явилось создание мастерской при школах, «...которая могла бы служить полезной переходной ступенью от чисто школьной жизни к самостоятельной деятельности русской трудящейся женщины; поддерживать материально окончивших курс...» [17, с.143]. Мастерскую решено было назвать «Мариинской» в честь императрицы Марии Александровны. По этому пути развитие образования и в других низших женских учебно-воспитательных заведениях Ведомства императрицы Марии.

В начале XX в. было продолжено реформирование учебной части в институтах и женских гимназиях Ведомства императрицы Марии, не отличавшихся в образовательном отношении. Учебные программы институтов и гимназий по общеобразовательным предметам были полностью стандартизованы. Среди изучавшихся предметов были такие, которым придавалось не только образовательное, но и воспитательное, идеологическое значение. Роль Закона Божьего состояла «...в развитии нравственного религиозного чувства» [6, с.22–23]. Надо отдать должное составителям учебной программы, в которой отмечалось, что эту цель «...одними уроками, как бы хороши они не были в педагогическом отношении, достигнута быть не может, ...беседа или даже одно теплое слово законоучителя может иногда сделать более, чем самое подробное богословское объяснение того или иного факта из истории догматики» [6, с.22–23]. В рекомендациях по преподаванию истории подчеркивалось: «...преподаватель истории должен иметь в виду, кроме образовательного влияния этого предмета и воспитательное его значение, которое, главным образом, заключается в пробуждении и укреплении в учащихся чувства любви к своему отечеству» [6, с.58]. Программа преподавания истории была довольно подробной и хорошо построенной с точки зрения хронологии и изложения основных событий. Серьезной была программа изучения литературы. Например, выпускные экзамены во 2 классе (старшим был 1-й) предусматривали темы от русских народных сказок до литературного творчества Ломоносова. В 1-м классе ученицы должны были иметь представление о творчестве Карамзина, Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Гончарова, Островского.

В начале XX столетия в составе Ведомства императрицы Марии было основано первое и единственное в дореволюционной России высшее женское государственное педагогическое учебное заведение – Женский педагогический институт (прочие женские высшие учебные заведения – Высшие

женские курсы были негосударственными, хотя давали государственные образовательные сертификаты). В 1901 г. по инициативе попечителя педагогических курсов в Петербурге, великого князя Константина Константиновича, внука Николая I, сына великого князя Константина Николаевича, была создана комиссия для реформирования действовавших при институтах женских педагогических курсов. В результате в 1903 г. по предложению Константина Константиновича в структуре Ведомства императрицы Марии было решено создать не среднее, а высшее педагогическое учебное заведение – педагогический институт. Женский педагогический институт являлся открытым государственным высшим учебным заведением, имевшим целью давать педагогическое образование представительницам всех сословий. Институт был призван готовить учительниц для всех женских учебных заведений империи, а также классных дам и домашних наставниц. Институт готовил учительниц «...для всех классов женских учебных заведений, а равно, классных и домашних наставниц» [8, с.1]. Для практических занятий при институте состояла женская гимназия, которой в честь великого князя Константина Константиновича было присвоено наименование «Константиновской». В институт принимались девицы не моложе 16 лет, окончившие женские институты Ведомства императрицы Марии, женские гимназии и другие приравненные к ним заведения различных ведомств. Выпускницы средних женских учебных заведений, окончившие их с теми или иными отличиями, принимались в институт без экзаменов, но не позже, чем через два года после окончания учебы. Все прочие абитуриентки подвергались «повторному испытанию», то есть экзаменам. Позже был установлен порядок, согласно которому не имевшие наград абитуриентки зачислялись по конкурсу аттестатов. В «Правилах приема в Императорский женский педагогический институт», изданных в 1916 г., было указано: «В институт принимаются по конкурсу аттестатов и наград девицы, с успехом окончившие курс по преимуществу женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии и равных им по правам женских учебных заведений» [9, с.1]. Кроме того, правилами от поступающих требовалось иметь в аттестате удовлетворительную оценку, «хотя бы по одному из иностранных языков» [9, с.1].

Успешно окончившие Женский педагогический институт и прошедшие практические занятия в Константиновской гимназии получали право преподавать во всех классах средних учебных заведений Ведомства императрицы Марии предметы, которые они изучали в институте. Эти лица имели право «...без особых испытаний получать от Министерства народного просвещения свидетельство на звание учительницы средних учебных заведений с высшим образованием по предметам их специальности, с присвоением им всех прав и преимуществ, сему званию присваиваемых» [9, с.4]. Это означало, что выпускницы Женского педагогического института могли преподавать во всех средних женских учебных заведениях империи, а также в мужских гимназиях. Выпускницам института, желавшим повы-

свить статус своего образования, предоставлялась возможность при успешной сдаче экзаменов получить «диплом в знании курса императорских университетов по соответствующему факультету» [9, с.4].

Институт разделялся на 2 отделения или, в современном понимании, факультета – словесно-историческое и физико-математическое. Позже было образовано третье отделение – естественных наук и географии. Обучение продолжалось 4 года. Первые 2 года занятия были в основном теоретическими, в следующие два года преобладали практические занятия. Количество обучавшихся на всех отделениях и курсах составляло немногим более трехсот человек. По сословному составу Женский педагогический институт резко отличался от традиционных женских институтов Ведомства императрицы Марии. Из упомянутой 331 слушательницы 218 были представительницами дворянства и чиновничества, 44 – крестьянского сословия, 32 – купечества и почетных граждан, 24 – духовенства, две являлись детьми нижних чинов, одна была иностранная подданная [15, с.9]. Способ финансирования Женского педагогического института отличался от общепринятых в Ведомстве императрицы Марии. Если подавляющее большинство учебно-воспитательных заведений Ведомства существовало на проценты с основных капиталов, благотворительные пожертвования, доходы от недвижимости и различные благотворительные сборы, то институт и Константиновская гимназия обеспечивались, главным образом, за счет казенных средств, но также из средств Ведомства императрицы Марии. В распоряжение названных заведений поступала также плата за обучение студенток и гимназисток. Пребывание в благотворительном ведомстве педагогического вуза являлось данью традиции, согласно которой женские учебно-воспитательные заведения находились под покровительством императорской фамилии, но, как и в случае с женскими гимназиями, эта традиция сыграла положительную роль.

В начале XX столетия Ведомство императрицы Марии в основном завершило создание многоуровневой системы женского образования, объединившей крупные комплексы учебно-воспитательных учреждений, к которым можно отнести женские институты, женские гимназии, женский педагогический институт с Константиновской гимназией, комплексы однотипных школ Патриотического общества, Благотворительного общества 1837 г., Дамского попечительства о бедных. Все эти комплексы обладали своей системой подготовки педагогических кадров. По состоянию на декабрь 1913 г. в 34-х женских институтах Ведомства императрицы Марии обучались 9 855 воспитанниц, в 35-ти женских гимназиях – 7 855 учениц, в профессиональных и низших женских учебных заведениях – 13 780 воспитанниц и в Женском педагогическом институте – 661 студентка [2, с.84].

Женское образование развивалось и в европейских странах к Западу от России, но там доступ женщин к государственным учреждениям образования расширялся по мере формирования общественно-политических институтов буржуазной демократии и борьбы женщин за гражданские

права. В России было иначе. Императорская власть, применяя глубоко консервативные принципы и методы, выстроила в рамках Ведомства императрицы Марии устойчивую, разветвленную, многоуровневую систему женского образования. Эта система имела и недостатки, но обладала способностью к модернизации и развитию в соответствии с требованиями времени. В ряде случаев императорская власть выступала с новаторскими идеями в области женского образования, которые реализовывались в Ведомстве учреждений императрицы Марии. О жизнеспособности этой системы свидетельствует то, что она продолжала функционировать и после февраля 1917 г., вплоть до захвата власти большевиками.

Источники и литература

1. Всеподданнейший отчет за десятилетие (1890–1900) управления Ведомством учреждений императрицы Марии. СПб., 1900. 33 с.
2. Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1913 г. Ч.1. СПб., 1914. 101 с.
3. *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России: в 4-х кн. СПб., 1901. Кн. 4. 1856–1889. 647 с.
4. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. 35 с.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.804. Д.26.
6. Основные положения, нормальная табель и учебные планы женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1905. 86 с.
7. Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913. СПб., 1913. 285 с.
8. Положение о Женском педагогическом институте Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1903. 16 с.
9. Правила приема в Императорский женский педагогический институт Ведомства учреждений императрицы Марии. Пг., 1916. 4 с.
10. Примечания // Селезнев И. Хроника ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб., 1878. 44 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.759. Оп.27. Д.285.
12. РГИА. Ф.761. Оп.1. Д.1353.
13. РГИА. Ф.1111. Оп.1. Д.20.
14. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1855. 61 с.
15. Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб., 1906.
16. *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. 1764–1914. Исторический очерк. В 3-х т. Т.1. Предисловие. Время императрицы Екатерины II. Время императрицы Марии Федоровны. СПб., 1914. 620 с.

17. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. 1764–1914. Исторический очерк. В 3-х т. Т.3. Приложения. СПб., 1915. 754 с.

18. Шумигорский Е.С. Императорское женское Патриотическое общество (1812–1912). Исторический очерк. СПб., 1912. 225 с.

Charitable departments and institutions under the paint
of the Romanovs' house as educational institutions
in Imperial Russia of the 19th – early 20th centuries
(by the example of Empress Mary's office of institutions)

A.A. Khitrov

*Kaliningrad State Technical University
Kaliningrad, Russian Federation*

The article is devoted to charitable organizations under the auspices of the imperial family that operated in Russia in the 19th – early 20th centuries. The author examines the role of these organizations in the development of education in Imperial Russia. The scientific question is investigated on the example of the Department of Institutions of Empress Maria.

Keywords: charity, charity, imperial family, education.

For citation: Khitrov A.A. Charitable departments and institutions under the paint of the Romanovs' house as educational institutions in Imperial Russia of the 19th – early 20th centuries (by the example of Empress Mary's office of institutions). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 103–116 (In Russian)

Информация об авторе:

Хитров Алексей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент Калининградского государственного технического университета (Калининград, Российская Федерация); e-mail: aleksey.hitrov@klgtu.ru

Khitrov Aleksey Anatolievich – Dr. Sci. (history), Associate Professor of the Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930

Одно из неизданных исследований историка и этнографа
Н.В. Никольского – «Марийский фольклор
как исторический источник»

Х.З. Багаутдинова, Р.Р. Исхаков
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

В публикации представлена неизданная статья видного историка, этнографа и фольклориста Н.В. Никольского (1878–1961), посвященная марийским историческим преданиям. Вводится в научный оборот текст предания о возникновении и исчезновении марийской деревни Актаял. Дается краткая характеристика труду Н.В. Никольского, в котором содержатся интересные этнографические сведения о жизни и быте мари в дореволюционный период.

Ключевые слова: Н.В. Никольский, марийские предания, Актаял, фольклор, Среднее Поволжье.

Для цитирования: Багаутдинова Х.З., Исхаков Р.Р. Одно из неизданных исследований историка и этнографа Н.В. Никольского – «Марийский фольклор как исторический источник» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 117–124.

Предисловие

Предлагаемое читателю неизданное сочинение казанского ученого и общественного деятеля Николая Васильевича Никольского (1878–1961) – «Марийский фольклор как исторический источник» является оригинальным научным исследованием, содержащим интересные этнографические материалы по истории и культуре марийского народа. В нем предпринята попытка проанализировать марийские предания с точки зрения содержащихся в них исторических фактов. Особое внимание автор уделяет преданию о деревне Актаял. Он отмечает важное значение произведений устного народного творчества в реконструкции исторического прошлого марийского народа. Особенностью марийских преданий, по мнению Н.В. Никольского, является их высокая информативность, а также широкий спектр освещаемых в них социокультурных вопросов: «Некоторые события передаются с большими подробностями. Называются имена деятелей, даются хронологические даты, описываются события и их последствия.

Сопоставляя с летописными свидетельствами данные предания, замечаем нередко полное совпадение тех и других» [1, л.1]. Статья была написана в рамках подготовки многотомной «Истории марийского народа с древнейших времен до XX века» (труд не был издан).

Рукопись была выявлена в личном фонде Н.В. Никольского (ф.6) Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Состоит из 9 машинописных листов формата 210x297 мм., написана на русском языке. Рукопись имеет двойную нумерацию: 1) сплошную архивную, черным карандашом в правом верхнем углу, 2) частичную машинописную в центре вверху страницы. В деле не содержится прямых или косвенных указаний на то, когда именно данная статья была подготовлена.

Приложение

Никольский Н.В.

Марийский фольклор как исторический источник

С топонимикой марийского края связаны предания марийского народа о прошлом. Относительно некоторых селений эти предания говорят очень подробно и охватывают не только ближайшее, но и отдаленное прошлое. Некоторые события передаются с большими подробностями. Называются имена деятелей, даются хронологические даты, описываются события и последствия их.

Сопоставляя с летописными свидетельствами данные предания, замечаем нередко полное совпадение тех и других. Разница получается иногда в именах. Так, говоря о посольстве мари в Москву в 1546 г., предание называет марийских князей Аказа¹, Ковяша, Яныкая и Акпарса². В летописи названы другие имена. Но это несколько не нарушает достоверности факта, в особенности, когда примем во внимание то, что в старину одно и то же лицо в народной среде называлось одним именем, а официально другим. Отсюда и самое название селения, основанного тем или иным лицом, имело разные названия, иногда до 4-х.

Возьмем названия, находившиеся на «Акпарсовой земле»:

---

¹ Настоящее имя Акпарса – Аказ Тугаев. Жил в деревне Нуженалы (*прим. сост.*).

² Акпарс – сотенный князь горных черемис, активный сторонник вхождения Горной стороны в состав Русского государства. Согласно историческим преданиям, в период московско-казанского противостояния 1540–1550-х гг. проявил себя как дальновидный политик и дипломат, так, в 1546 г. возглавил посольство горных мари к Ивану IV с просьбой принять в подданство. Летом 1552 г. во главе своего отряда участвовал в походе русских войск на Казань. Ни в одном из русских письменных источников времен XVI в. не упоминается имя Акпарса, в горномарийских источниках сведения об Акпарсе отрывочны. Легенды о нем передавались и пришли в Россию из уст в уста (*прим. сост.*).

с. Владимирское³, в 7 километрах от г. Козьмодемьянска, оно имеет еще 2 названия: Пызырман, Басурманово.

Паратмар, Виловато – враж. с/с.

Другие названия: Пердвяково, Юнга-Паратмар, Кого Сир.

Еласы /Иола-Сал/. Другие названия: Тятыкино /Иола-Сал/, Таткан-сола.

2-я Чермышева, иначе называют: Нужанал, Изи Сир.

Приведем несколько марийских преданий.

Предание об Актаяле

В первой половине XVII ст[олетия], в дремучих лесах левобережья Волги, на берегу «Ош-Яр» /озеро «Светлое»/, что в 10 верст[ах] от с. Отар в сторону Купланги, была деревня Актаял или, как она писалась, Еноктаево⁴. Она имела 80 дворов, т.е. была большая. Актаяльцы, как и жители других селений левобережья, пришли сюда с нагорной стороны, скрываясь от русской власти, желая избавиться от службы и царской армии и разных притеснений чиновников. В это время только таким способом оставалось марийцам облегчить хоть несколько свое положение, так как период восстаний мари уже прошел.

Тяжела и неприглядна была жизнь марийцев. В непроходимых лесных дебрях и на далеком расстоянии одна от другой были марийские деревни. Дома в деревнях были старинного образца: избы, обыкновенно, с одним окном на юг для света и дыма, двор же состоял из нескольких домов с общей изгородью. Неприглядна была деревня; единственно, что украшало ее, так это роскошная лесная природа, особенно летом. Загнанные в леса, марийцы все необходимое в своей жизни старались производить сами. Это доставалось, конечно, с большим трудом. Выезжать в другие места приходилось им только в самых необходимых случаях, так как это было не всегда безопасно и редко обходилось без неприятностей. Трудно, например, добывалась соль, за которой приходилось ездить в гор[од] Чебоксары, или Козьмодемьянск. Марийцы, когда нужно было добывать соль, обыкновенно, созывали деревенский сход, собирали денег и, выбрав самого смелого и знающего русский язык, отправляли в город за солью. За ней раньше ездили на лыжах. Доставленная соль делилась между всеми поровну. Доставщик за свой труд получал соли по одной ложке от каждого участника. Со временем за солью стали ездить верхом на лошади. Дело редко обходилось без обиды: городские ямщики отбирали у них лошадей и возвращали их только к вечеру, совершенно измученных. Чтобы избавиться от этого, марийцы стали за две версты до города втыкать иголку в заднее копыто лошади, чтобы она захромала; по выезде из города иголка вытаскивалась, и лошадь мчалась, как ветер /лошади у марийцев были быстроногие/.

---

³ Здесь и далее выделения в тексте публикации соответствуют выделениям в тексте документа (*прим. сост.*).

⁴ По преданиям, деревня исчезнувшая, вымершая в результате холеры на берегу озера Ошъяр между селом Отары и деревней Куплонга (*прим. сост.*).

Над мари́йцами были начальники. В каждой деревне был старшина. Управляя ими судья, называемый мари́йцами «вуйлык» или «тора». Был «кугу тора» /старший судья/ и «изи» /младший/ тора», выбираемые из народа. Важные дела передавались на разрешение правительственного судьи. «Вуйлык» от общества получал земельный участок. Осужденных преступников отправляли в колодках, которые для разбойников делались из осины /от колдовства/. В каждой деревне был «отдатчик» или, как мари́йцы называли, «коштан», лицо, отличающееся суровым нравом, на обязанности которого лежал набор положенного на деревню числа рекрутов и направлять их в гор[од] Чебоксары. Коштан, за недостатком людей, иногда набирал и единственных сыновей или даже пожилых людей. Мари́йцы всячески избегали военной службы, так как служба тянулась 25 лет, русского языка не знали и т.д. Немало людей скрывалось от солдатчины. За это строго взыскивали с их родителей. Поэтому иногда родители даже убивали своих сыновей. Скрывающиеся /«шилшэ салтак-вля»/ иногда образовывали шайку, которая, прячась в лесах, нападала на жителей и грабила волжские суда.

Мари́йцы имели свои праздники. Из двух праздников особенно нужно справлялся Семик⁵. Он справлялся левобережными мари в дер. Кушерге⁶ луговой, за околицей, на чистой траве. В это время парни, обыкновенно, выбирали себе невест. По окончании праздника жених в сопровождении своих родственников и товарищей выезжал верхом на хорошей лошади в удобное место красть невесту. С ними он нападал на невесту и увозил к себе домой, где и запирали в клеть. Родителями невесты и родственниками делалась погоня за невестой. Загорался большой спор, который оканчивался или отбиранием невесты или, почти всегда, примирением и получением от жениха подарка. В таком случае назначалась свадьба. В назначенный день жених ехал за приданным невесты. На свадьбе участвовали мужчины и женщины верхом на лошадях. На свадьбе пили медовщину /по-мари́йски «пура»⁷/. Совершался церемониал дарения невестой родителей и родственников жениха подарками, а также введения невесты во владение отведенной ей частью имущества в новом доме и благословения ее на новое жительство. Брак считался совершенным после того, как жених и невеста троекратно выпивали пурэ, обмениваясь ковшами /пурэ корка/. – Мари в то время не знали другого напитка, кроме пурэ. Только значительно позже от солдат они научились пить вино. В первый раз несколько мари́йцев Отарского района купили вино в Чебоксарах в складчину на три копейки. С тех пор стали пить все больше и больше.

---

⁵ Семик – один из значимых и любимых праздников мари́йцев. В нем сосредотачиваются обряды, связанные с культом предков, сельским хозяйством, семейно-брачными отношениями. Праздник способствовал сплочению сельского коллектива, единению родственных групп (*прим. сост.*).

⁶ Деревня Кушерга была образована переселенцами из деревень, располагавшихся за озером Кумьяры. В 1956 г. исключена из учетных данных (*прим. сост.*).

⁷ Квас – безалкогольный напиток из солода, или пиво – напиток из ячменно-гороха с небольшим содержанием алкоголя (*прим. сост.*).

Такова была жизнь мари в лесах левобережья во времена существования Актаяла, такова она была и у жителей Актаяла. Актаял в этом отношении ничем не отличался от других селений, разве тем, что он был больше, значительно больше многих из них. Но не суждено было Актаялу долго жить. В 1654 г. внезапно напало на него моровое поветрие и Актаяла не стало! Как мухи валились актаяльцы от поветрия и своими трупами заполнили погребные и подпольные ямы. Из многих сотен его жителей только несколько человек остались в живых, но и те покинули Актаял. И что же? – К нашему времени от Актаяла остались одни лишь следы бывшего жилья – завалившиеся погребные и гуменные ямы, осколки кирпича в земле и место это уже заросло лесом. Да, страшное время и печальную участь испытал Актаял, когда-то полной жизни.

Но не совсем внезапно напала болезнь на актаяльских жителей. Будущее бедствие предчувствовали актаяльские девушки, отличавшиеся, видимо, чувственным и впечатлительным сердцем. Раз собрались они во дворе у одной из подруг своих, посидеть под тенью дерев со своим весенним рукоделием. Набралось их 12 девушек. Однако плохо шла работа: какая-то тоска, тяжесть напала на них, чувствовалось грядущее бедствие. Одна из девушек заиграла на гусях, остальные под их звуки напели о том, что они в последний раз собрались спеть родную песню, что больше не удастся им собираться вместе, но хорошо бы, если-б[ы] судьба сохранила Актаял. Предчувствие их не обмануло: вскоре после этого не стало Актаяла.

В это страшное время по Думной дороге /Московский тракт, который пролегал по левобережью/ как-то шел русак⁸ и зашел в Актаял /Актаял стоял в полуверсте от дороги и путники всегда заходили сюда; они, может быть, и занесли холеру/. Здесь он в одном доме нашел одну девушку, которая была бледна лицом и лежала. На просьбу его дать поесть, девушка попросила его подождать, а через некоторое время встала и начала печь блины. Но неожиданно, не окончивши дела, она спустилась в подполье и не возвращалась оттуда. Русак спустился туда и, к своему удивлению, нашел там все семейство мертвым, а рядом и бездыханный труп девушки. Русак понял, что девушка собиралась помянуть блинами своих покойников, и сделал то, чего не успела она исполнить. Он узнал, что во всех домах лежат мертвые и что некому стало их не только помянуть, но даже хоронить. В Кушерге Луговой⁹ русак рассказал о виденном, но в то время такой страх напал на всех, что никто не пошел в Актаял хоронить погибших или чем-либо помочь, если бы оказались живые: все боялись занести к себе холеру.

Но в Актаяле не все погибли. В то время, когда в нем люди гибли массой, восемь парней надумали спастись отсюда бегством. Посетив в последний раз своих родных в Отарах, они направились на Волгу. Но предварительно им захотелось оставить память о себе. В 2-х верстах в сторону Волги в лесу они

⁸ То есть русский (*прим. сост.*).

⁹ Несуществующая ныне деревня Луговая Кушерга находилась в 6 км к востоку от села Арда, центра сельсовета. Была образована в XVIII в. переселенцами из деревень, располагавшихся за озером Кумьяры (*прим. сост.*).

выбрали восемь сосен, каждый по сосне, взобрались на них /марийцы очень хорошо умели лазать/, срезали им верхушки, а на высоте груди каждый на своей сосне вырезал свою тамгу /знак своего рода/, после чего удалились на Волгу, а оттуда на Каму, где и остались навсегда. Это место стало называться «Стопан палык» /памятка Стопана/, по имени одного из 8 товарищей /имена других забыты/. На этих соснах впоследствии были борти с пчелами и сосны стояли до 1864 г., когда сильный ураган повалил их вместе с другим лесом. Марийцы по слоям их насчитали им более 200 лет.

Кроме них в Актаеале остались в живых жители в семи домах. Они вовремя успели удалиться в леса и сохранить себя от холеры. Но жить в Актаеале они не стали: Актаеал превратился в ужасное место. На Актаеале лежала печать вымершей деревни. Пустынная улица, опустевшие дома, мертвецы по погребным ямам и подпольям, трупы животных, погибших от голода – все это навело на них страх и гнало из деревни. И вот пять домов переселились в Актаеуж /по Санчурской дороге, в 15 верст, от Мадар/, два двора – в Отары.

Опустевшие дома актаеальских жителей стояли около 100 лет: сначала с крышами, а затем и без них и с покочнувшимися стенками, наводя ужас своим мертвым видом, в 1740 г. окрестные жители видели на перекладине одного из актаеальских домов висевшую на открытом воздухе рубашку. Ветер ее трепал. Это навело особенно жуткое чувство на случайных посетителей этого места, и каждый в страхе старался как-нибудь не попадать сюда.

В Отары из Актаеала пришло два семейства. Во главе одного был Избай, сын его был Избан, у Избана сын Афанасий /крещеный/, у последнего – Григорий. Во главе другой семьи был Янтуш, сын его был Степан, по прозвищу Яковлев. В 1870 г. оба семейства имели 8 душ ревизских, а в настоящее время только 4 души.

Янтуш жил долго. В 1750 г., когда казенный землемер, по распоряжению правительства, размежевал актаеальскую землю, оказавшуюся незанятой, чтобы передать в казну, Янтуш показывал землемеру между актаеальских полей. Пахотное поле и одворичные места Актаеала к тому времени успел зарости мелким лесом.

Один из пяти Отарских околodков в ревизских сказках 1884 г. назывался Актаеальским /Актаеальским/ околodком, происшедшим от Избая и Янтуша, переселившихся из Актаеала после морового поветрия.

Актаеальские пришельцы, как и другие, жили в Отарах сперва дружно. Они раскорчевали леса, вскоре стали обладать большими земельными наделами, оказались обеспеченнее коренных жителей. Последние за это стали их притеснять и гнать на старые места. После долгих споров потомками пришельцев пришлось обратиться за содействием в Ардинское волостное правление. По распоряжению Правительствующего Сената последовало укрепление за переселенцами их земельных владений. В Отарах в 1885 г. по ревизским сказкам числилось 153 ревизских души, из них 8 принадлежало выходцам из Актаеала, а некоторые выходцам из других деревень.

Таково в общих чертах предание об Актаяле и о жизни мари левобережья времен Актаяла. О судьбе пяти хозяйств, переселившихся из Актаяла в Актаюж¹⁰, предание ничего не говорит.

Марийский фольклор имеет следующие характерные особенности.

Читая или записывая какое-нибудь предание об Актаяле, вы получаете сведения о целом ряде событий, связанных с жизнью и деятельностью этого героя. Оказывается, что Актаял жил на берегу Ош-Яр /озеро «Светлое»/, в 10 верстах от села Отар, в дремучих лесах левого берега Волги. Деревня Актаял имела 80 дворов. Внезапное моровое поветрие скосило всех жителей, начиная с Актаяла. В живых осталось всего несколько человек, да и те покинули деревню.

О страшном бедствии эти беженцы передали своим детям, от них предание перешло к дальнейшим потомкам. При передаче сведений обязательно указывалось, что тамга «Стопана» высечена на одной из сосен. На других соснах были борти с пчелами. Сосны стояли до 1864 года. Сильный ураган повалил их вместе с другим лесом. По слоям сосен мари насчитали им более 200 лет. Получается 1654 год. Этот как раз и есть моровое поветрие, о котором имеются свидетельства и в письменных источниках. По данным предания, его занесли сюда москвичи, бежавшие из Москвы во время морового поветрия.

Передавая это предание мари – старики заботились о том, чтобы в их передаче была точность не только фактическая, но и словесная, старик из с. Отар, Козьмодемьянского уезда, быв[шей] Казанской губернии передавал это предание в начале XIX в. В 1925 г. это предание было сообщено в Краснококшайск Отарским сельсоветом.

Марийское предание об Акпарсе обозначает местожительство этого героя на правом берегу р. Волги, в с. Еласах. По преданию, он был современником Иоанна Грозного; он привел мари правобережья Волги к подданству России в 1546 г. и с этого момента был постоянным союзником Грозного в его войнах с Казанью.

Предание говорит, что Грозный наградил Акпарса землей, лесом на территории между Сурой и Волгой, а также по р. Ветлуге.

Эта земля на плане генерального межевания названа Акпарсовой землей. Золотой кубок, подаренный Акпарсу Грозным, хранился в церкви ближайшего Спасо-Юнгинского монастыря¹¹. В конце XIX в. был взят на хранение Казанской духовной консисторией.

ОРРК НБ КФУ. Ф.6. Оп.1. Д.6. Л.1–9. Машинопись.

---

¹⁰ Совр. с. Актаюж в Килемарском районе Республики Марий Эл. Входит в состав Широкундышского сельского поселения (*прим. сост.*).

¹¹ Спасо-Юнгинский мужской монастырь (Спасский Мало-Юнгинский монастырь) – разрушенный монастырь, находившийся на слиянии Волги и Малой Юнги, около Козьмодемьянска (*прим. сост.*).

Источники

1. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Ф.6. Оп.1. Д.6.

One of the unpublic studies of the historian and ethnographer
N.V. Nikolsky – “Mari folklore as a historical source”

Kh.Z. Bagautdinova, R.R. Iskhakov
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

The publication presents an unpublished article by N.V. Nikolsky dedicated to the Mari historical legends. The legend about the emergence and disappearance of the Mari village Aktayal is considered in detail. The article contains interesting ethnographic information about the life of the Mari in the pre-revolutionary period.

Keywords: N.V. Nikolsky, Mari legends, Aktayal, folklore, Middle Volga region.

For citation: Bagautdinova Kh.Z., Iskhakov R.R. One of the unpublic studies of the historian and ethnographer N.V. Nikolsky – “Mari folklore as a historical source”. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 117–124 (In Russian)

Информация об авторах:

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: halida12_61@mail.ru

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: ishakovist@gmail.com

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Новые источники по истории татарского
дворянского рода Яушевых

И.З. Файзрахманов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Целью данной работы является введение в исследовательский оборот документов о дворянском достоинстве Баязита Яушева из д.Верхние Ерыклы Мензелинского уезда Оренбургской губернии, представленных им в Оренбургское дворянское депутатское собрание для доказательства своего именитого происхождения в 1832 г. Анализ документа наряду с привлечением других архивных источников позволяет реконструировать историю одного из известных татарских княжеских родов, определить необходимую для утверждения в дворянском достоинстве доказательную базу, выяснить особенности взаимоотношений Яушевых со своими крепостными.

Ключевые слова: Яушевы, татарские мурзы, дворовые люди, земельные споры, д.Верхние Ерыклы, Мензелинский уезд, ревизские сказки.

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Новые источники по истории татарского дворянского рода Яушевых // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 125–136.

Предисловие

Одним из актуальных направлений отечественной историографии остаются исследования о татарских дворянских родах, представители которых зачастую выделялись активностью в решении различных вопросов экономического и общественно-политического характера. Эта тематика обширна и вначале требует изучения истории отдельных мурзинских родов. Среди них особую известность приобрели князья Яушевы из с.Кошары (ныне – Атинский район Республики Татарстан). Представители этого рода в исторических документах нередко фигурируют активными участниками спорных вопросов, требовавших обращения в судебные инстанции. Предметом судебных разбирательств в большинстве случаев становились земельные споры.

В фонде Казанской палаты гражданского суда Государственного архива РТ хранится несколько дел, в которых отложились материалы о спорных землях Яушевых с крестьянами по ряду населенных пунктов. Наше внимание привлекло дело, заведенное с прошения троицкого купца Гайсы Юсуповича Яушева в 1857 г. о решении претензий на земли, находившиеся в кошарских владениях Яушевых [1]. Яушевы проживали в д.Кошары с давних времен, однако предки Гайсы Яушева в свое время переехали в д.Верхние Ерыклы, где имели земельные владения и дворовых

людей. Деревня Верхние Ерыклы (другое название Сименеево), ныне расположена в современном Нижнекамском районе Татарстана. Ранее она находилась в составе Зюрейской дороги Казанского уезда, с 1782 по 1920 г. в Мензелинском уезде (при этом Мензелинский уезд в 1782–1796 гг. и 1865–1920 гг. входил в состав Уфимской губернии, в 1796–1865 гг. – Оренбургской губернии).

Так как для судебного рассмотрения требовалось представить как можно больше доказательств, Яушевыми были переданы многочисленные копии и выписки из документов о владении землями, дворовыми людьми, ведомости о числе душ, сведения о составе семей, заключения по прежним судебным разбирательствам и т.д. В данной публикации мы приводим текст, в котором представлены копии (выписки) с документов за 1832 г. о дворянском достоинстве Баязита Яушева, проживавшего в д. Верхние Ерыклы. Баязит не был близким родственником Гайсы Яушева, но они были из одного рода.

Какие же документы были представлены Баязитом Яушевым в Оренбургское дворянское депутатское собрание для доказательства дворянского достоинства (поясним, что копии этих документов за 1832 г. от Гайсы Яушева поступили для рассмотрения в Казанскую палату гражданского суда значительно позже – в 1857 г.)?

1-й документ. Копия грамоты царя Михаила Федоровича Семенею мурзе князя Баишева (Багишева) сына Яушеву на княжеское достоинство от 3 июня 7136 г. (13 июня 1628 г. по григорианскому календарю). В документе упомянуты Яуш, его сыновья – Баиш (Багиш) и Кадыш, сын Багиша Семеней, сын Кадыша Иванай. Все они были именованы титулом князь и были «пожалованы княжением» за их службу царю. В д. Сименеево проживало несколько семей Яушевых. Все они происходили от Семеней Багишева сына Яушева, который получил поместье в этих местах. Отсюда и название деревни – Сименеево.

2-й документ. Вслед за грамотой царя в ответ на челобитье Семеней Яушева и его сына Исканей (Меней, Исаней) последовала грамота казанских воевод Матвея Михайловича Годунова и Петра Ивановича Мансурова о даче им пустоши вблизи речки Зай от 21 июня 7152 г. (1 июля 1634 г. по григорианскому календарю). В челобитье они просили дать им поместье «по сто чети человеку в поле, а в дву по тому ж в поместье со всеми угодыями». В современном исчислении это примерно по 50 гектаров пашенной земли каждому из них, по 50 гектаров под озимые/яровые и еще столько же земли под пар, вместе с остальными угодыями. В документе также указывается местоположение пустующих земель между реками Зай и Уратьма, а также весьма неопределенные участки на территории современных Елабужского (Танаевский стан) и Менделеевского (речка Ерыкса) районов Республики Татарстан. Определение географических названий усложняется из-за неточного их написания в копии документа, которая

переписывалась не с оригинала, а с копии, в свою очередь, последняя также могла быть скопирована с ошибками.

3-й документ. Свидетельство князей Яушевых из д.Арсланово Белебеевского уезда Оренбургской губернии о выключении их из личных податей по указу Сената от 1 декабря 1796 г. и внесении их в 4-ю часть Дворянской родословной книги по Оренбургской губернии (май 1824 г.). Белебеевские Яушевы свидетельствовали, что их «однородец», проживавший в Мензелинском уезде, отставной поручик Мухамет Усманов сын князь Яушев с детьми Шингареем и Баязитом действительно происходили от их общего пращура Семеней Баишева (Багишева) Яушева, которому по грамоте царя Михаила Федоровича 1628 г. было дано княжеское достоинство.

История признания представителей рода Яушевых в княжеском достоинстве проходила с большими сложностями. Как известно, в Казанской губернии стремления Яушевых доказать свое именитое происхождение столкнулись с серьезной административной и бюрократической системой, и никакого результата они не смогли добиться – остались в податном сословии (лашманы или государственные крестьяне). Другая ситуация была в Оренбургской губернии, где многие татарские дворянские роды относительно легко смогли доказать свое благородное происхождение и были записаны в 4-ю часть Дворянской родословной книги, т.е. как представители иностранной знати, поступившие на службу русскому царю. Яушевы, переселившиеся в д.Арсланово Белебеевского уезда, о которых идет речь в документе, в 1796 г. были признаны в дворянском достоинстве. Казалось бы та же ситуация должна была повториться с Яушевыми из д.Верхние Ерыклы, ведь они проживали в той же Оренбургской губернии. Однако ерыклинским Яушевым признание в дворянстве давалось непросто.

4-й документ. Свидетельство штабс- и обер-офицеров Мензелинского уезда Оренбургской губернии о семействе отставного подпоручика князя Мухамета Усманова сына Яушева от 28 мая 1829 г. Сам Мухамет Усманов сын Яушев умер еще в 1824 г. После него остались жена Сахипзямал Халитова, сыновья Баязит и Шингарей, дочери Фатима, Загира и Зулейха.

5-й документ. Копия свидетельства подпоручика князя Мухамета Яушева о его отставке от 24 марта 1787 г. Сообщалось, что Мухамет служил сначала фурьером (унтер-офицер, поставщик провианта в войске), затем поручиком. Свидетельство об отставке за его болезнью было дано от полковой канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка.

6-й документ. Поколенная роспись Яушевых (август 1824 г.). В поколенной росписи были указаны основные предки просителей, от которых шел их род: Яуш → Багиш → Семеней → Меней (Исеней) → Богдан → Мустафа (Мустай) (1667–1772) → Семеней (1690–1760) → Усман (1724–?) → Мухамет (?–1824) (поручик) → Баязит (проситель). Отмечено, что все, кроме Баязита, были в армейской службе, вели благородную жизнь, в подушном окладе не состояли, но в княжеском достоинстве до сих пор не были утверждены. Справедливости ради отметим, что Мустафа и его се-

мейство, в том числе сын Семеней и внук Усман, были записаны в ревизских сказках д.Кошар Алатской дороги Казанского уезда и как все должны были платить подушную подать [8, с.123].

7-й документ. Копии с ревизских сказок о дворовых крестьянах Мухамета Усманова сына Яушева в д.Верхние Ерыклы. Год проведения ревизии не указан, вероятно, речь идет о копиях со сказок последней 7-й ревизии 1816 г., когда Мухамет еще был жив. Малоизученный вопрос о взаимоотношениях ерыклинских Яушевых со своими дворовыми крестьянами (крепостными), которые составляли почти все населения деревни, требует подробного рассмотрения ниже.

Как свидетельствуют большинство документов, крестьяне признавали свою зависимость от Яушевых, правда, у последних были только копии из ревизских сказок, а более ранних документов, доказывавших, что они владели ерыклинскими крепостными с давних времен, у Яушевых не было. Ситуацию осложняло и то, что в ревизских сказках дворовые Яушевых были записаны неоднозначно. Так, предки Юсупа Смаилова Яушева имели дворовых в этой деревне с 1666 г. Но при проведении V ревизии в 1795 г. его дворовые были записаны как служилые, в связи с чем Юсуп требовал от Уфимской казенной палаты составить новый список, где бы эти крестьяне именовались его дворовыми, а прежнюю сказку уничтожить [5, л.191–192об.]. Казенная палата недоумевала по тому факту, что его дворовые в IV ревизии были записаны «в полном государственном окладе» и не понимала, как они могли быть купленными или крепостными [5, л.200–201об.]. В итоге суд встал на сторону Яушевых и постановил оставить дворовых в прежнем «первобытном их звании» [3, л.37].

Другой случай произошел в 1794 г. В Мензелинском уездном нижнем суде слушалось дело о побеге Масыгута Калчумова – дворового человека подпоручика Мухамета Усманова сына князя Яушева. Из допросной речи татарина Масыгута Кучумова, который с позволения выборного Ишали Шарыпова и старосты Юсупа Смаилова на своей лошади поехал в д.Кумургузя Арского уезда к своей родной сестре, но, не доехав до деревни 5 верст, был пойман своим помещиком, который заявил, на каком это основании он посмел без его позволения отлучиться, и передал Кучумова в Арский уездный нижний земской суд, откуда тот был сопровожден в Мензелинск для дальнейшего судебного разбирательства [2, л.21–23].

По российским законам (точнее, по плакату от 26 июня 1724 г.) крестьянину позволялось уезжать не далее 30 верст от места жительства и то с письменного разрешения помещика. В случае необходимости разрешалось выехать за пределы уезда по пропускным письмам, получаемым от уездного земского комиссара. У Кучумова как раз не было письменного разрешения. В итоге суд постановил, поскольку он поехал с разрешения старосты и выборного и по незнанию и глупости попал в такую ситуацию, дать ему билет и отпустить домой [2, л.24об.–25об.].

Таким образом, сложности во взаимоотношениях Яушевых с их дворовыми людьми, когда последние часто не слушались, считая первых равными им государственными крестьянами (несмотря на то, что в прежние времена предки тех же дворовых и находились в полной зависимости от князей), вызывались, главным образом, из-за нежелания государства признавать потомков татарских мурз в дворянском происхождении.

Возвращаясь к документам из публикуемого источника, отметим, что на основании этих документов Оренбургское дворянское депутатское собрание в 1832 г. вынесло определение о достаточности представленных доказательств и, согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 г., о внесении просителя вместе с родственниками в 4-ю часть Дворянской книги и даче им грамоты, а также каждому копию из протокола. Дворянского достоинства удосужились всего лишь 5 человек – все они дети умершего к тому времени отставного подпоручика Мухаметя Яушева: Баязит (проситель), его брат Шингарей, служивший унтер-офицером в Оренбурге, их сестры Фатима, Загира и Зулейха. Больше никто из ерыклинских Яушевых не был удостоен дворянского достоинства. В ведомости о мурзах, проживавших в Оренбургской губернии, за 1835–1837 гг. из ерыклинских Яушевых значатся Баязит и Шингарей Яушевы (женский пол здесь пропущен) [4, л.47об.].

Некоторые из Яушевых были записаны в ревизских сказках д.Верхние Ерыклы за 1816 и 1850 гг. [6, л.460–462; 7, л.950–953]. Всего таких семей было три, которые со временем разрастались и оставили многочисленное потомство. Большинство из них были потомками Смаила Яушева (1708–?) – его отец вышеупомянутый Мустафа Богданов сын Яушев. Последнее обстоятельство свидетельствует, что для доказательства своего именитого происхождения Яушевым необходимо было приложить максимум активности, и не все были в состоянии это сделать.

Приложение

11 февраля 1832 г. – Копия с документов о дворянском достоинстве Баязита Яушева из д.Верхние Ерыклы Мензелинского уезда Оренбургской губернии, представленных им в Оренбургское дворянское депутатское собрание для доказательства своего именитого происхождения

// [л.123]

Копия от копии

Гербовая печать

1832 года февраля 11-го дня

По указу Его Императорского Величества.

В Оренбургском дворянском депутатском собрании слушали предложенное Г. Губернским предводителем дворянства и кавалером Пальчи-

вым прошение жительствовавшего Оренбургской губернии Мензелинского уезда в деревне Верхних Ерыклах Семенеева тож умершего отставного армии подпоручика Мухаммета Яушева сына Баязита Мухаметева Яушева, в коем прописывая, что предки его князь Семеней Багишев и сын его Меней, служа Великому Государю, царю и Великому князю Михайлу Федоровичу всея России самодержцу, и за службы жалованы княжеским достоинством землею и крестьянами, после которых остался он с братом, служащим ныне в Оренбургском батальоне №2 унтер-офицером, Шенгареем и сестрами: Фатимой, Зягирой и Залюхой, но по дворянству нигде еще не записаны, почему ныне к удостоверению о происхождении их из княжеского происхождения, приложу на пожалование вышеписанных предков их княжеским достоинством копию с грамоты, засвидетельствованную в Мензелинском уездном суде, и подлинную грамоту на землю, каждая состоит в Мензелинском уезде при деревне Верхних Ерыклах Семенеева тож и обмежевана бесспорно в 1802 году за покойного отца их, на что имеет план и межевую книгу, а ныне состоит и с крестьянами 18 душами во владении их: два свидетельства 1-е от Высокоблагородных и Благородных особ, 2-е от однородцев, удостоверяющиеся, что подлинно покойный отец их отставной подпоручик князь Мухамет Усманов Яушев и он с братом и сестрами из роду князя Семеней Баишева сына Яушева, копию с паспорта об отставке отца их от военной службы, поколенную запись за утверждением подписом родственников, живущих Оренбургской // [л.123об.] губернии в Белебеевском уезде и благородных дворян и копию с ревизских сказок о крестьянах, засвидетельствованную Мензелинским уездным казначейством, просит о внесении их по Оренбургской губернии в Дворянскую родословную книгу, в какую часть принадлежать будут и о выдаче ему и брату с протокола копии, а сестрам его свидетельство в приложенных же документах значит:

1-е) В копии грамоты Божиею Милостию Мы Великий Князь Михаил Федорович, всея России самодержец Владимирский, Московский, Новгородский, царь Астраханский, царь Сибирский, Государь и Великий князь Новгородский, Низовские Земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифлянский, Ударский, Обдорский, Кандийский и всея северная земли, черкесских и горских князей, иных многих государств Государь обладатель пожаловали есмы служилого Семеней мурзу князь Баишева сына Яушева за службы деда его за князя Яушева и дяди его за князя Кадышева и брата его за князь Иванаева и за отца его князь Баишеву и за его Семенееву службу княжением как был пожалован отец его князь Баиш и князю Семенею нам Великому Государю служите и во всём примите так же как дед его и отец и дядя и брат его служили и в мировых людях шалости и всякого умышления провидывать дана сия нам жалованная грамота в царствующем граде Москве, лета в 7136¹ июня в

---

¹ 13 июня 1628 г. по григорианскому календарю.

третий день, на подлинной грамоте на обороте написано тако: Царь Великий князь Михайл Федорович всея России Самодержец; справил дьяк Федька Мамотышин, у оной же грамоте на красной шелковом спуке² красная восковая печать, 2-е) В грамоте по Государеву цареву и Великого князя Михайла Федоровича Всея России указ боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов, Петр Иванович Мансуров, дьяки Степан Угодской, Федор Рыбинской дали грамоту князь Семенею Баишеву да сыну его Исканею мурзе для того били они челом Государю царю и Великому Государю Михайлу Феодоровичу Всея России, сказали есть де пустошь по Роренской дороге³ за Камою рекою промер Заю реки до Уральмы речки⁴ Верхняя Шемса Шанлычевский мыс да Танаевской стан⁵ то Ерыксарь речки⁶ и обе стороны с устья и до вершины да на устье Зей речки и Уранны сенные покосы, а та де и земом лежит в пусте и не владеют тою пустошью никто и государю обеих пожаловать велели нас и с той пустоши дали по сту чети⁷ человеку в поле, а дву по тому ж в поместье со всеми угодыями в додачу к старым их казанским поместьям и тое пустоши по Роренской дороге за Камою рекою промер Зей речки до Уранне речки Верхняя Шемса Танлыевской мыс, до Танаевский стан до по Ерыксирь речки по обе стороны с устья и до вершины и на устье Зей речки такими урочищи⁸ в писцовых и в отдаленных книгах⁹ и в поместных дачах ни за кем не сыскано и в нынешнем 142 году¹⁰ июня в день по приговору боярина и воеводы Матвея Михайловича Годунова, Петра Мансурова, дьяков Степана Уготцева, Федора Рыбинского, дана пустошь по Зюрейской дороге за Камою рекою промер Зей речки до Уранны речки Верхняя Шемса Шанвелевской мыс да Тасыевской стан да по Ерыксарь речки по обе стороны с устья и до вершины да на устье Зей речки в поместье князь Семенею Баишеву да сыну его Исенею мурзе к прежним их // [л.124] поместьям в дачу за[...] пашню за сто чети по пятидесять чети человеку в поле и в дву по тому ж будет та пустошь лежать впусе но владеет никто и спору ни с кем не будет, а самим им князю Семенею и сыну его Менею на той пустоши на самом и ко-

² «шнуре».

³ «по Зюрейской дороге».

⁴ Уратьма – река в России, протекает в Нижнекамском районе Татарстана.

⁵ В Елабужском районе РТ.

⁶ Ерыкса – река на границе Удмуртии и Татарстана, правый приток реки Возжайка.

⁷ Четь – мера площади – 1/2 десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара.

⁸ Урочище – местность, отличающаяся от окружающего участка какими-нибудь естественными признаками, например, лес среди поля, болото и т.п.

⁹ «отказных книгах». Отказные книги – документы (юридические акты) об «отказе» (пожаловании; передаче в пользование) земельных угодий дворянам, служилым людям, ясачным крестьянам в Русском государстве в XVII – начале XVIII в.

¹⁰ 1 июля 1634 г. по григорианскому календарю.

торая крестьяне на той пустоши впредь учнут жить, помещика князя Семена и сына его Менея слушали, пашню на них пахали и доход им помещикам платили чем они кого по оборочат. К подлинной грамоте Государеву цареву и Великого князя Михаила Федоровича всея России печать царства Казанского приложили боярин и воевода Матвей Михайлович Годунов лета 7142 года июня в 21 день; на подлинной грамоте на обороте [...] подписано тако: дьяк Федор Рыбенский, справил Гришка Аширев и печать черная восковая приложена; 3) В свидетельстве 1824 года мая «» дня мы нижеподписавшиеся Оренбургской губернии Белебеевского уезда князя Яушевы выключены из личных податей по указу Правительствующего Сената от 1-го числа декабря 1796 года и внесенные по Оренбургской губернии в 4 часть дворянской родословной книги, по долгу присяги свидетельствуем в том, что однородец наш живущий в Мензелинском уезде отставной армии поручик Мухамет Усманов сын князь Яушев с детьми его Шингареем и Баязитом действительно происходят от пращура их князя Семена Баишева Яушева жалованною по грамоте от Великого Государя, царя и Великого князя Михаила Федоровича в 7136 году в княжское достоинство и оная подлинная грамота хранится у него Мухамета Усманова Яушева, в подушном же окладе он и дети его не состояли и ныне не состоят, в чем и подписались татарским подписом из мурз князя Яушевы, а именно: Мухаметкунафия, Хасян и Шаммас Габдуллины, Шафирдан, Зейнигабедин, Кагарман Мухаметзелилевы, Фаткулла и Шагиахмет Шаммасовы, Хусейн, Фарахша Хасяновы и Муртаза Губделсалиямовы, переводил переводчик князь Мамшардин Чанышев; 4) В свидетельстве 1829 года мая 28 дня мы нижеподписавшиеся Оренбургской губернии Мензелинского уезда оногo штабс и обер-офицеры по чистой совести и делу присягу удостоверяем, что подлинно покойной отставной подпоручик князь Мухамет Усманов сын Яушев из роду князя Семена Баишева сына Яушева и от него Мухамета Усманова сыновья Шингарей и Баязит, имеющие отроду первый 20, второй 15, дочери Фатима 29, Зюгура 25 и Зюлейха 22 лет; и действительно все они приняты в чине подпоручика от законной его жены Сахипземалы Халитовой по муже Яушевой, в чем свидетельствуя и подписались: 8-го класса кавалер Илья Филипович, коллежский советник и кавалер Шасудко-Тектонов, майор Илья Аристов, штабс-капитан Иван Журавлев, титулярный советник Григорий Шестаков, коллежский секретарь Ермолай Кашин, коллежский регистратор Павел Ошташкин, коллежский секретарь Василий Лютор, поручик Михаила Казанцов, что оное свидетельство утверждено подписом вышеписанных свидетелей, // [л.124об.] в том удостоверил Мензелинского и Бирского уездов предводитель дворянства Сергей Пальчиков; 5) В копии с паспорта по указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны самодержцы Всероссийской и прочия и прочия и прочия объявитель сего армии поручик князь

Мухаметъ Яушев служил сначала в гвардии фурьером¹¹ и 1787 года генваря в 11 день по Высочайшей от Ея Императорского Величества на поднесенном от полку докладе конфермации за болезнею его от военной службы и за добропорядочную его службу из фурьеров и оказанным армии подпоручичьим чином отставлен. Того ради жить ему в России свободно в свидетельство чего сей [...] лейб-гвардии Преображенского полку из полковой канцелярии ему дан в Санкт-Петербурге января 10 дня 1787 года; на подлинном подписано Ея Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни моей от армии генерал-майор лейб-гвардии Преображенского полку премьер-майор и орденов российских святого равноапостольского князя Владимира Большого креста 2-й степени и военного святого великомученика и победоносца Георгия кавалер Николай Принцев, полковой секретарь Дмитрий Иванов; Ея Императорского Величества лейб-гвардии Преображенского полка полковой канцелярии печать приложена, подлинный билет в Казанском наместническом правлении явлен и в книгу подлинником под №5-м записан марта 24 числа 1787 г.; на подлинном свидетельстве написано советник Николай Зинов, секретарь Решуар. б) В поколенной росписи Семеней Баишев мурза служил и за службу пожалован князем как был пожалован отец его князь, на что пожалован от Великого Государя Михаила Феодоровича в 7136 г. на княжеское достоинство грамотою, у него сын Менеи Семенев служил в армии и жалован землею, от оногo сын Богдан Менеев был в службе и помер, у оногo сын Богдан находясь в службе помер, у него сын Семен Мустаев был в службе и помер, у него сын Усман Семенов, будучи в службе помер, а от сего сын Мухаметъ Усманов служил в гвардии в отставке подпоручиком, пользовался землею и крестьянами, в 1824 году помер, у него два сына Баязит Мухаметев 10 лет, нынешний проситель Шингарей Мухаметев 15 лет, на подлинном написано: 1824 года августа «» дня мы нижеподписавшиеся по долгу присяги и сущей справедливости росписи фамилии Яушевых предок Семеней Баишев действительно из мурз // [л.125] жалован за службу княжнех, на которое жалован грамотою в 7136 году, что и называется подлинною грамотою, а прочие значущиеся в поколенной росписи совершенно от того колена из князей и ведут жизнь благородную, в подушном окладе не состояли по наупотреблению ж о том княжестве от них просьбе остаются донине неутвержденными. В чем свидетельствуется подписом от службы уволенный полковник Петр Тихановский, 3-й из дворян надворный советник Петр Каменский, отставной капитан и кавалер Алексей Плиецкий, капитан Акинфий Суворов, капитан Николай Останков, титулярный советник Сергей Борозна, поручик Сергей Пальчиков, поручик Иван Товарищев, штаб-капитан Иван Журавлев, поручик Сергей Суворов, штабс-капитан Михайла Дударь; подпоручики Инокентий Камен-

¹¹ Фурьер – унтер-офицер, которому поручена заготовка съестных припасов, фуража и квартир для своей роты; поставщик провианта в войске.

ский Путята, уездный предводитель дворянства Пальчиков и все оные приложения явлены в уездных судах в Мензелинском и Белебеевском. 7) В копии с ревизской сказки показано за отставным подпоручиком князем Мухаметъ Усмановым Яушевым крестьян мужеска 18 и женска 20 душ, а законами повелено во всемилостивейшей пожалованной на право вольности и преимущества благородному дворянству грамоте 1785 года с правкою апреля 21 дня¹² в статьях 80-м в четвертую часть родословной книги внесуд все иностранные роды по алфавиту толкование иностранные роды не иные суть как те, кои в российское подданство вступили, но коих упомянуто в указах 195 года¹³ о исполнении разрядной родословной книги 85, буде же при рассмотрении документов единогласно или два трети голосов находят доказательства достальными тогда тот род внесут в родословную книгу наместничества дадут тому роду грамоту за своим подписанием и приложением печати Дворянского Собрания той губернии и в грамоте напишут, что по предъявленным документам тот род внесен в родословную книгу наместничества в такой то части 92-я. 6-е) указы на дачу земель или деревень // [л.125об.] [...] сие по дворянской службе поместьями. Определено: Депутатское собрание, рассматривая документы при прошении от князей Баязита Мухаметова сына Яушева приложенные, находит оная к доказательству благородного происхождения достаточными и потому по силе Дворянской грамоты 1785 года апреля 21 дня, Высочайше дарованной 80, 86 и 92 статей полагает прошение того просителя с братом Шингареем и сестрами Фатимой, Загирой и Залюхой внести в 4-ю часть Дворянской родословной книги и дать им в род грамоту и каждому с протокола сего копию, а сестрам свидетельства; о чем донести герольдии с представлением со всех документов и с протокола копии, подлинный подписали: губернский предводитель дворянства Пальчиков, уездные дворянские депутаты Горбовский, Ломоносов, Шильников, Михайлов, секретарь Шеваков. По указу Его Императорского Величества и по прошению из князей Баязита Мухаметова сына Яушева дана сия копия с определением 1832 года февраля 11 дня постановленного вышеозначенного просителя брата служащему в Оренбургском батальоне №2 унтер-офицеру Шангарею Мухаметову Яушеву в освидетельство о княжеском его происхождении за подписом губернского предводителя дворянства С.Пальчиков, с подлинною верно секретарь дворянства Шеваков, с подлинным читал столоничальник титулярный советник Ефим Иванов, данной выписи Оренбургского дворянского депутатского собрания сургучная печать приложе-

---

¹² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. XXII. №16187. С.344–358 (Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г.).

¹³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. II. №1207. С.815–816 (Именной указ о составлении родословной книги и внесении княжеских и дворянских родов по степеням от 13 сентября 1686 г.).

на, копию сверял секретарь Михайла Попов, скрепил губернский секретарь регистратор Будрин, по указу Его Императорского Величества и подчиненной Оренбургской губернии в Мензелинском уездном суде на поданное в сей от обер-офицерских детей: служащего в Оренбургском батальоне №2 унтер-офицера Шингарея // [л.126] и неслужащего Баязита Мухаметовых детей Яушевых прошению, резолюции дана им сия просимая копия с таковой же представленной ими и выданной из Оренбургского дворянского депутатского собрания с определения в оном учиненного 1832 года февраля 11 дня о княжеском их происхождении, которая в оригинальную читана и оказалась верна, в чем уезд. суд за подписом присутствующего и с приложением печати и свидетельствует февраля 25 дня 1832 года подлинное подписали дворянский заседатель Брудинский, секретарь Попов, губернский регистратор Будрин и приложена печать. По указу Его Императорского Величества копия эта выдана от Мензелинского земского исправника поверенному от наследников из мурз татарина Валита Смаилова Яушева, артиллерии подпоручику Маслоу в следствие поданного от него прошения с вытребованного от жены покойного подпоручика Баязита Яушева документа июля 4 дня 1852 года. Подписал Мензелинский земский исправник Скарятин. У сей надписи печать Мензелинского земского исправника. Верно секретарь Гилев, Александр Чубовский. По указу Его Императорского Величества из Оренбургской палаты гражданского суда выдана сия копия с копии Троицкому 3-й гильдии купцу Гайсе Юсупову сыну Яушеву в следствие прошения его о том и состоявшейся по оному 16 мая 1856 года, резолюции мая 31 дня 1856 года подлинное подписали заседатель от купечества И.Серебряников, секретарь Гелев, столоначальник Чубовский и приложена печать Оренбургской палаты гражданского суда.

ГА РТ. Ф.12. Оп.103. Д.1. Л.123–126.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.12. Оп.103. Д.1.
2. ГА РТ. Ф.1241. Оп.2. Д.338.
3. ГА РТ. Ф.168. Оп.1. Д.836.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-1. Оп.1. Д.1343.
5. НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.49.
6. НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.300.
7. НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.668г.
8. *Файзрахманов И.З.* Мурзинские роды Казанской губернии: свидетельства их именитого происхождения согласно сведениям Казанской губернской и провинциальных канцелярий за 1780 год // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С.119–162.

New sources on the history of the Tatar
noble dynasty of Yaushev's

I.Z. Faizrakhmanov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The purpose of this work is to introduce into the research circulation documents about the nobiliary status of Bayazit Yaushev from the village of Verkhniye Erykly of Menzelinsky district of Orenburg province, presented by him to prove his eminent origin in 1832. The analysis of the document, along with the involvement of other archival sources, allows us to reconstruct the history of one of the famous Tatar princely families, to determine the evidence base necessary for approval in nobiliary status, to find out the features of the relationship between the Yaushev's and their serfs.

Keywords: Yaushev's, Tatar Murzas, courtyard people, land disputes, Verkhniye Erykly village, Menzelinsky district, revision lists.

For citation: Faizrakhmanov I.Z. New sources on the history of the Tatar noble dynasty of Yaushev's. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 125–136 (In Russian)

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: istorkazan@mail.ru

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.4/.5)"15/19"(049.32)

Рецензия на книгу:
Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона
в материалах правительственной статистики (вторая
половина XVI – начало XX в.): монография (Казань, 2021)

А.В. Ахтямова, И.З. Файзрахманов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

В отзыве представлена характеристика содержания монографии, посвященной изучению демографического и социального развития татар Волго-Уральского региона на основе комплексного анализа статистической информации. В нем подчеркивается высокая актуальность, большая научная и практическая значимость рецензируемой монографии, охватывающей период в три с половиной столетия – с момента падения Казани, когда активизировались миграционные процессы среди подданных бывшего Казанского ханства, вплоть до начала XX в. Отмечаются достоинства монографии и некоторые недостатки в интерпретации статистических источников для раскрытия этой сложной и многогранной темы.

Ключевые слова: ревизские сказки, писцовые и переписные книги, Первая всеобщая перепись населения 1897 г., татары Волго-Уральского региона, Казанская губерния, Уфимская губерния.

Для цитирования: Ахтямова А.В., Файзрахманов И.З. Рецензия на книгу: Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.): монография (Казань, 2021) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 137–143.

Этноконфессиональные и демографические процессы в Волго-Уралье не раз становились предметом научных изысканий, но организационно-методологические аспекты опыта проведения переписи населения в регионе в дореволюционный период до последнего времени оставались малоизученными. Исследование динамики численности и движения населения, территориального размещения, связанные с этим вопросы этнического самоопределения являются актуальными и имеют как научную, так и практическую ценность в современном мире. Статистический учет каждого жителя страны – мероприятие государственной важности. Учитывая возрастающую потребность в осмыслении результатов переписей, обращение к многовековому опыту России в области организации и проведения статистических кампаний становится особо востребованным. Это об-

стоятельство актуализирует проблематику рецензируемой монографии И.К. Загидуллина [2].

Автор проделал большую исследовательскую работу с материалами учета населения второй половины XVI – начала XX в. с целью дать социально-демографическую характеристику процессам, протекавшим, главным образом, в среде татарского населения Волго-Уральского региона. Решая в монографии два круга взаимосвязанных задач: рассмотреть основные этапы, принципы и механизмы проведения статистического учета населения в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI – начале XX в. – с одной стороны, и выявить по документам правительственной статистики 1897 г. объективность данных о татарах по некоторым ключевым критериям исторической демографии – с другой, И.К. Загидуллин осуществил систематический обзор важнейших источников по демографической истории дореволюционной России, акцентировав внимание на нерешенных вопросах отечественной историографии об этноконфессиональной принадлежности отдельных групп местного населения, а также на широком историческом фоне показал формирование этноса волго-уральских татар – этнического ядра будущей татарской нации.

Комплексное изучение темы стало возможным благодаря привлечению широкого круга источников из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), а также опубликованных материалов. Именно этот обширный комплекс источников при их всестороннем изучении и критическом использовании позволил автору аргументированно решить поставленные задачи. Детальное изучение материалов переписи 1897 г., требующих серьезной дальнейшей обработки, анализа и корректировки статистических данных и позволяющих интерпретировать сложные этнические процессы в Приуралье, представляется оптимальной с точки зрения поставленной цели и задач исследования.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, именного и географического указателей. В конце дан список сокращений.

Первая глава содержит источниковедческий очерк и обзор историографии. В ней дана подробная характеристика источникам, прежде всего статистического характера. Это – писцовые материалы и подворные переписи середины XVI – начала XVIII в., ревизские сказки 1719–1858 гг., материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., городских переписей начала XX в., а также законодательные акты и делопроизводственные материалы. Подробная характеристика источников демографической информации проливает свет на развитие переписного дела в стране в целом. Обращает на себя внимание оценка И.К. Загидуллина серии «История башкирских родов» (издается с 2014 г.). Автор ставит вопрос о необходимости соблюдения правил публикации исторических источников, нарушение которых может привести к искажению исторической действительности и к дальнейшему неверному истолкованию фактов [2, с.14, 21, 22].

В историографии основное внимание уделено трудам, анализирующим социально-демографические процессы среди татарского этноса на основе статистических источников – «писцовых материалов» и данных ревизий (народных переписей), а также данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Отметим, что вопросы этносоциального и демографического развития народов Волго-Уральского региона во второй половине XVI – начале XX в. являются весьма дискуссионными, главным образом ввиду малого количества источников и разных подходов к их интерпретации. В соответствии с задачами исследования, автор проанализировал опубликованные труды, посвященные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. И.К. Загидуллин выделено 4 подхода к учету татарского населения по данным переписи 1897 г.: уфимской научной демографической школы, казанского этнолога Д.М. Исакова, немецкого историка К.Ноака, казанских историков (Н.С. Хамитбаевой, М.З. Гибадуллина и др.). При этом автор акцентировал внимание на проявление тенденции в некоторых работах уфимских исследователей «механического проецирования сложного и часто обновляющегося под воздействием правительственных реформ этносословного профиля региона первой половины XIX в. на предыдущие столетия» [2, с.50].

Примечательно, что автор, рассматривая этносоциальные процессы на примере Уфимской губернии, обратил внимание на способ учета бывших сословных групп, примененный в пореформенный период губернским статистическим комитетом, который «привел к “появлению” в подготовленном в 1896 г. канцелярией Комитета министров “Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи”, составленном в преддверии всеобщей переписи в качестве справочника для ее организации и проведения, “новых этносов” тептяр и мещеряков» [2, с.40]. Таким образом, И.К. Загидуллин нашел причинно-следственную связь между итоговыми данными губернского статистического комитета и «Алфавитным списком...».

Автор отнюдь не случайно критически отнесся к концепции этнолога Р.Г. Кузеева, объяснявший резкое увеличение численности представителей башкирского языка в переписи 1897 г. продолжительным доминирующим влиянием до середины XIX в. сословной идентичности над национальным [2, с.40–42]. Анализируя архивные источники, И.К. Загидуллин пришел к заключению, что перепись 1897 г. не зафиксировала в Приуралье, по выражению Р.Г. Кузеева, «перелива населения из одной национальности в другую». Согласно выводам рецензируемой монографии, «изменение численности “башкир”, “тептяр” и “мещеряков” произошло в результате подмены в ЦСК показаний графы “родной язык” данными графы о сословно-социальной принадлежности испрашиваемых лиц» [2, с.288].

Глава II посвящена изучению документов учета населения Волго-Уральского региона в XVI – середине XIX в. Автор сосредоточил внимание на выявлении численности татарского населения в регионе. В этой связи были рассмотрены вопросы административного устройства региона, районы расселения и направления миграций татар в значительный период

времени, дана характеристика двум основным сословным группам татар – ясачным и служилым татарам. И.К. Загидуллин отметил большую ценность, которую представляют писцовые книги и подворные переписи населения XVI – начала XVIII в., несмотря на их неполноту и недостоверность в некоторых моментах. Он также показал, как повлияла правительственная политика по христианизации местного нерусского населения на экономическое и социально-правовое положение татар, на появление новой сословной группы – новокрещеных [2, с.79–85]. При характеристике статистических документов XVI – начала XVIII в. уместно было бы упомянуть о ясачных книгах, которые до сих пор не обнаружены, но они составлялись и могли бы представлять огромную ценность для характеристики положения ясачных людей в данный период времени.

Ссылаясь на Д.М. Исхакова, автор приводит данные о численности населения Казанского ханства в середине XVI в. (170–180 тыс. человек), но можно было бы отметить, что эти данные могут быть пересмотрены. Так, согласно В.Д. Димитриеву, население Казанского ханства в середине XVI в. составляло около 450 тыс. человек [1].

И.К. Загидуллин подробно рассмотрел по ревизским сказкам этнодемографические, конфессиональные и социальные процессы среди татар. Особое внимание уделено изучению социальной структуры, хозяйственного уклада припущенников Приуралья, которые в ревизских сказках фигурировали как тептяри и бобыли [2, с.85–87]. Ревизские материалы позволили достаточно определенно судить о конфессиональном составе населения Волго-Уральского региона, поскольку крещеных и некрещеных стали записывать отдельно. И.К. Загидуллин также сосредоточил внимание на вопросах учета городского населения и доли в них татар.

Ревизии населения позволили достоверно установить численность податных слоев населения, что для современных исследователей дает возможность с достаточной полнотой оперировать статистическими данными ревизий. Важно подчеркнуть, что при проведении первых ревизий (особенно с I по III ревизию) отмечалось больше случаев неучтенного населения, что можно объяснить главным образом переселенческими процессами и попытками уменьшить налоговое бремя сельскими общинами. Однако, по мере увеличения населения и нехватки обрабатываемой земли, в дальнейшем никто из членов общины не хотел быть пропущенным в ревизиях, иначе в условиях земельного голода надел каждой отдельно взятой семьи был бы еще меньше. А в целом община по-прежнему была заинтересована в уменьшении подушного налога.

Третья и четвертая главы посвящены подробному изучению материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

В третьей главе сделан экскурс в историю подготовки Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., рассмотрены особенности проведения статистического мероприятия в таких аграрных полиэтничных и поликонфессиональных регионах, как Казанская и Уфимская губернии.

Отдельный подраздел в работе отведен описанию деятельности Главной переписной комиссии страны. Автор выделил три основных направления в деятельности этой комиссии: 1) организация и осуществление системной разъяснительной работы среди населения; 2) подготовка и издание переписного материала и инструкций для местных акторов статистической кампании; 3) непосредственное руководство проведением посредством оперативной переписки с местными комиссиями и изданием новых циркуляров, разъяснений по возникающим недоразумениям, выявленным неточностям и запросам нижних структур [2, с.121–125].

И.К. Загидуллин пришел к заключению, что при формировании структуры органов правительство стремилось использовать сложившуюся систему административных институтов на местах. В монографии всесторонне показана огромная организаторская деятельность губернской администрации, вклад местных чиновников в совершенствование проектов первичных документов учета населения, поступивших из Санкт-Петербурга, роль отдельных личностей и социальных групп в проведении переписи. Несомненный интерес представляет изучение особенностей социального поведения мусульманского населения. Автор указал на три основных фактора, оказавших влияние на религиозную мобилизацию: русификаторская политика правительства прежних десятилетий; проживание основной массы татарского и башкирского населения в аграрном регионе по нормам традиционного общества; издержки работы властных структур по организации и проведению переписной кампании. Значимым является вывод о том, что после общественных событий конца 1896 – начала 1897 г., повлекших за собой трансформацию взглядов мусульманских интеллектуалов на социокультурные проблемы, «модернизация мусульманского общества приобрела новое смысловое содержание» [2, с.202].

В четвертой главе автором рассмотрены и критически оценены итоги переписи 1897 г., сделан акцент на важных моментах для правильной интерпретации материалов учета населения по графе «родной язык». Опираясь в своей работе на достижения предшественников и современников, а также опубликованные источники, И.К. Загидуллин изучил конфессиональный состав и социальную структуру населения, динамику численности мусульман (тюрко-татар) в период с 1897 по 1910 г., что позволяет определить социокультурный потенциал городских этноконфессиональных общин.

В этой связи примечателен вывод автора о том, что благодаря включению в начале XX в. в список городов поселений с более 10-тысячным населением увеличилась численность мусульман в средних и малых городах Волго-Уральского региона. Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ данных полиции и материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. о конфессиональном составе татар Казанской губернии дает возможность сделать ряд интересных наблюдений относительно регистрации крещеных татар и «отпавших» в ислам в ходе переписи [2, с.226–227].

Обращает на себя внимание выводы автора о причинах написания в графе «родной язык» разных вариантов («татарский», «мусульманский», «тюрки», «турецкий», «туркменский»), что приближает нас к пониманию вопросов самоидентификации населения по религиозному и языковому признакам, влияния на респондентов общественного сознания и конкретных условий, при которых проводилась перепись [2, с.244].

Некоторые вопросы организации проведения переписи 1897 г., однако, на наш взгляд, остались нераскрытыми. Например, в исследовании сообщается, для каких категорий населения предназначался переписной лист формы Б, но из всего этого объяснения все равно нет четкого представления, какие именно конкретные представители, в частности, в отдельно взятой татарской деревни. Лишь открыв сами переписные листы формы Б, приходишь к пониманию, что это семьи из других мест, проживавшие на постоянной основе в переписываемом населенном пункте. Например, в переписных листах формы Б д.Кубян Спочинок Царевококшайского уезда Казанской губернии таких семей было 12: семьи 3-х указных мулл, указного азанчея, 3-х торговцев мелочными лавками, дошкольного учителя, 2-х земледельцев-арендаторов, 2-х кузнецов – главы всех этих семей были неместными.

В заключении лаконично изложена суть авторской концепции. И.К. Загидуллин выразил необходимость специального исследования переписных листов респондентов-мусульман Приуралья для выяснения подлинных показателей родного языка испрашиваемых групп «башкир», «тептярей» и «мещеряков». Кроме того, автор подчеркивает необходимость пересчета численности татар в материалах переписи 1897 г. в губерниях Волго-Уральского региона [2, с.288]. Таким образом, монография может послужить отправной точкой для дальнейшего исследования этнодемографических процессов среди татар Волго-Уральского региона.

Несмотря на некоторые незначительные недостатки исследования, связанные с попыткой автора обозначить очень широкий диапазон поднимаемых им дискуссионных вопросов относительно этнодемографических процессов среди татар Волго-Уральского региона во второй половине XVI – начале XX в., решение которых возможно только поэтапно и частями с привлечением всего круга источников и литературы, оно по своей актуальности, новизне результатов и научно-практической значимости вносит значительный вклад в реконструкцию региональной истории.

Источники и литература

1. *Димитриев В.Д.* Казанское ханство // Чувашская энциклопедия: [Электронный ресурс] URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=589> (дата обращения: 18.01.2022).
2. *Загидуллин И.К.* Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 324 с.

Book review: Zagidullin I.K. Tatars of the Volga-Ural region in the materials of government statistics (second half of the 16th – early 20th centuries): monograph (Kazan, 2021)

A.V. Akhtyamova, I.Z. Faizrahmanov
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

The review presents a description of the content of the monograph devoted to the study of the demographic and social development of the Tatars of the Volga-Ural region based on a comprehensive analysis of statistical information. It emphasizes the high relevance, great scientific and practical significance of the monograph under review, which covers a period of three and a half centuries – from the moment of the fall of Kazan, when migration processes among the subjects of the former Kazan Khanate intensified, until the beginning of the 20th century. The advantages of the monograph and some shortcomings in the interpretation of statistical sources for the disclosure of this complex and multifaceted topic are noted.

Keywords: Revision lists, scribe and census books, the First general population census in 1897, the Tatars of the Volga-Ural region, Kazan province, Ufa province.

For citation: Akhtyamova A.V., Faizrahmanov I.Z. Book review: Zagidullin I.K. Tatars of the Volga-Ural region in the materials of government statistics (second half of the 16th – early 20th centuries): monograph (Kazan, 2021). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 137–143 (In Russian)

Информация об авторах:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: alsu_was@mail.ru

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: istorkazan@mail.ru

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Faizrahmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

**Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2022. Том 12, № 1**

**From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2022, vol. 12, no. 1**

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 22.06.2022 г. Дата выхода в свет 07.07.2022 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,125. Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У

Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: <http://amirit.ru>

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

К статье
А.Д. Хайруллиной

Ученицы школы
Фатихи Аитовой с пре-
подавателями. 1915 г.
НМ РТ КППи-122272/3

Ф. Аитова – дочь купца А.А. Яушева,
жена С.М. Аитова, основательница
первой татарской женской гимназии в Казани,
открывшейся в 1916 г.
НМ РТ КППи-122272/4

Исхак Губайдуллович Юнусов
(1810–1884) – татарский купец
и меценат. Вторая половина XIX в.
НМ РТ КППи-116292

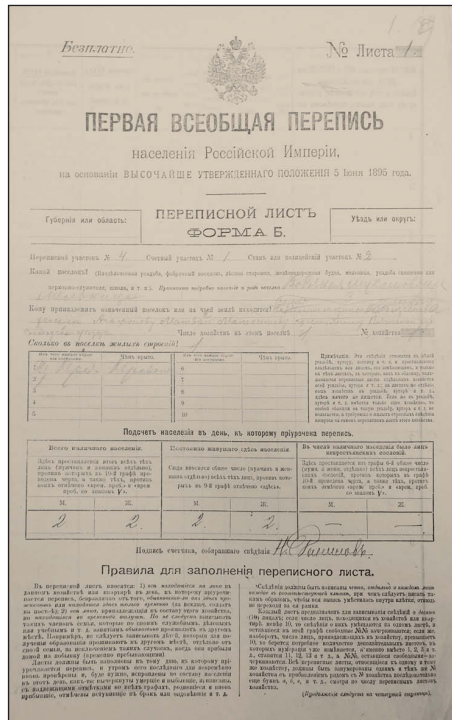
Акт передачи Шамовской
больницы купчихой 1-й гильдии
А.Х. Шамовой городу Казани. 1910 г.
НМ РТ КППи-121227

XXIV Елисаветинско-Сергиевские чтения «Российская благотворительность. Традиции и современность» (Казань, 2 ноября 2021 г.)

Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.); монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 324 с.

Титульный лист переписного листа Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Форма Б.